

СЛАВЯНСКІА ИЗВѢСТІА

№ 2
НОЯБРЬ
1904

Пров. 52

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1904.

ЕЖЕМЪСЕЧНО ОБЩЕСТВЕНО-НАУЧНО СПИСАНИЕ

Задруженъ Трудъ,

подъ редакцията на И. Н. Гюзелевъ.

Въ видъ на прибавление ще бъде помѣстенъ послѣдователно самостоятелниятъ трудъ на редактора, подъ насловъ „Елиментитѣ на познанието“. Годишния му абонаментъ си остава сѣщиятъ: именно 10 л. ср. за България, прѣдплащани по 5 лева въ началото на всѣко шестмѣсечие, и 12 лева зл. въ странство, прѣдплащани наведнажъ.—Списанието се издава отъ самия редакторъ, до когото трѣбва да бъдатъ адресирани всички писма, рѣкописи и поръчки. Абонирането става въ редакцията на списанието, София, улица „Раковски“ Н-ръ 82.

Славянскій Гласъ.

Издание Слав. Благотворительнаго Общества въ Болгаріи.

Списание за книжина, исторически и обществени знания. Годишно стои въ България 8 л., въ Русия 3 р. Редакторъ: С. С. Бобчевъ. —Адресъ: София, ул. Славянска № 26.

Hrvatska Misao

mjesečnik za narodno gospodarstvo, književnost i politiku u slovenskom i demokratskom duhu. -- Vlastnik, izdavač i urednik: Stjepan Radić. — Zagreb. Lažina. Medjašna ul. 12. — Predplata na cjelu godinu 8 kr. Božićni prilog: Ruska slovnica s ruskom čitankom i većim ili manjim ruskim riječnikom. Подписка 8 кронъ (3 р. 50 к.).

Slovenské Pohľady

časopis zábavno-poučný.

Redactor a vydavatel: Josef Škultéty. — Ročník XXIV. — Turčiansky sv. Martin. — Predplatná cena: Rakúsko-Uhorsko na celý rok 10 kr., mimo Rakúsko-Uhorsko 11 kr. 20 halierov (5 руб.).

SLOVANSKY PREHLED

Vychází v sešitech tříarchových vždy první pátek v měsíci, vyjímaje srpen a září.

Předplatné (i s poštovní zásilkou) do všech zemí Rakousko-Uherska, Bosny a Hercegoviny K 8.—, do Německa K 9.—(8 marek), do celého ostatního starého i nového světa K 9.20 (6 franků, 4 ruble). Cena jednotlivého sešitu i K.

Administrace Slovanského Přehledu (F. Šimáček)

v Praze, Jeruzalémská ul. 11.

Všecky zásilky, týkající se redakce (rukopisy, knihy k oznámení a časopisy ua výměnu atd.), buďtež zaslány redaktoru Ad. Černému (Praha-Král. Vínohrady, Chodská ul. 26).

СЛАВЯНСКІА ИЗВѢСТІА

№ 2

Н о я б р ь

1904 г.

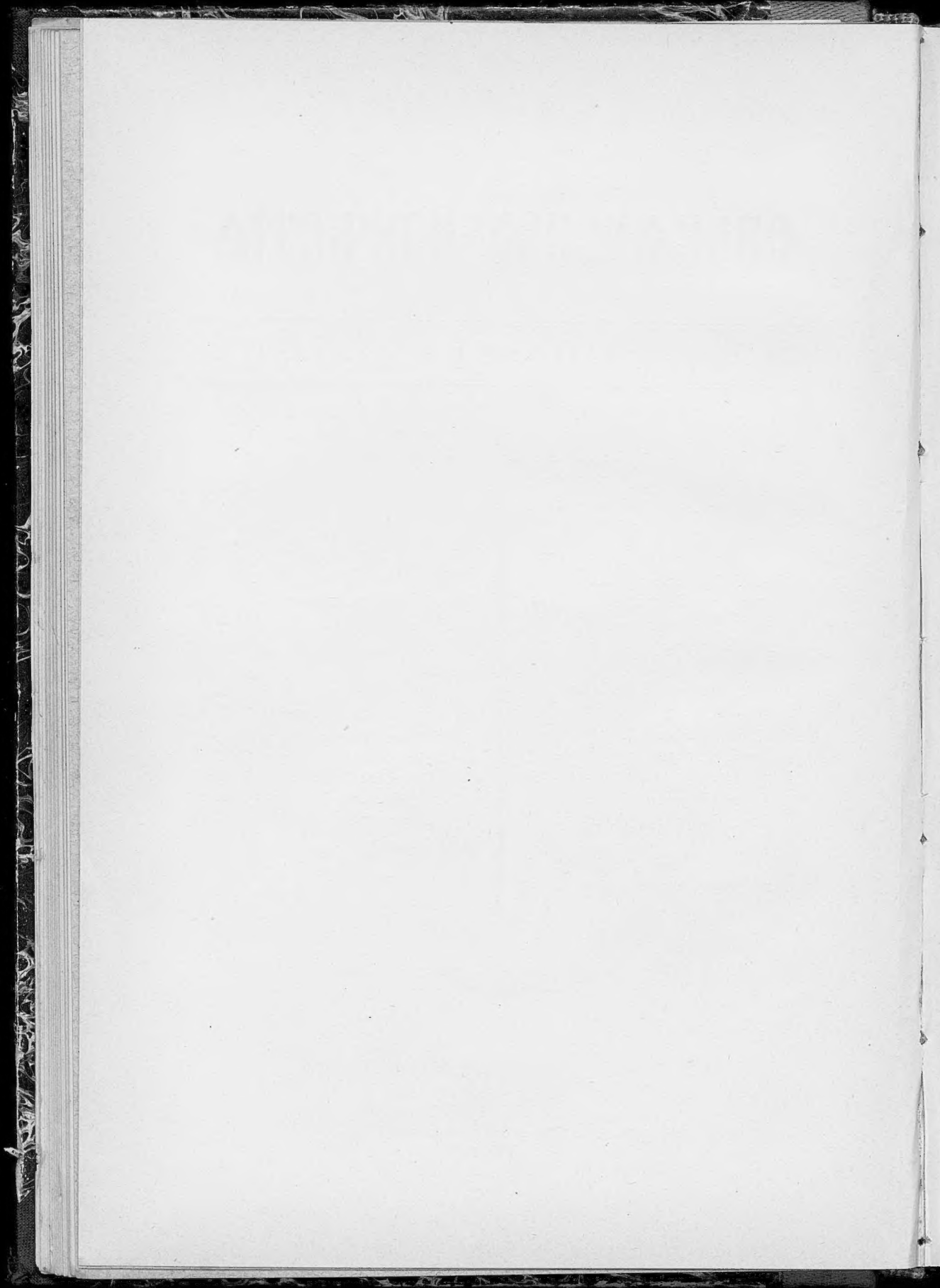
СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.		СТР.
I. <i>А. Н. Сиротининъ</i> . Антонъ Ашкерцъ. Замѣтки	117	VII. <i>Азъ</i> . Изъ Галицкой Руси .	197
II. <i>Т. Щербаченко</i> . Письма западно-русскаго дворянина, V	142	VIII. Славянская жизнь	210
III. <i>А. С. Базиліане</i> въ Галичинѣ	150	IX. Некрологи: <i>А. Н. Пыпинъ</i> . — Антонъ Фабрисъ	225
IV. <i>Г. А. Ильинскій</i> . Новая книга о древнѣйшей исторіи русской равнины . . .	158	X. Библіографія	229
V. <i>Иванъ Пріятель</i> . Словенцы и ихъ литература. Очерки, II	166	XI. Матеріалы по исторіи диссидентскаго вопроса . . .	238
VI. <i>О. Вильчинскій</i> . Капища и кумиры у славянъ	187	XII. Изъ славянскихъ поэтовъ: Николай I Черногорскій, Воиславъ Иличъ, Змай Іовановичъ, А. Ашкерцъ. Переводы <i>С. В. Штейна</i> .	241
		XIII. Объявленія.	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1904.

Антонъ Ашкерцъ.

Замѣтки ¹⁾.

I.

Когда идущій изъ Вѣны къ Адриатическому приморью поѣздъ, выбившись изъ горныхъ ущелій южной Штиріи, гдѣ среди высокихъ и зеленыхъ горъ его сопровождаетъ, пѣнясь и волнуясь въ своемъ каменномъ ложѣ, сперва Санъ, а потомъ голубовато-бѣлая Сава—Sava deroča,—выбѣгаетъ, наконецъ, на болѣе ровное и просторное мѣсто, передъ нами открывается долина Краины. Пустынное безлюдье Карста еще не коснулось ея здѣсь. Горы почтительно отступаютъ въ сторону, поднимаясь вдали, точно исполинскіе курганы. И на разстилающейся среди нихъ цвѣтущей равнинѣ у подножья одного изъ такихъ громадныхъ кургановъ, на вершинѣ котораго изъ зелени деревьевъ поднимается средневѣковой замокъ, раскинулся небольшой городъ. Это столица Краины, нѣкогда древнеримская Эмона, а теперь „бѣлая“ Любляна, средоточіе словенской жизни. Пріятно послѣ безнародной и чуждой намъ Вѣны очутиться среди близкихъ, хотя и незнакомыхъ, людей. Пріятно пройти по этимъ тихимъ улицамъ, гдѣ вокругъ васъ слышится славенская рѣчь, гдѣ съ площадей глядятъ на васъ пѣвецъ „освобожденной Иллиріи“ Водникъ и первый описатель Краины Вальваторъ, а на каждомъ углу виднѣются надписи и названія, напоминающія знакомыя имена литературныхъ словенскихъ дѣятелей. Пріятно чувствовать ту атмосферу радушія и искренней пріязни, которою

¹⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на прекрасную статью А. Н. Сиротинина, проникнутую добрымъ славянскимъ чувствомъ и имѣющую общій интересъ.

окружаютъ здѣсь каждаго русскаго и славянина. Тиха бѣлая Любляна; не спѣша, ровно, по разѣ заведенному порядку течетъ здѣсь жизнь; въ полдень—часъ обѣда—запираются магазины, и городъ точно спитъ; вечеромъ, едва спустится сумракъ, уже только отдѣльныя фигуры попадаются по пустыннымъ улицамъ. Но подъ этимъ спокойствіемъ кроется цвѣтъ умственной и духовной жизни полуторамилліоннаго словенскаго народа. Въ сѣверной части города при Маринской коллегіи выходитъ органъ словенской клерикальной партіи Dom in Svet; у епископіи ютятся католическія книжныя лавки, а въ противоположной части города зданіе Матицы Словенской и помѣщенія „либераловъ“, редакціи газеты „Slovenski Narod“, красиваго еженедѣльнаго „Slovan'a“ и ежемѣсячнаго „Люблянскаго Звона“, еще такъ недавно подъ редакціей Ашкерца бывшаго первымъ у насъ всеславянскимъ журналомъ. Все, что есть только достопримѣчательнаго у словенцевъ, появляется въ Люблянѣ. Здѣсь печатаются Грегорчичъ, Цанкаръ, Зупанчичъ, Зофка Кведрова (теперь Еловшекъ). Здѣсь живетъ и дѣйствуетъ тотъ, кто можетъ составлять лучшую гордость словенцевъ, ихъ право на уваженіе и вниманіе всего образованнаго міра—первый словенскій и единственный у насъ всеславянскій поэтъ—Антонъ Ашкерць.

Ашкерцу теперь 48 лѣтъ. По происхожденію онъ не изъ Крайны. Онъ родился, какъ и иллирскій соловей, Станко Вразъ—въ Южной Штиріи, въ мѣстечкѣ Глубокомъ, близъ Римскихъ банъ (Römerbad). Гимназію кончилъ онъ въ Цилли, томъ живописномъ горномъ городкѣ, который года два или три тому назадъ былъ предметомъ горячихъ дебатовъ въ австрійскомъ парламентѣ и мѣстомъ народной борьбы изъ-за открытія при мѣстной гимназіи словенскихъ параллельныхъ отдѣленій. Изъ Цилли Ашкерць перешелъ въ Мариборъ и, прослушавъ тамъ курсъ богословія, сдѣлался священникомъ. Но не тихое призваніе священника было ему суждено. Онъ сбросилъ съ себя сутану и вотъ уже шесть лѣтъ, какъ живетъ въ Люблянѣ, занимая должность городского архиваріуса и въ часы досуга давая намъ свои пѣсни, въ которыхъ онъ обнялъ искренней и горячей любовью—и родную Штирію, и Крайну, и землю сербо-хорватскую, и дальнюю Русь, и Чехію, и Польшу, и Болгарію, и Македонію, и словаковъ—словомъ все пестрое, но въ своей пестротѣ единое славянство.

Не случайно именно въ землѣ словенской появился и живетъ нашъ первый послѣ Коллара всеславянскій поэтъ. Зайдите

въ Люблянѣ въ народную кофейню на площади, гдѣ когда-то происходилъ Лайбахскій конгрессъ, — вы увидите тамъ цѣлую кучу всевозможныхъ славянскихъ газетъ. Тамъ и наша Нива, и Славянскій Вѣкъ, и Новое Время мирно лежитъ рядомъ съ Петербургскими Вѣдомостями, тамъ чешскіе *Narodni Listy*, хорватскій *Obzor*, и сербскія изданія — тамъ славянскій духъ, тамъ вѣтъ на васъ славянствомъ, и вы чувствуете себя дома. А въ двухъ шагахъ отъ кофейни, пройдя узенькую Еврейскую улицу, Юрчичева площадь, гдѣ въ квартирѣ доктора Л. М. Енко пріютился русскій кружокъ, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ идетъ обученіе русскому языку и литературѣ. Около 100 человѣкъ входитъ въ этотъ кружокъ, не считая такъ называемыхъ госпитантовъ — гостей, изъ которыхъ большинство учащаяся молодежь, которой гимназическое начальство не позволяетъ вступать въ кружокъ дѣйствительными членами. Еще нѣсколько шаговъ по старому городу, — и вы передъ большимъ и красивымъ, хотя и простымъ по архитектурѣ, зданіемъ „Женской школы“, гдѣ на фронтонѣ вмѣсто всякихъ украшеній высѣчены имена знаменитыхъ педагоговъ всего славянства: чехъ *Amos Komenský*, словенцы *Anton Martin Slomšek*, *Valentin Vodnik*, полякъ *Grzegorz Piramowicz* и нашъ Левъ Николаевичъ Толстой, а рядомъ съ ними Песталоцци и Руссо. Всѣ наружныя стѣны школы въ такихъ же барельефныхъ надписяхъ. Эти надписи характерны. Здѣсь кромѣ обычныхъ нравоученій — *življenje naj bode ti delaven dan* (жизнь да будетъ для тебя рабочимъ днемъ) и т. п. — красуются такія слова: *Ime slovensko tebi sveto bodi* (да будетъ). *Ne srami ga* (его). *Sramiti ga ne daj povsod*. *Naj plemenitost* (благородство) *tebe vodi*. *Ljubite svoj rod, spoštujte svoj jezik* (любите свое племя, почитайте свой языкъ). *Materni jezik je najdražja dota* (материнскій языкъ — самое дорогое наше достояніе). *Prijatelji! ne pozabimo, da smo slovinci* (Друзья! не забудемъ, что мы словенцы!). „То је радикално!“ — говорятъ словенцы, показывая эту послѣднюю надпись, и въ этомъ комментарий, какъ и въ самой надписи, — краснорѣчиво встаетъ передъ зрителемъ положеніе народа. Расчетвертованное племя, часть котораго живетъ въ Крайнѣ, часть въ Штиріи, часть въ Гориціи, а часть даже въ Италіи, — словенцы, выдвинутые на самый крайній западъ славянщины, борются за свое народное существованіе сразу и противъ нѣмцевъ, и противъ итальянцевъ, и отчасти противъ мадьяръ. Въ то же время ихъ разъѣдаетъ глубокій внутренній расколъ между католической и либеральной партіей, въ которомъ, конечно, виноваты

обѣ. Но есть мостъ, который перекинуть черезъ раздѣляющую ихъ пропасть; это—народность. Есть сочувствія и надежды, которыя соединяютъ оба враждебные стана въ одинъ; это—славянство и Россія. Нѣкогда Колларъ, сынъ почти забитаго мадярами народа, искалъ себѣ силы для жизни и проповѣди въ сознаніи всеславянскаго единства. Не диво, что на этой опорѣ основываютъ свои надежды заливаемые съ трехъ сторонъ чужимъ моремъ словенцы. Еще прежде, чѣмъ Енко началъ свои русскіе курсы, Ашкерцъ, будучи священникомъ въ южной Штирии, уже принялся за изученіе русскаго и другихъ славянскихъ языковъ. Ища спасенія и защиты для своего народа, онъ обратился къ тому же источнику силы, изъ котораго черпалъ Колларъ, и сталъ поэтомъ всеславянства.

Приподнимемъ теперь завѣсу съ его творчества и посмотримъ, на какихъ общечеловѣческихъ основаніяхъ покоятся его всеславянскія сочувствія, ибо, какъ ни велико и могуче начало народности, но, чтобы быть дѣйствительно плодотворнымъ, оно само нуждается въ высшемъ освѣщеніи не природнаго, а уже нравственнаго порядка.

II.

Въ сборникѣ *Nove poezije* есть одно очень характерное для Ашкерца стихотвореніе „Страничка изъ лѣтописи Юрьевского монастыря“. Это рассказанная устами монастырскаго лѣтописца исторія одного изъ монастырской братіи Куно. „Кто былъ братъ Куно, и откуда явился онъ въ монастырь, никто не зналъ. Былъ онъ странный человѣкъ. Весь день, случалось, пропадалъ онъ изъ своей кельи и бродилъ по горамъ и долинамъ, и часто, бывало, охотникъ находилъ его подъ косматою тѣнью бука заслушавшимся сладкой пѣсни птицъ. И никогда не возвращался Куно домой съ пустыми руками. Сегодня приносилъ онъ полныя корзины цвѣтовъ, травъ и кореньевъ, а завтра ловилъ жуковъ, пестрыхъ мотыльковъ, ящерицъ, гадюкъ, жабъ. А то ворочался онъ съ полными карманами разныхъ камешковъ. И весь этотъ пестрый сѣрый хламъ валялся потомъ въ его кельѣ. А читалъ онъ безъ конца. По столамъ, на полу, въ шкафахъ и на полкахъ всюду—лежали у него книги. Тутъ былъ Плиній, тамъ Горацій, Гомеръ, тутъ Платонъ и Аристотель, тамъ Тома Кемпійскій и Священное

писаніе... А на окнѣ, на листьяхъ папортника и еловыхъ вѣткахъ, открытымъ лежалъ молитвенникъ. Нерѣдко за своими книгами и камнями забывалъ онъ о службѣ Божіей, а лѣтомъ, въ ночи, когда такъ ясно небо, и такъ ярко мигаютъ на немъ золотыя звѣзды, простаивалъ онъ цѣлыя ночи въ саду, вглядываясь въ открывшуюся передъ нимъ бездну неба. И зналъ онъ каждую звѣздочку по имени, какъ брата въ монастырѣ. Природа не выходила у него изъ головы. Съ нею онъ жилъ, ею дышалъ, ее почиталъ, и—кто его знаетъ—была ли въ сердцѣ его истинная вѣра, но былъ онъ добрая душа и никогда никому не сказалъ обиднаго слова, никогда не сдѣлалъ зла. И вотъ что съ нимъ случилось однажды.

Былъ вечеръ на Ивана Купалу. Давно уже вся братія послѣ общей трапезы собралась въ ректоріи и ждала Куно, но напрасно. Уже кончилась вечерняя молитва, прозвучало послѣднее амен; пріоръ уже далъ знакъ къ отдыху, и всѣ встали изъ-за столовъ; какъ вдругъ двери отворились настежь, и въ залу вошелъ запыхавшійся, блѣдный братъ Куно... „Все чисто, все!“ воскликнулъ онъ таинственнымъ голосомъ, обращаясь къ братіи. О чемъ онъ думалъ, никто не понималъ. Онъ подошелъ ближе и, опираясь руками о столъ, какъ будто свыше вдохновенный, началъ говорить: „Вы знаете, какая ночь сегодня? Вы знаете, что нынче все созданіе Божіе говоритъ понятнымъ человѣку языкомъ, и я слышалъ этотъ чудный говоръ.

Подъ деревомъ лежалъ я на травѣ зеленой,
Когда спускаться началъ сумракъ тайный,
И царство грезъ овладѣло міромъ.
Вдругъ слышу: изъ земли ко мнѣ доходить
Чудесный, дивный голосъ: „я чиста!“

Склонялись нѣжно надо мною розы,
И чашечки ихъ алыя шептали,
Листва зеленая шумѣла въ чащѣ,
Потокъ лѣсной журчалъ между деревьевъ,
И надо мной летали роемъ птицы...
И все, что было въ чащѣ той живого,
Въ видѣннѣ пестромъ все неслоя мимо—
И говорило все, и говорило!
И вѣтеръ, что гудѣлъ въ дубравѣ шумной,
Тотъ вѣтеръ также говорилъ со мною.
И весь тотъ шумъ, и гамъ, и лепетъ,
То пѣнье, вѣтра свистъ, языкъ стихій,
Всѣ голоса земли родной и милой

Въ одинъ сливались хоръ согласный, стройный,
Симфоніей торжественной звучали...
А я лежалъ недвижно, очарованъ.
И въ слухъ ко мнѣ весенней этой пѣсни
Припѣвъ одинъ врывался: „Чисто все!

Все чисто, все, что видишь ты и слышишь,
Что чувствуешь вокругъ себя, о Куно!“
И глубже уходилъ я въ царство грезы,
И предо мной раскрылись тайны міра,
Святыя чудеса природы вѣчной.
И всякая тамъ тварь гласила громко:
„Я чистою изъ Божьихъ вышла рукъ
И я чиста!“... А я все грезилъ, грезилъ!..
И вотъ внезапно смолкли голоса.
Торжественная тишь кругомъ настала.
Дубрава темная и лѣсъ пропали,
Пропали всѣ цвѣты, пропали звѣри,
Утихло пѣніе, замолкъ ручей.

И статуей воздвигшись исполинской
Жена живая встала предо мною.
Божественной сверкая наготою,
Красой цвѣло ея святое тѣло,
И той красы торжественной и чистой
Не въ силахъ описать я вамъ, о братья.
Какъ червь, во прахѣ я лежалъ предъ нею,
Она-же на меня съ величіемъ взирала.
И робкими я прошепталъ устами:
„Кто ты, о величаяя жена?“

— „Природа я вселенной, Божья дочь,
„Праматерь всѣхъ созданій, вѣчный Сфинксъ,
„А ты, о человѣкъ, мой лучший сынъ!
„И я чиста, чиста, чиста, чиста!“...
Какъ громъ, въ отвѣтъ неслись ея слова...
И я проснулся: грезы отлетѣли,
А надъ дубравой ночь уже плыла,
Простерши черный плащъ свой надо мною...
Я къ вамъ бѣжалъ тогда,—и вотъ я здѣсь!

Такъ говорилъ всей братіи Куно, но словъ его не понялъ никто, а на утро онъ уже не всталъ съ постели и черезъ нѣсколько дней скончался среди своихъ цвѣтовъ, жуковъ и книгъ, продолжая бредить о своемъ видѣніи и о чистотѣ вѣчной матери—природѣ.

Братъ Куно—это Ашкерцъ. Онъ любитъ мать-землю сырую со всѣми ея дарами, утѣхами и наслажденіями, а больше всего

любить онъ „сына земли“ — человѣка и человѣческое счастье. Онъ такой же настоящій гуманистъ, какъ Петрарка или Боккаччо. Въ Цилейской гимназiи, въ Мариборской семинаріи изъ-за разрозненныхъ латинскихъ текстовъ и кусочковъ, изъ-за пестрой ткани словъ, въ которой обыкновенно ученикъ ищетъ мысль отдѣльной фразы, не думая о связи и общемъ смыслѣ читаемаго, Ашкерцъ уловилъ чуткимъ поэтическимъ слухомъ связующій эти нити мыслей въ одну цѣлую и живую ткань самый духъ античнаго міра. Онъ вынесъ изъ римскихъ писателей непреодолимую вѣру въ человѣческія силы. „О, Римъ!—воскликнулъ онъ позднѣе ¹⁾—уже въ годы юности я смотрѣлъ тебѣ въ лицо и прожилъ съ тобою свои лучшіе, весенніе дни. Ученикъ твоихъ Цицероновъ, Гораціевъ, Овидіевъ, мудрыхъ Тацитовъ, Ювеналовъ и Саллюстіевъ, я и теперь преклоняюсь передъ ними, передъ этими богатырями духа, твоими славными героями. Ты, о Римъ, какъ свѣтлое солнце, разливалъ золотые лучи своего свѣта по всему міру, и одинъ изъ многихъ тысячъ этихъ золотыхъ лучей запасть и въ мою душу и освѣтилъ ее сіяніемъ правды и зажечь въ моемъ сердцѣ мечты о свободѣ, о чело-вѣчности, о всемъ прекрасномъ и добромъ“.

Какъ гуманисты XVI вѣка, Ашкерцъ послѣ долгаго, тяжелаго и мрачнаго сна, точно вновь прозрѣлъ и увидѣлъ красоту природы и жизни и наслаждается ею, забывъ обо всемъ иномъ. Поэту противенъ аскетъ-факирь, что до пояса закопанный въ землю стоитъ у большой дороги и, шепча вѣчно имя Брамъ, хочетъ, умерщвляя свою плоть, достигъ совершенства, сбросить съ себя все земное и стать не только равнымъ Богу, но и превзойти его въ святости. Мимо него течетъ жизнь, проходятъ караваны, идетъ цвѣтущая молодость, сыплетъ цвѣтами по дугамъ, а онъ, опустивъ глаза въ землю, обросшій волосами, стоитъ и не видитъ окружающей его красоты. Сердце его холодно какъ камень, и невольно прохожему приходитъ въ голову сомнѣніе, точно-ли это человѣкъ. И вотъ, наконецъ, къ нему нисходитъ самъ Брамъ, но что же онъ услышалъ отъ него? „Безплоденъ твой трудъ и смиреніе. Напрасно изжуряешь ты свое молодое тѣло. Дурной ты выбралъ себѣ путь. Я сотворилъ тебя не ангеломъ, не полубогомъ. Останься же тѣмъ, чѣмъ я тебя создалъ: будь человѣкомъ. Это да будетъ тебѣ высшею цѣлью. Люби жизнь, не убѣгай отъ страданій свѣта, не отдѣляйся отъ братьевъ. Не себялюбивымъ само-

¹⁾ Nove poezije Roma.

умерщвлєніємъ, а любовью къ ближнимъ можешь ты приблизиться ко мнѣ. Работай для счастья людского, и, счастливый самъ, ты будешь милъ и мнѣ. Оставь пустыя мечты быть сверхъ-человѣкомъ, да не падешь и не станешь ниже человѣка“ ¹⁾.

Ашкерць вѣрить въ человѣка, въ его свѣтлую и благородную природу, въ неистощимость его силъ, въ мощь его воли. Но всего дороже и цѣннѣе для него въ человѣкѣ—это святое чувство любви брата къ братьямъ-людямъ. Безъ этого чувства ничто всѣ сокровища отвлеченнаго, теоретическаго знанія. Наука бесплодна, если подрѣзанъ корень, связывающій ее съ жизнью, и Ашкерць бичуетъ своей сатирою мертвенный холодъ лишенной жизненнаго свѣта учености. „Когда Будда-Готама пришелъ въ Бенаресь—читаемъ въ книгѣ *Nove poezije*—навстрѣчу ему вышли браминны и стали водить его по пагодамъ, гдѣ возносились къ небу святыя гимны, и, показывая ему городскія достопримѣчательности, привели наконецъ ко дворцу, гдѣ, по ихъ словамъ, хранилось самое драгоцѣнное ихъ сокровище. Готама переступилъ за ними порогъ и очутился въ громадной залѣ, гдѣ отъ полу до потолка по всѣмъ стѣнамъ стояли на полкахъ тысячи книгъ. Здѣсь наша слава, здѣсь глубокая мудрость Ведъ и комментаріи къ нимъ. Изъ нихъ говоритъ сама ученость. Любовью къ страдающему брату и милосердіемъ дышитъ каждая здѣсь буква—сказали они. „Жаль, отвѣтилъ имъ Будда. Изъ живыхъ человѣческихъ сердецъ любовь перенесли вы въ книги; оттого-то такъ праздно и пусты ваши сердца, и мертвеннымъ холодомъ вѣетъ отъ нихъ: въ нихъ любви нѣтъ и слѣда“.

Безразлично относится поэтъ и къ чисто религіознымъ вопросамъ. „Всѣ индійскія вѣры для меня одинаковы, говоритъ у него индійскій царь Ашока. Наилучшую вѣру исповѣдуетъ тотъ, кто помогаетъ своимъ братьямъ, кто любитъ ближняго отъ глубины своего сердца. Всѣ внѣшніе обряды не имѣютъ цѣны. Что значитъ для мудреца облакающая зерно шелуха! Да царствуетъ свобода мысли и слова! Да будетъ всякому мнѣнію открытая дорога! Только любите другъ друга, о братья, и да не коснется вашихъ сердецъ ядъ гнѣва и ненависти. Вотъ вамъ мое завѣщаніе“ ²⁾.

Но не довольно высѣчь эти слова въ твердыхъ стѣнахъ скалъ, какъ это сдѣлали на поученіе потомкамъ подданные Ашоки, не довольно даже запечатлѣть ихъ въ сердцахъ,—ихъ надо воплотить

¹⁾ *Nove poezije*, 68—71.

²⁾ *Četrti zbornik poezij* 153.

въ дѣло, и для этого дана человѣку воля. Только она вызываетъ любовь изъ области сентиментальныхъ мечтаній въ трезвую и живую область дѣла. И каждый стихъ Ашкерца дышитъ не только любовью къ людямъ, но и вѣрой въ силу человѣческой воли. Смотри на Петербургъ съ его дворцами изъ окна домика Петра великаго, поэтъ переносится мыслью въ то время, когда смотрѣлъ изъ этого же окошка на финскія болота и Неву самъ царь и грезилъ о созданіи новаго города, несмотря на всѣ преграды. „Я такъ хочу, и городъ будетъ“, сказалъ онъ. И слово стало дѣломъ: скромный домикъ Петра говоритъ намъ теперь: „воля человека — величайшая сила *). Въ исторіи и жизни народовъ, а особенно славянства, которое служить главнымъ матеріаломъ для его пѣсенъ, Ашкерцъ ищетъ по преимуществу такихъ моментовъ, когда мягкій и добродушный славянинъ открываетъ въ своемъ сердцѣ силу отпора и энергіи. Если бы когда нибудь устроили апофеозъ Ашкерцу, около него собрались бы самые сильные люди славянства—Гусъ, Петръ Великій, Болеславъ Смѣлый, Собѣскій, Зринскій, Франкопанъ. Онъ собираетъ ихъ, чтобы и въ современномъ славянствѣ возбудить силу, тотъ мощный духъ единства, котораго желать онъ славянскимъ журналистамъ, когда они собрались на съѣздъ въ Люблянѣ:

O, pridi todi ¹⁾ k nam Slovanom, duh ti svetl!
 Poguma ²⁾ duh navdihni nas in ³⁾ duh močl!
 In duh edinosti se vseli ⁴⁾ v srca naša!
 Modrosti ⁵⁾ svetli duh se v umih naših vžgi ⁶⁾!
 Po tebe hrepenimo ⁷⁾ davno, duh svobode!
 Napredka ⁸⁾ duh ti naš si ideal poslej!
 K prosyete ⁹⁾ luči pot ¹⁰⁾ nas skupna ¹¹⁾ vodi naša.
 Naprej ¹²⁾, Slovani, k luči božji tej, naprej **).

Воспламеняя въ груди нашей любовь къ людямъ, поэтъ зоветъ насъ къ созданію на землѣ человѣческаго счастья, но, такъ какъ реально служить человечеству въ нормальныхъ условіяхъ можно только, укрѣпившись на живомъ корнѣ народности и идя посте-

¹⁾ Ibidem. 31—32.

*) Ibidem, 19. ¹⁾ также, ²⁾ мужества, ³⁾ и, ⁴⁾ вселись, ⁵⁾ мудрости, ⁶⁾ зажги, ⁷⁾ тоскуемъ, ⁸⁾ прогресса, ⁹⁾ просвѣщенія, ¹⁰⁾ дорога, путь, ¹¹⁾ общая, ¹²⁾ впередъ. Словенское š=русскому ч, ž=ж, š=ш.

пенно расширяющимися концентрическими кругами, то Ашкерцъ, желая исполнить завѣтъ поэта:

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ
И будь ихъ другъ,

идеть прежде всего къ своему народу и племени. Цикль пѣсенъ „Старая правда“, содержаніе которой взято изъ словенской исторіи, рисуеъ намъ Ашкерца, какъ народника и неизмѣннаго заступника за свой народъ, а множество стихотвореній, посвященныхъ разнымъ отраслямъ славянскаго племени, указываетъ, что по отношенію къ другимъ славянамъ у него не существуетъ словъ: „они и мы“,—и вотъ основа его всеславянскихъ сочувствій и стремленій. Она—народная и въ то же время глубоко гуманитарная. Мы не можемъ останавливаться долго на отдѣльныхъ всеславянскихъ стихотвореніяхъ Ашкерца, но довольно будетъ указать на лучшія изъ нихъ—на „Рапсодіи болгарскаго гусяра“, гдѣ всего ярче выразился мощный, неукротимый, воинскій духъ поэта, тотъ „ратоборный“ духъ, какъ сказали бы хорваты, который унаслѣдовалъ онъ отъ своихъ предковъ, если вѣрно предположеніе, что фамилія „Ашкерцъ“, не находящая себѣ корня въ словенскомъ языкѣ, происходитъ отъ турецкаго слова „аскьеръ“—солдатъ.

„Рапсодіи болгарскаго гусяра“—это рядъ маленькихъ поэмъ, въ общемъ составляющихъ одну цѣлостную эпопею болгарскаго освободительнаго движенія, исполненную картинъ величественныхъ и разительныхъ. Самая обстановка, въ которой происходитъ здѣсь дѣйствіе—подоблачные Балканы—своеобразна и занимательна, но еще своеобразнѣе самое содержаніе рапсодій—эти обѣдни подъ открытымъ, усѣянными звѣздами ночнымъ небомъ, обѣдни, которыя служатъ въ дѣвственной буковой чащѣ, заткнувъ за поясъ ножи, гайдуки-монахи, эти безумные подвиги отважныхъ болгарскихъ юнаковъ, идущихъ прямо въ пасть звѣря, и наконецъ высокая и непреклонная доблесть духа болгарскаго крестьянина, готоваго на смерть, лишь бы не выдать мучителямъ героя, какъ не выдалъ туркамъ вождя болгарскихъ четъ Бенковскаго пастухъ Станчо:

Шумитъ зеленый Видъ, шумитъ.
Изъ Тетевѣна въ ночь спѣшитъ
Дорѣгой Турокъ дикихъ рой...
Кого влекутъ они съ собой?

„Впередъ, пастухъ, впередъ иди!
Гдѣ Бѣнковскій, намъ укажи!“
„Нашъ храбрый вождь вамъ нуженъ—да?
Его не выдамъ никогда!“

„Впередъ, покуда ночи тѣнь
Не разогналъ съ Балкана день!
„Въ ущельяхъ скалъ сегодня тамъ
Ты скрылъ его,—гдѣ, знаешь самъ!

„Туда веди и насъ съ собой,
Разбойничье гнѣздо открой!
„Онъ всѣхъ бунтовщиковъ глава,
Онъ поднялъ знамя мятежа,
„Зажегъ огонь возстанья вновь,
Потоками онъ пролилъ кровь!“...

Шумитъ, бушуетъ, быстрый Видъ,
Надъ нимъ мостъ каменный виситъ...

„Къ нему веди скорѣе насъ,
Получишь золота тотчасъ!
„А нѣтъ—на мѣстѣ ятаганъ
Тебя уложить на Балканъ!“

„Пасу овецъ я, небогатъ,
Но мнѣ дороже жизни братья!
„Нѣтъ, и за деньги не продамъ
Юнака нашего я вамъ!
„Гдѣ спрятанъ вождь во тѣмѣ ночной,
Та тайна въ гробъ уйдетъ со мной!“

И прыгнулъ въ волны онъ съ моста,
Навѣкъ сомкнулися уста...
Онъ ужъ не всплылъ, а дно молчитъ...
Надъ нимъ бушуетъ Видъ шумитъ...

А вотъ начало великолѣпной поэмы „Батакъ“, гдѣ описывается знаменитая батакская рѣзня 1876 года:

Вставай, скорѣй вставай, Батакъ!
Иль ты ужъ больше не юнакъ?

Откуда кличъ, откуда зовъ,
Что будить миръ среди лѣсовъ
И горъ уснувшего селенья?
То вихорь-ли съ Родопскихъ горъ,
Зовя юнаковъ на отпоръ,
Подъемлетъ бурныя стремленья?

То смѣлый-ли пришелъ гайдукъ
Въ таинственномъ полночномъ мракѣ
Своихъ братьевъ звать въ Батакѣ,
Да сбросять нго рабскихъ мукъ?
Иль будить юный вѣтеръ мая
Тебя, о дремлющая рая?

Откуда кличъ, откуда зовъ,
Понятно каждому безъ словъ.

Часъ битвы роковой насталь.
Заряженные ружья сами
Въ мигъ очутились за плечами,
Самъ въ руку просится кинжалъ.
Съ сосѣдомъ шепчется сосѣдъ,
Въ очахъ горить зловѣщій свѣтъ.

Другъ другу руку пожмаетъ.
У всякаго на сердцѣ тайна есть,
Но тайны этой не прочесть.
Всякъ знаетъ: что-то наступаетъ,
И, озираясь на домъ свой,
Сжимаетъ крѣпче ножъ рукой.

Но не въ добрый часъ поднялся Батакъ. Прошло два—три дня и началась дикая рѣзня въроломно обезоруженныхъ болгаръ. Высоко съ неба смотрѣлъ безжалостный и холодный мѣсяцъ, а на землѣ гибли люди, гибли въ деревнѣ, гибли у рѣки, гибли въ церкви, напрасно умоляя о спасеніи. Картины, полныя страшной, хотя дикой, поэзіи. Жаль только, что Ашкерцъ не удержался отъ внесенія въ эту эпическую поэму субъективнаго элемента. Описывая, какъ спокойно и безстрастно смотрѣли въ эту майскую ночь на турецкіе ужасы безмолвные лики святыхъ, онъ съ негодующимъ упрекомъ обращается къ небу: Ужели ты ничего не видишь и не слышишь? Увы!

Стоишь рабовъ
Не достигаешь до боговъ.

Это двойная неправда. Неправда въ идеѣ, неправда въ фактѣ. Стоны зарѣзанныхъ въ Батакѣ людей и женщинъ дошли до Бога, и поднялся за нихъ съ сѣвера нежданнй мститель. Рапсодіи кончаются превосходными стихами „Гайдуково видѣніе“. На вершинѣ балканъ стоитъ старый гайдукъ, а вокругъ, передъ нимъ, всюду, куда только проникаетъ взоръ, — трупы убитыхъ,

добыча и пиршество вороновъ. И глубокая грусть объемлетъ сердце юнака. Но вотъ съ небесной высоты спускается къ нему орелъ и, сѣвъ на плечо, привлекаетъ его вниманіе на сѣверъ. Взглянулъ туда гайдукъ и видитъ:

Oživela je ¹⁾ step,
oživela step ruska je vsa,
nedogledna in tiha in sanjava ²⁾ step!
Ko iz tal ³⁾ rasto ⁴⁾ polki neštete ⁵⁾ iz nje...
Vedno več ⁶⁾, vedno več oborožanih mož ⁷⁾
Se pomiče ⁸⁾ na jug, ko ⁹⁾ na morju tam val,
ki ga žene ¹⁰⁾ vihar do bregov, do obal...
Je Igor li iz groba stoletnega vstal,
ali slavni Oleg, al junak Sviatoslav?
Ni Igor ni Oleg niti Sviatoslav to—
beli car je, ki ¹¹⁾ polke je svoje sezval
pa ¹²⁾ jih vodi na jug, na pomoč, na Balkan...
Vedno bliže in bliže jih vidim...
.
.
.
To je boj, to je boj, da ¹³⁾ se trese Balkan!
.
.
.
.
.
Padla Plevna je že ¹⁴⁾.
.
.
.
In moj orel ponosno ¹⁵⁾ peruti ¹⁶⁾ razpne ¹⁷⁾
pa se dvigne ¹⁸⁾ v višave nad temni Balkan,
nad svobodni, visoki, slovanski Balkan... *).

Русская сила освободила Балканы. Но день болгарской свободы—только предвѣстіе будущей свободы всего славянства. Объ этомъ грядущемъ великомъ днѣ освобожденія мечтаетъ Ашкерць, его онъ воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ, о немъ молится всюду, и въ Москвѣ, въ храмѣ Христа Спасителя, и въ Сараевѣ, попавъ въ Гусревъ-бегову мечеть, чтобы увидѣть тамъ, какъ взываетъ къ Аллаху славянинъ. Сквозь куполъ сіяло на молящихся полдневное солнце, и думалъ Ашкерць, смотря на потурченныхъ славянъ: „Каждая молитва хороша, если она идетъ изъ глубины добраго сердца. Вы по своему, я по своему, мы молимъ Бога, да пошлетъ онъ намъ скорѣе нашъ великій день!“ Но этотъ грядущій славянскій день не будетъ днемъ

*) Četrti zbornik поезij. 1) Ожила, 2) мечтательная, 3) изъ земли, 4) растутъ, 5) неисчетные, 6) все больше, 7) мужей, 8) движется, 9) какъ, 10) гонить, 11) который, 12) и, 13) такой, что, 14) уже, 15) гордо, 16) крылья, 17) распустилъ, 18) взлетѣлъ, поднялся.

местн. Уже провидя его своимъ взоромъ въ стихотвореніи *Mi vstajamo!*—Ашкерцъ представляетъ себѣ опасенія старыхъ враговъ славянства. Но напрасенъ ихъ страхъ. Мы встанемъ, но местью нашей будетъ одно: прогрессъ и просвѣщеніе!

Mi vstajamo, mi vstajamo!
Pokaj ¹⁾ *tako jezite se* ²⁾?
Nas morda ³⁾ *res* ⁴⁾ *bojite se?*—
Napredek ⁵⁾ *in prosveta*
To naša bo ⁶⁾ *osveta* ⁷⁾! *).

Здѣсь Ашкерцъ является настоящимъ славянскимъ поэтомъ. Ибо, если стоить работать для славянства, то только въ одномъ случаѣ: если оно внесетъ въ міръ новое слово не борьбы и истребленія, а мира и согласной работы на пользу общую, на пользу всечеловѣческую.

III.

Итакъ Ашкерцъ поэтъ всеславянства, потому что онъ—гуманистъ. Но на какихъ основаніяхъ покоится его гуманизмъ. Во имя чего онъ такъ горячо проповѣдуетъ любовь людей къ братьямъ-людямъ? Почему долженъ я считать братомъ какого-нибудь китайца или еврея? Люди-братья. Это правда. Но они братьями могутъ быть только тогда, если у всѣхъ у нихъ одинъ отецъ. Подрѣжьте мистическій корень любви къ людямъ, и все зданіе человѣческаго единства рухнетъ, рассыпавшись на мелкіе кусочки. Безъ религіознаго основанія можетъ существовать только идея борьбы на жизнь и на смерть между отдѣльными особями или группами особей, а не идея согласія. Здѣсь открывается самое слабое мѣсто въ міровоззрѣніи Ашкерца: у него именно подрѣзанъ этотъ религіозный корень истиннаго гуманизма.

Когда мы начинаемъ думать, какъ могло случиться, чтобы писатель, исполненный такихъ славянскихъ сочувствій, какъ Ашкерцъ, могъ быть обдѣленъ одной изъ коренныхъ чертъ

*) *Lirske in epske poezije*, стр. 11—13. ¹⁾ Зачѣмъ, ²⁾ вы сердитесь ³⁾ можетъ-быть, ⁴⁾ дѣйствительно, ⁵⁾ прогрессъ, ⁶⁾ будетъ, ⁷⁾ месть.

славянскаго міровоззрѣнія, намъ припоминается первый вечеръ нашего пребыванія въ Люблянѣ. Это было въ праздничный день. Всѣ лавки позатворялись, и все населеніе высыпало за Люблянѹ въ каштановыя аллеи мѣстнаго загороднаго парка. Городъ былъ пустъ, и особенно старая его часть, площадь передъ епископскимъ дворцомъ съ ея средневѣковыми зданіями была безмолвна и безлюдна. И вдругъ по этой пустой площади потянулася длиннымъ рядомъ черная процессія: это шли съ гулянья воспитанники мѣстной семинаріи. Въ своихъ черныхъ одеждахъ съ спускающимися позади и подбитыми фіолетовымъ атласомъ складками, выбритые, худые, съ блестящими глазами и изможденнымъ лицомъ они казались какими-то выходцами изъ XII или XIII вѣка. Мы отлично знали, что все это — хорошіе словенцы, люди, преданные своему народу и славянству, но какое-то чувство отчужденія и даже—я бы сказалъ—жуткости промелькнуло въ душѣ. Тяжелымъ и мрачнымъ воздухомъ средневѣковья повѣяло отъ нихъ на современнаго человѣка. Въ этомъ тяжеломъ воздухѣ Ашкерцъ провелъ всю свою молодость. Его мечты уносили его въ залитую яркимъ солнцемъ даль жизни, а онъ долженъ былъ калѣбчить свою натуру сперва въ строгомъ и душномъ режимѣ католической семинаріи, а потомъ въ безпріютномъ и холодномъ одиночествѣ лишеннаго семейныхъ радостей католическаго священника. Многое пришлось ему вынести, и мутные отголоски тогдашней душевной борьбы слышатся часто и въ его позднѣйшихъ стихотвореніяхъ. Онъ любитъ съ тонкой ироніей изображать недостатки духовенства; съ затаенной болью рисуетъ онъ отношеніе общества къ оставившему семинарію клирику. Въ концѣ-концовъ натура взяла свое: Ашкерцъ сбросилъ съ себя сутану и сталъ свѣтскимъ человѣкомъ. Недюжинную силу воли и глубокую искренность честной и прямодушной натуры, не мнящейся съ лицемѣріемъ, обличаетъ это въ Ашкерцѣ, но въ борьбѣ съ тяжелой и долгой бурей, стоявшей надъ его молодостью, онъ самъ перешелъ границы. Съ юныхъ лѣтъ слышалъ онъ рѣчь о грѣховности плоти, земныхъ удовольствій и природныхъ увлеченій. Теперь для него, какъ для брата Куно, все стало чистымъ, но эта безгрѣшная чистота всего едва-ли безгрѣшна съ точки зрѣнія христіанской религіи. Въ борьбѣ съ средневѣковымъ духовнымъ режимомъ и практикой онъ утратилъ вѣру въ самыя основы христіанской религіи.

„Не говорите мнѣ объ „отцѣ“—читаемъ въ стихотвореніи „И“—не проклиняйте „отца“, не проклиняйте Бога. Отецъ не мо-

жетъ быть безъ сердца. Въ морозъ и холодъ не выгонитъ онъ изъ дому полунагихъ дѣтей; изъ постели въ минуту родовъ не выброситъ онъ слабой родильницы на уличную мостовую. Онъ добръ и милосердъ. Не „отецъ“,—это я безъ сердца, я, міровая энергія, я, сила природы, я, рокъ, тяготеющій надъ тобою, о человѣкъ. Ты трепещешь? ты боишься? ты ненавидишь меня? За что? Будь справедливъ! Взгляни мнѣ въ лицо! Кто я? Сегодня я Брама, твой создатель, я творю міры, полные жизни и красоты, полные разума и гармоніи; завтра я—Сива, который вновь обращаетъ эти міры въ дикій первобытный хаосъ, а на самомъ дѣлѣ я ни Брама, ни Сива, я — только живая сила природы! Не создаю я міровъ и не уничтожаю ихъ—я только движусь безпрестанно отъ вѣка вѣковъ... Не знаю я ни жизни, ни смерти. Мнѣ незнакома ненависть, но незнакома и любовь. Для меня не существуетъ ни добра, ни зла, ни грѣха, ни святости. Я знаю только одинъ свой желѣзный законъ — необходимости. Онъ суровъ, несокрушимъ и вѣченъ!“ ¹⁾ Богъ—это природа, человѣкъ—это атомъ. Смотри на доносящійся до него изъ безпредѣльности свѣтъ, поэтъ обращается къ нему со словами: „Ты—загадка для меня, я—загадка для тебя. Значитъ, и ты и я—мы одно и то же. Мы оба только ничтожныя искры неизмѣримаго огня—жизни, неизмѣримой силы, неисчерпаемой энергіи всемірной природы... И оба мы только краткіе эпизоды въ занимательномъ романѣ, которому имя—космосъ, и который пишетъ искони вѣковъ нашъ величайшій художникъ, гениальный богъ Брама...“ ²⁾ Напоминаемъ наконецъ читателямъ въ новомъ переводѣ еще одно стихотвореніе, уже извѣстное имъ по переводу С. В. Штейна: „Полетъ“.

Сквозь эфиръ безконечный
Плылъ я дальше и дальше
Мимо точныхъ планетъ,
Педантично бродящихъ
По избитымъ дорожкамъ
На пространствахъ безбрежныхъ,—
Мимо солнцъ исполинскихъ,
Огнедышащихъ, жаркихъ.
Плылъ я дальше и дальше
Сквозь предвѣчную мглу,
Гдѣ что мигъ возникаютъ
За мірами міры...

¹⁾ Lirske in epske poezije, 22—25.

²⁾ Nove poezije, 15—16.

И, пыганы вселенной,
Рядъ бездомныхъ бродягъ,
Мнѣ на встрѣчу неслися кометы,
А вокругъ меня искры сверкали,
Изъ глубинъ неизвѣстныхъ
Разсыпаясь каскадомъ
Свѣтоносныхъ ракетъ...
И встрѣчалъ съ изумленьемъ
На пути этомъ дивномъ
Я мільярды міровъ неизвѣстныхъ...
Здѣсь стою одинокъ на равнинѣ открытой
Я въ невѣдомомъ мірѣ.
Что за ночь, что за ночь!
Величавая тишь.
Ни души...

А на ясномъ, на небѣ
Миріадами звѣзды трепещутъ!
И ко мнѣ приближается кто-то
И мнѣ на-ухо шепчетъ:
„Видишь свѣтлую тамъ ты звѣзду,
Видишь ясную звѣздочку тамъ,
Что дрожить во вселенной?
Это ваша земля!
Видишь тамъ ты людей.
Видишь ихъ тревоженья,
Ихъ труды и усилья,
Ихъ мечты и надежды,
И борьбу и сомнѣнья?
И людскую любовь,
И людскую вражду,
Зависть, ненависть, лесть,
Вѣроломство и злобу
Видишь тамъ, видишь тамъ?
И рабовъ, и тирановъ,
И угодниковъ Божьихъ
И преступниковъ—видишь?

Я смотрю и смотрю,
Взоръ вперяю въ пространство:
Только свѣтлую вижу пылинку,
Только точку горящую вижу,
Только тускло блестящее вижу ничто ¹⁾.

¹⁾ Это стихотвореніе и первый отрывокъ изъ „Рансодій Болгарскаго гусяра“—Бай Станчо—были напечатаны нами сперва въ „Славянскомъ Вѣкѣ“. Остальные три перевода появляются здѣсь впервые.

Если разсматривать это стихотвореніе, какъ отблескъ минутнаго настроенія и сознанія своего ничтожества сравнительно съ величіемъ созданнаго Богомъ міра, оно превосходно, но въ свѣтѣ всѣхъ предыдущихъ стиховъ, въ контекстѣ всего творчества Ашкерца оно выражаетъ извѣстное мировоззрѣніе и, какъ таковое, едва-ли выдерживаетъ критику. Если все—ничто, если добро и зло—одно, если святые и грѣшники—равноцѣнны, то въ такомъ случаѣ зачѣмъ самъ Ашкерць, авторъ цѣлаго ряда ѣдкихъ и безпощадныхъ сатиръ „Павлиха на югѣ“, такъ бичуетъ зло, зачѣмъ такъ мощно, звонко и убѣжденно звонить онъ въ колоколь любви и согласія? Если на свѣтѣ царить одинъ законъ желѣзной необходимости, откуда тотъ духъ свободы мысли и убѣжденія, которымъ проникнуты лучшія творенія Ашкерца, и зачѣмъ тогда вся его проповѣдь свободы? Если человѣкъ только сынъ безжалостной и слѣпой природы, и нѣтъ у него иного отца, откуда бьетъ тотъ ключъ милосердія и любви, который чувствуетъ Ашкерць въ своей груди? На всѣ эти вопросы нѣтъ отвѣта и не можетъ быть въ предѣлахъ вышеизложеннаго міросозерцанія. Уйдя отъ старыхъ разгадокъ жизни и ея смысла, Ашкерць безпомощно стоитъ передъ загадкой нашего бытія, и его богъ—вѣчное движеніе и сила природы—по истинѣ довольно жалкій и ничтожный богъ: онъ не удовлетворяетъ запросовъ человѣческаго сердца.

Чуждый мистики въ основахъ своего мировоззрѣнія, Ашкерць чуждъ ея и въ конечной цѣли, поставленной имъ человѣку. Цѣль эта не выходитъ за предѣлы этого міра. Когда въ Мексикой мечети чернобородый имамъ рисовалъ передъ пилигримами картины Магометова рая, внезапно вышелъ изъ толпы богомольцевъ молодой человѣкъ и воскликнулъ: „Ошибается нашъ Магометъ! Пусть самъ онъ живетъ въ своемъ вѣчномъ раю. Не по смерти и не на томъ свѣтѣ, а здѣсь, на землѣ желаемъ мы устроить свой рай. Любовь—вотъ то святое и чародейственное средство, которое претворитъ нашу землю въ рай. Солнце загробнаго счастья сіяетъ только для избранныхъ. У насъ будетъ иначе. Братъ не будетъ дѣлать кривды брату, и утихнутъ кровавыя бой людей между собою. Любовь родитъ свободу золотую. Не будетъ ни цѣпей, ни оковъ, ни тирановъ, ни рабовъ; всѣ будемъ братья мы и сестры, и самъ пророкъ съ своихъ небесъ позавидуетъ намъ и пожелаетъ сойти къ намъ, ибо наша земля будетъ лучше небесъ: она сама будетъ раемъ“¹⁾.

¹⁾ Lirske in ipske poezije, 190—191.

Напрасная мечта! Человѣкъ никогда не откажется отъ высшихъ запросовъ, никогда не примирится съ необходимостью смерти, и никакіе раи Ашкерца не остановятъ его вѣчнаго движенія впередъ, не преградятъ полета мыслей и желаній вверхъ, отъ земли къ небу, въ потустороннюю область безконечнаго, что, какъ глубокая бездна, манитъ и тянетъ къ себѣ неотразимо. Людямъ могутъ сколько угодно кричать: „стой здѣсь! дальше дороги нѣтъ“. Они не послушаются. Ясность идеаловъ Ашкерца становится здѣсь ограниченной, а самая проповѣдь любви необоснованною и оторванною отъ своего живого корня.

У Петра Брейера (Breuer) есть статуя: Адамъ и Ева, изгнанные изъ рая, сидятъ на камнѣ. Адамъ крѣпкою, мужественной рукой охватилъ за голову прильнувшую къ нему слабую и безпомощную Еву, въ которой для него въ данную минуту заключалось все человѣчество, и прижалъ ее къ груди. Онъ любитъ ее пѣжно и готовъ охранять ее отъ всякихъ бѣдъ и пожертвовать за нее всѣмъ, но хмуро сдвинутыя брови на его насущенномъ челѣ, и глаза не поднимаются вверхъ: въ этомъ мрачномъ взглядѣ не видно сознанія своей неправоты, ни примиренія съ постигшей его участью; въ нихъ свѣтится скорѣе негодованіе и упрямое желаніе остаться при своемъ. У Ашкерца, кромѣ двухъ — трехъ отдѣльных мѣстъ, въ поэзіи нѣтъ этого негодованія; поэзія его не мрачна, но за то на томъ мѣстѣ, гдѣ Адамъ видитъ еще Бога, у него царитъ пустота, и какъ ни ясны его земные идеалы, но чувствуется, что отъ этой пустоты на мѣстѣ религіознаго сознанія щемитъ сердце у поэта: онъ несчастливъ, и нѣтъ въ немъ душевнаго мира.

Какъ поэтъ и мыслитель, Ашкерцъ хорошъ и привлекателенъ наперекоръ своему міровоззрѣнію. Онъ хорошъ тѣмъ, что противорѣчитъ основамъ его собственныхъ идей, хорошъ своей вѣрою въ способность человѣческаго сердца къ добру и благодѣтельству, своимъ убѣжденіемъ въ непреодолимую мощь человѣческой воли, своимъ призывомъ къ свободѣ и всечеловѣческому счастью. Но вся эта проповѣдь добра имѣетъ свои корни не въ новыхъ его взглядахъ и не во вліяніи римскихъ мастеровъ, которые никогда не были особенно человѣчными, а въ его старомъ, имъ отвергнутомъ міровоззрѣніи.

Христіанскій Богъ, если не какъ лицо, то какъ идея, по счастью еще владѣетъ Ашкерцемъ. Конечно, огонь этой идеи не можетъ быть такимъ чистымъ, какимъ былъ-бы, если-бы не замутился источникъ, изъ котораго онъ выходитъ. Ашкерцъ не

написалъ бы тогда ни своей бурской баллады, гдѣ жена, узнавъ о смерти мужа, посылаетъ вѣстника назадъ къ генералу спросить, сколько мужъ ея убилъ англичанъ, ни пѣсни о той бѣдной дѣвушкѣ, дочери рабочаго, которая жалуется, что родилась красивой, ибо бѣдность принудить ее рано или поздно продать свою красоту за деньги. Но и въ теперешнемъ видѣ Ашкерцъ влечетъ къ себѣ сердца. Онъ честенъ, прямодушенъ, искрененъ, онъ другъ обиженныхъ, онъ любитъ человѣка, и потому къ нему можно примѣнить слова монаха о братѣ Куно: „какой-бы онъ ни былъ вѣры, я его не сужу. Одинъ есть надъ нами судья — Богъ. Ты видишь, Господи, душу и грѣшное наше сердце. Ты знаешь, что тебя любить, и судишь человѣка по жизни и дѣламъ, а не по тому, сколько разъ у кого на устахъ твое святое имя. Не судить другъ друга, не хвастаться своимъ усердіемъ къ вѣрѣ, не ненавидѣть и не проклинять другъ друга, а любить каждого, какъ брата—вотъ твой завѣтъ намъ, твое желаніе. А Куно былъ добрая душа...“ И Ашкерцъ—добрая, честная душа, не выносящая людской лжи и людского лицемерія.

VI.

Въ заключеніе два слова объ отношеніи Ашкерца къ намъ русскимъ. Мы уже говорили о словенскихъ сочувствіяхъ къ Россіи. Здѣсь характерны даже мелочи. Перелистывая *Ljubljanski Zvon* и видя, въ каждомъ номерѣ подъ статьями русское имя—Федоровъ, Наташа, Александровъ, спросили мы одного знакомаго словенца, почему у словенцевъ такъ много русскихъ фамилій. „Это — псевдонимы. Намъ нравятся русскія имена. Словенскій Горькій, Иванъ Цанкаръ началъ свое литературное поприще подъ именемъ Ивана Савельева и Зупанчичъ имѣлъ русское имя“. Ашкерцъ, начавшій писать подъ псевдонимомъ Горазда, сюжеты для своихъ произведеній не разъ бралъ изъ русской жизни. Такова его драма „Измайловъ“ и водевилъ „Орденъ св. Георгія“. Правда, эти послѣднія очень слабы и показываютъ только, какъ опасно художнику браться за сложное изображеніе незнакомой ему жизни, но у Ашкерца есть и большія заслуги передъ русскимъ обществомъ. Редактируя *Ljubljanski Zvon*, онъ постоянно знакомилъ словенскихъ читателей съ рус-

скої литературой, успѣлъ привлечь въ журналъ русскія силы и самъ переводилъ русскія статьи на словенскій языкъ. Ему вмѣстѣ съ другимъ, теперь уже покойнымъ, писателемъ Веселомъ принадлежитъ цѣлая книга переводовъ изъ русскихъ поэтовъ „*Ruska antologija*“, о которой писали всѣ славянскія газеты, кромѣ русскихъ. Не довольствуясь заглазнымъ знакомствомъ, онъ дважды самъ ѣздилъ въ Россію, посѣтилъ Варшаву, Петербургъ, Москву, Кіевъ, Одессу, Кавказъ и издалъ описаніе этого путешествія въ особой книжкѣ *Dva izleta na Rusko*. Наконецъ русскою жизнью навѣяны ему цѣлый рядъ стихотвореній *Iz porotnega dnevnika*. Въ нихъ отразился тотъ же неукротимо-свободный, мощный и энергичный духъ Ашкерца. Изъ оконъ вагона замѣтилъ онъ всѣмъ намъ съ дѣтства знакомое убожество русской заброшенной деревни съ ея крытыми гнилой соломой, полуразметанными крышами, съ ея почернѣлыми избами и русымъ мальчикомъ у крыльца, задумчиво глядящимъ на грязную или пыльную улицу. Но весь этотъ печальный и родимый нашъ видъ, отъ котораго грустью вѣетъ на сердце, не печальныя мысли вызываетъ у Ашкерца. Подъ оборваннымъ зипуномъ ходящаго за первобытной сохой мужика ему чудится мощь духа, и кажется ему, что это вышелъ въ поле въ такой же русской деревнѣ выросшій великанъ Толстой. Въ широкомъ раздолѣ южнорусской степи, безконечно раскинувшейся въ даль и въ безконечную даль зовущей человека, шлетъ онъ взоромъ потомковъ Хмѣльницкаго—казаковъ и, смотря на мельницу, тяжело переворачивающую по вѣтру свои исполинскія крылья, думаетъ онъ, что это стоитъ заклятый въ мельницѣ духъ степи: тяжело ему и подымаетъ онъ къверху свои могучія руки. Въ храмѣ Христа Спасителя, среди моря свѣта, среди облаковъ благовоній, при блескѣ золотого иконостаса, прислушиваясь къ высоко плавающей подъ куполомъ собора пѣснѣ „Господи помилуй“, онъ невольно было поддался давно забытому молитвенному настроенію, и умягчилось очищенное отъ всѣхъ грѣховъ сердце, но еще одинъ мигъ, и опять старое чувство овладѣваетъ имъ. Смотри на молящагося рядомъ мужика, онъ думаетъ: „знаешь-ли ты, мужикъ, кто эти пѣвцы? Съ мечомъ въ рукахъ они выгнали татарина изъ стѣнъ кремля; передъ ними бѣжали изъ вашихъ степей дерзкій корсиканецъ; ихъ кровью окрасилась Шипка, и освобожденъ былъ болгарскій славянинъ“. Мысль о свободѣ и человѣческой мощи не покидаетъ поэта нигдѣ. Онъ любитъ Русь за ея ширь необъятную, за ея силу могучую, за высокій, смѣлый и благо-

родный полетъ русскаго духа, за свободу, которую несетъ она
народамъ:

Языкъ прекрасный русскаго народа,
Какъ ты плѣнителенъ, какъ близокъ мнѣ!
Какія тайныя созвучья струны
Родишь ты вдругъ въ душевной глубинѣ!

Великій, мощный, благозвучный,
Языкъ славянскій, ты—языкъ и мой.
Въ твоихъ ласкающихъ такъ сладко звукахъ
Не говорила-ль мать моя со мной?

Ты—нѣжная, серебряная арфа
Въ рукахъ у вдохновеннаго пѣвца,
И райскій звукъ твоей волшебной пѣснн
Волнуетъ мощнымъ эхомъ всѣ сердца.

Она то мѣшетъ вся, какъ страсти шопоть,
То плачь отчаянья, то тяжкій стонъ
Въ ней слышится, то вопль тоски безбрежной.
Она летитъ, то плавная, какъ звонъ

Колоколовъ, зовущій властно и призывно,
То грозная, какъ громъ изъ тучи грозовой,
То шумная, какъ моря гулъ прибрежный,
То разудалая, какъ вихрь степной.

Ты—царь. Властительное молвишь слово,
И въ мигъ сыновъ твоихъ безсчетный строй
На твой призывъ встаетъ и смѣло рвется
За родину и за свободу въ бой.

Мыслителю ты—крѣпкой стали молотъ.
Онъ изъ тебя куетъ побѣдный правды мечъ,—
И, мыслей новыхъ искрами сверкая,
Твоя несется пламенная рѣчь.

Гигантъ славянства, рабства ты не знаешь!
Не можетъ быть невольникомъ герой.
Не дастъ себя онъ заковать въ оковы,
Ему несносенъ мракъ тюрьмы сырой.

О, нѣтъ, ты не орудье силы темной:
Ты свѣта властелинъ, ты гонишь ложь!
Глашатай истины ты и свободы,
Изъ тьмы ты къ солнцу правды насъ ведешь!

Да свѣтитъ-же твой яркій, мощный свѣточъ
Отъ дальнихъ Балта синяго береговъ
Черезъ горы, долъ, черезъ тундры и черезъ рѣки
До океана Тихаго валовъ!

Отъ солнца Индіи до странъ полночи
Простертыхъ въ прахъ къ счастью да зоветь,
Народы къ жизни воздвигаетъ новой
И всѣмъ имъ вѣсть спасенія несетъ!

Эти стихи, заключая собою поэтическій дневникъ путешествія Ашкерца по Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и превосходнымъ, единственно вѣрнымъ разрѣшеніемъ всего славянскаго вопроса. Для Ашкерца русскій языкъ есть его родной языкъ потому что онъ языкъ славянскій.

Если-бы всѣ славяне смотрѣли такъ на каждый славянскій языкъ, тамъ, гдѣ теперь „бранныя свирѣпствуютъ мятели“, возшло-бы наконецъ золотое славянское солнце. Но для этого надо подняться намъ выше того уровня, на которомъ мы стоимъ. Это задача наша, да и не только наша, это задача цѣлаго ряда будущихъ славянскихъ поколѣній.

Какъ далеки мы отъ исполненія этой задачи, свиѣтельство-этому одно изъ серіи русскихъ стихотвореній Ашкерца „Въ купѣ“. По дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, пріѣхавшій за тысячу верстъ, чтобы посмотреть сердце Россіи,—Москву, поэтъ встрѣтился съ кѣмъ-то изъ насъ и въ полумракѣ вагона завязался разговоръ. Оказалось, что спутникъ Ашкерца не знаетъ, что такое словенецъ, гдѣ живетъ это невѣдомое племя, и, помѣстивъ Крайну въ Турцію, оправдался передъ собесѣдникомъ тѣмъ, что теперь славянофильство у насъ не въ модѣ, и что въ головѣ у насъ у всѣхъ теперь Китай, Амуръ, Манджурія и Портъ-Артуръ,—словомъ, что мы заняты реальными интересами, а не такими утопическими мечтами, какъ славянофильство. Между тѣмъ идея славянскаго единенія вовсе не утопія. Она вытекаетъ изъ самыхъ реальныхъ потребностей русской жизни, хотя нами и недостаточно сознаваемыхъ. Не слѣдуетъ забывать, что съ тѣхъ поръ, какъ подъ кровлею русскаго государства живетъ вмѣстѣ съ нами цѣлое славянское племя—польское, славянскій вопросъ сталъ для насъ вопросомъ нашей внутренней жизни, и правильное разрѣшеніе польско-русскихъ недоумѣній, возможное только въ свѣтѣ славянской идеи, необходимо для насъ же самихъ, чтобы покончить наконецъ навсегда

съ этимъ факторомъ, не разъ тормозившимъ правильное развитіе нашей жизни. Съ другой стороны въ области внѣшнихъ отношеній тотъ-же самый Портъ-Артуръ, на который ссылался въ свое оправданіе русскій собесѣдникъ Ашкерца, теперь наглядно намъ показываетъ, какое важное значеніе имѣетъ для насъ славянское единеніе. Какъ бы ни былъ великъ и могучъ народъ, онъ нуждается въ сочувствіи всегда, а тѣмъ болѣе въ тяжелую годину испытанія, которую переживаемъ мы теперь. Гдѣ-же слышится теперь сочувственный намъ голосъ брата и друга? Во всей Западной Европѣ смотрятъ на наши военныя неудачи—одни съ затаенной, а другіе съ нескрываемой радостью и сочувствуютъ намъ только тамъ, гдѣ

Потянулось на югъ къ лукоморью,
Соколиное сербовъ гнѣздо,—

только тамъ, гдѣ, загородившись отъ адриатическихъ вѣтровъ стародавними стѣнами, среди благоуханныхъ олеандровыхъ садовъ и кипарисныхъ рощей пріютился Дубровникъ; только тамъ, гдѣ въ горахъ Герцеговины течетъ въ своемъ каменнстомъ ложѣ Нареента, только по савской долинѣ и въ славонскихъ „шумахъ“, въ словацкихъ Татрахъ, на Балканѣ, да въ золотой и королевской Прагѣ. Если въ этомъ согласномъ хорѣ сочувствій печальнымъ диссонансомъ раздается одинъ только голосъ — польскій, то и онъ искупается тѣми тысячами поляковъ, которые теперь рука объ руку съ нами сражаются за Россію на горахъ Ляояна и подъ твердынями Портъ-Артура. Мы мало цѣнимъ славянское сочувствіе. Такія картины, какъ тѣ, которыя имѣли мѣсто недавно, когда престарѣлый епископъ Дьяковара возносилъ молитвы о дарованіи русскому воинству побѣды, или когда о томъ же молились католики Триеста, и храмъ не могъ вмѣстить молящихся, и они преклонили колѣна на площади, озаряемые лучами весенняго солнца, не должны быть забываемы. Надо скрѣплять уже завязанные узелки и завязывать новые, помня, что сила соединеннаго хотя-бы духовно славянства, есть сила Россіи.

Здѣсь надо начинать чуть не съ азовъ. Во всѣхъ почти славянскихъ земляхъ существуютъ „русскіе кружки“, гдѣ учатся русскому языку и русской литературѣ. Есть-ли у насъ хоть одно мѣсто, гдѣ можно бы научиться языкамъ славянскимъ? Петербургское славянское благотворительное общество издаетъ превосходные и дешевые словари съ грамматиками славянскихъ

языковъ, но они не находятъ себѣ сбыта. Когда впервые появилось въ русскомъ переводѣ стихотвореніе Ашкерца „Русскій языкъ“, одинъ изъ нашихъ поэтовъ отвѣтилъ ему русскимъ привѣтствіемъ въ томъ же духѣ, но заглянулъ-ли онъ хоть разъ въ словенскую книжку? Увы! Словенскія и западно-славянскія начертанія русскихъ буквъ ч, ш и ж — ѣ, ѝ и ѣ являются, повидимому, непреодолимой преградой для лицъ, которыя могли бы въ одну недѣлю усвоить себѣ новый языкъ. И какой языкъ! Звучный, ясный, серебристый. Когда вы прочтете хотя бы привѣтствіе солнцу въ первыхъ строкахъ Златорогца—этой народной повѣсти, которую Ашкерцъ считаетъ лучшимъ изъ своихъ произведеній, вы не узнаете испорченной краинской рѣчи—*iblanska Spraha*. Это такія же, какъ солнце, ослѣпительно яркія, звучащія, серебряныя строфы. Особенно чистъ, прозраченъ и кристалень близкій къ южно-штирійскому нарѣчію языкъ Ашкерца. Благодаря тяжелому и неуклюжому стиху помѣщенныхъ нами здѣсь переводовъ они только слабый и ничтожный намекъ на то, чѣмъ могли бы быть стихи Ашкерца, если бы за нихъ взялся человѣкъ, свободно и властно управляющій поэтической рѣчью. Конечно, русская литература выше литературъ славянскихъ. Но и помимо Ашкерца реалистическая исповѣдь обезвѣтрившагося ума у чешскаго поэта Махара, смѣлый голосъ въ защиту обездоленныхъ въ „Пѣсняхъ раба“ Святополка Чеха, не для дѣтей только написанныя дѣтскія стихотворенія Змая, мечтательно-пѣжная, романически-задумчивая поэзія Зейера не могутъ быть безынтересными для русскаго читателя. Это еще нетронутый у насъ кладъ эстетическихъ наслажденій. Пусть же наши поэты, оставивъ торжественныхъ французскихъ и нѣмецкихъ стихотворцевъ, подойдутъ къ этому кладу, пусть попробуютъ они заглянуть во внутренній міръ славянской души. Вынеся оттуда на свѣтъ кроющіяся тамъ сокровища, они расчистятъ этимъ нашему обществу дорогу къ правильному и успѣшному рѣшенію той задачи, отъ которой ему все равно не уйти—задачи славянскаго единенія.

Андрей Сиротининъ.

Письма западно-русского дворянина.

V 4).

Положительно у васъ въ столицѣ умъ за разумъ заходитъ! Многимъ вашимъ петербургскимъ публицистамъ не давали спать лавры издателя „Гражданина“. „И пошла писать губернія“. И начали они писать статьи, одна другой нелѣпѣе! И произошло странное явленіе: издатель „Гражданина“ какъ будто бы остепенился и началъ разсуждать довольно здраво чаще, чѣмъ прежде, но зато его весьма быстро перещеголяли другіе. И получилась какая то головоломная скачка съ препятствіями, какой даже и моему пріятелю Семену Назаровичу видѣть не приходилось. А вѣдь онъ въ прежнихъ гусарахъ служилъ, свой собственный конскій заводъ имѣетъ и до сихъ поръ на многія скачки ѣздитъ!

И повелъ за собою всю эту скачку г. М. Меншиковъ изъ „Новаго Времени“. Впрочемъ, и другіе не зѣвали.

Чего только они не наговорили? А былъ-ли заявленъ протестъ? Былъ, но весьма слабый. Протестовали лишь немногіе.

„Когда въ чужой землѣ вѣнковъ дешевой славы—униженно искалъ прославленный мудрецъ, своей родной земли завѣты и уставы—порочилъ и чернилъ искусно ловкій лстецъ. Наслѣдствомъ родовымъ, землей родного края, святыней вѣковой врагамъ онъ билъ челомъ, но даже и враги, измѣну презирая, сѣдого мудреца назвали дикаремъ. Тамъ лгутъ на насъ давно—и злобы не скрываютъ, знакомы намъ давно ихъ хищныя мечты,—но въ русскихъ мудрецахъ и тамъ давно пугаютъ растлѣнные слова презрѣнной клеветы. И вслѣдъ за старикомъ съ его померкшей славой, съ безумной жаждою затасканныхъ вѣнковъ, теперь и ты идешь съ усмѣшкою лукавой и клеветать, какъ онъ, на край родной готовъ?“²⁾

1) См. „Славянскія Извѣстія“, 1904 г. № 1 (октябрь).

2) См. „Свѣтъ“, 1904 г., № 272. „Клеветнику“, Н. М. Соколова.

„Сѣдымъ, прославленнымъ мудрецомъ“ Н. М. Соколовъ называетъ графа Льва Николаевича Толстого, въ статьѣ котораго англичане усмотрѣли „образчикъ дикаго мышленія славянской расы“. Это „мышленіе“ вовсе не можетъ считаться присущимъ всей славянской расѣ, но, тѣмъ не менѣе, англичане вполне правы, называя его „дикимъ“. Пожалуй, это есть продуктъ реакціи, происшедшей въ потомкѣ цѣлаго ряда предковъ, представителей російскаго барства и крѣпостничества, и направленной противъ всего того, что было во многихъ отношеніяхъ неприглядно, и тѣмъ, однако, жили эти его предки. Это какъ бы отрицательный атавизмъ, побуждающій просвѣщеннаго, но „дикаго“ потомка непросвѣщенныхъ предковъ сжигать и уничтожать то, что было имъ дорого, не разбирая, что хорошо и что худо.

Подобный отрицательный атавизмъ представляетъ явленіе временное и не можетъ продержаться въ длинномъ рядѣ поколѣній. Онъ можетъ захватить одно, самое большое два или три поколѣнія, а затѣмъ, какъ показываетъ исторія, въ цвѣтущій періодъ жизни даннаго народа, уступаетъ мѣсто атавизму положительному, совершенствующемуся послѣ столкновенія съ атавизмомъ отрицательнымъ. Наглядное доказательство справедливости этого положенія можно видѣть на примѣрѣ двухъ поколѣній, непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ, представителями которыхъ являются графы Толстые; отецъ и сынъ.

„Иностранцевъ прежде всего поразитъ, что изъ одной и той же русской семьи, изъ подъ тѣхъ же старыхъ липъ Ясной Поляны идутъ полярно-противоположныя убѣжденія, оба—крайнія до последней возможной степени. Отецъ отрицаетъ всякую войну, всякую національность, всякую государственность, всякую воинственность въ народѣ русскомъ. Сынъ же убѣжденъ въ побѣдахъ русскаго народа и не только надъ теперешнимъ случайнымъ врагомъ, но и надъ всѣми дружественными народами, съ которыми вѣтъ войны. Отецъ считаетъ тяжкимъ грѣхомъ даже оборону жизни, сынъ провозглашаетъ наступленіе и въ будущемъ всесвѣтное наше владычество“ ¹⁾.

Да, пожалуй, иностранцевъ это поразитъ, но только не такъ, какъ оно поразило г. Меньшикова. Иностранцевъ, особенно англичанъ, это поразило бы весьма сильно, если бы взгляды графа Льва Львовича Толстого раздѣляли всѣ чины нашего министер-

---

¹⁾ См. „Письма къ ближнимъ“, М. Меньшикова въ „Новомъ Времени“ 1904 г., № 10256.

ства иностранных дѣлъ; пока же они, вѣроятно, подумаютъ только, что русскіе могутъ со временемъ быть ихъ внимательными учениками и что одинъ изъ первыхъ такихъ учениковъ имѣется уже налицо.

Насколько ошибочны взгляды Льва Львовича Толстого, да и ошибочны ли они, это еще нужно доказать и доказать не такъ, какъ доказывали г.г. Меньшиковъ и К^о. Допустимъ даже, что они въ томъ или другомъ отношеніи ошибочны. Во всякомъ случаѣ набрасываться на него такъ, какъ набросились далеко не малочисленные его оппоненты, не слѣдовало никому, въ особенности же тѣмъ „прелюбодѣямъ слова и мысли“, которые проявляли что то въ родѣ „противозаконнаго бездѣйствія“ и „попустительства“ по отношенію къ его отцу.

Что Левъ Толстой отецъ геніалецъ, какъ художникъ, въ томъ спору нѣтъ и быть не можетъ, но что онъ приводитъ въ отчаяніе здравомыслящихъ людей своею философіею и своею пародіею на теорію социологін, это также едва-ли можно отрицать.

„Дурныхъ матерей не любятъ и ихъ нельзя любить, и чего стоитъ фальшивое, вынужденное почтеніе... Нельзя, понимаете, нельзя любить того, что дурно“ ¹⁾. Это говоритъ тотъ же г. Меньшиковъ, оправдывая русскихъ миллионеровъ, разлюбившихъ Россію. Но въ такомъ случаѣ Левъ Толстой сынъ могъ бы возразить г. Меньшикову: съ говорящими нелѣпости людьми, хотя бы даже и съ отцами, соглашаться нельзя, и чего стоитъ фальшивое, вынужденное согласіе... Нельзя, понимаете, нельзя соглашаться съ явною нелѣпостью и признавать ее истиною!

Конечно, нельзя считать исключительно одного Толстого отца отвѣтственнымъ за какія бы то ни было ошибки и погрѣшности Толстого сына, но въ данномъ случаѣ Толстой отецъ является главнѣйшимъ виновникомъ, отвѣтственнымъ за то, что думаетъ и говоритъ его сынъ, и что такъ не нравится г.г. Меньшикову и К^о, ибо если бы Толстой отецъ не проповѣдывалъ своихъ нелѣпостей въ отношеніи національности, государственности и т. д., то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не довелъ бы своего сына до столь категорическаго протеста противъ этихъ же нелѣпостей.

Конечно, многого стоитъ, „фальшивое, вынужденное почтеніе“, но не легко дается и рѣшимость выступить противъ отца, хотя

¹⁾ См. „Письма къ ближнимъ“, „Новое Время“, 10270.

бы говорящаго явныя нелѣпости. Обѣ этомъ никто изъ оппонентовъ Толстого сына не далъ себѣ труда подумать.

Мнѣ кажется, что Толстой сынъ испытывалъ тяжелыя мученія съ тѣхъ поръ, какъ началъ мыслить. Онъ, несомнѣнно, любить и почитаетъ своего отца, но виновать-ли онъ въ томъ, что съ нимъ не согласенъ. Конечно, нѣтъ. Винить его въ этомъ можетъ развѣ только россійскій интеллигентъ въ родѣ г. Меншикова.

Молодой человѣкъ горячо вѣритъ въ торжество истины, понимая эту истину совершенно не такъ, какъ понимаетъ его отецъ. Онъ съ замѣраніемъ сердца прислушивается къ голосу печати, надѣясь найти въ ней протестъ противъ заблужденій его отца, о которыхъ онъ самъ говорить не хочетъ. И что же! Ничего подобнаго онъ въ печати не находитъ, но зато находитъ въ ней какое-то лакейское отношеніе къ его заблуждающемуся отцу! Это приводитъ его въ отчаяніе, результатомъ этого отчаянія является извѣстный его протестъ не только противъ идей отца, но и противъ всего символа вѣры всѣхъ россійскихъ космополитовъ.

Этотъ молодой человѣкъ обладаетъ далеко не часто встрѣчающимся гражданскимъ мужествомъ. Онъ честно заявляетъ во всеуслышаніе, каковы его убѣжденія, ибо если бы онъ молчалъ, то всякъ имѣлъ бы право считать его приверженцемъ противоположныхъ, нынѣ модныхъ взглядовъ. Его слѣдовало бы благодарить или, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы отнестись къ нему благожелательно. Не тутъ то было. Россійскіе космополиты, западники и либералы разныхъ оттѣнковъ дружно на него напали со всѣхъ сторонъ. Ату его, ату его! Какъ онъ смѣетъ говорить то, что думаетъ и что намъ не нравится! Зажать ему ротъ!

Это тѣ самые господа, которые толкуютъ про свободу, толкуютъ и о многомъ другомъ, болѣе или менѣе заманчивомъ. Но эту „свободу“ они понимаютъ въ томъ смыслѣ, что имъ и ихъ единомышленникамъ слѣдуетъ все разрѣшить, а ихъ противниковъ не только можно, но даже должно тащить въ участокъ. И чѣмъ чаще ихъ туда тащить, тѣмъ лучше. Не дурна „свобода!“ Г.г. россійскіе космополиты могутъ на меня сердиться, сколько имъ угодно, но тѣмъ не менѣе, я осмѣливаюсь заявить, что Левъ Львовичъ Толстой представляетъ собою уже теперь весьма цѣнный противовѣсъ всѣмъ имъ, вмѣстѣ взятымъ. Остается пожелать, чтобы явилось побольше молодыхъ людей, столь же честно, откровенно и смѣло высказывающихъ свои убѣжденія, хотя бы идущія въ разрѣзъ съ преобладающими въ обществѣ

взглядами. Если онъ ошибается, истина все равно восторжествуетъ и выяснитъ его заблужденія, а если онъ не ошибается, то рано или поздно придется сказать ему спасибо.

Г. Меньшиковъ, являющійся какъ бы лидеромъ россійскихъ космополитовъ, увѣряетъ читателей „Новаго Времени“ въ томъ, что Толстой сынъ ошибается, увѣряетъ, но не доказываетъ.

Каковы же его доводы, его разсужденія? Онъ пишетъ такъ много, что въ настоящемъ письмѣ нѣтъ возможности передать всю его философію. Отмѣчу лишь нѣкоторыя его положенія, но зато такія, которыя въ достаточной степени характеризуютъ и философію, и философа.

„Назваться патриотомъ считается признакомъ глупости или лицемерія. „Патріотъ своего отечества и мерзавецъ своей жизни“—недаромъ это такъ быстро вошло въ пословицу... Скажу больше: если патриотизмъ сдѣлался синонимомъ лицемерія и глупости, то потому лишь, что и въ самомъ дѣлѣ только глупцы и лицемеры въ состояніи не замѣчать глубокаго опустошенія, внесеннаго въ чувство любви къ родинѣ. Честнымъ русскимъ людямъ, еще не разлюбившимъ отечества, стало противно пышное притворство... они чувствовали, что старый патриотизмъ уже исчезъ куда-то и въ сердцѣ осталась тяжелая пустота. Не одни кунцы, а великое множество образованныхъ и даже невѣжественныхъ людей русскихъ испытываютъ не прежнее отношеніе къ родинѣ“....

Удивительный писатель и мыслитель г. Меньшиковъ. У него вѣрное и невѣрное перемѣшано на каждомъ шагѣ. „Лицемеры“, надо полагать, замѣчаютъ констатируемое имъ „опустошеніе“, но дѣлаютъ видъ, что его не замѣчаютъ; въ противномъ случаѣ, по классификаціи г. Меньшикова, ихъ слѣдуетъ отнести къ разряду „глупцовъ“. Но если онъ самъ не умѣетъ отличить „лицемера“ отъ „глупца“, то много-ли стоитъ его разсужденіе, касающееся того и другого? На мой взглядъ, оно не стоитъ выѣденнаго яйца.

„Испытываютъ не прежнее отношеніе къ родинѣ“ главнымъ образомъ „невѣжественные русскіе люди“, понимая, конечно, невѣжество достаточно широко, ибо „образованные“ въ полномъ смыслѣ этого слова русскіе люди не могутъ испытывать подобнаго отношенія, точно такъ же, какъ не могутъ испытывать подобнаго же отношенія къ своей родинѣ „образованные“ англичане или нѣмцы. Въ сердцахъ послѣднихъ, т. е. истинно „образованныхъ“ людей не можетъ остаться „тяжелая пустота“. Зато въ умахъ „невѣжественныхъ“ людей можетъ оказаться просто „пу-

стота“, болѣе или менѣе близкая къ Торичеллиевой, послѣ чего всѣ ихъ попытки выдать себя за „образованныхъ“ будутъ напрасны.

„Человѣкъ, рискующій милліонами, зависить часто отъ безусаго столоначальника какой-нибудь канцеляріи, который можетъ зарѣзать дѣло или дать ходъ. Все это неудобно. Милліонеры уже не довольствуются купленнымъ по таксѣ почетнымъ гражданствомъ, имъ хочется просто быть гражданами. Но гражданинъ слово великое и играть имъ нельзя. Гражданинъ—званіе не ниже рыцарскаго, оно обязываетъ, но и даетъ права. Если же нѣтъ правъ, нѣтъ и обязанностей ¹⁾. Если я не гражданинъ, то нѣтъ у меня и отечества ²⁾, думаетъ иной милліонеръ.—Что это за странная родина, гдѣ я чужой? Чего бы ни коснулось, „это не ваше дѣло“. Чье же однако дѣло? Если не наше, стало быть мы чужіе, стало быть, гдѣ же родина, гдѣ чужбина? Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ подобное отечество отличается отъ чужихъ краевъ? Если всѣ мои права здѣсь въ томъ, чтобы платить налоги, то поѣзжай я въ Англію, мнѣ и тамъ дадутъ это „право“. Но тамъ за него дадутъ полное равенство со всѣми гражданами, обеспеченную защиту, просторъ для мысли и совѣсти. Тамъ я болѣе родной, чѣмъ здѣсь, и если захочу участія въ жизни—меня не оттолкнутъ. Гдѣ же родина, гдѣ чужбина?“

Допускаю, что г. Меньшиковъ вѣрно разыгралъ роль милліонера. Готовъ даже искренно пожелать, чтобы онъ сдѣлался милліонеромъ и въ дѣйствительности. Полагаю, что если бы и онъ, и тѣ русскіе милліонеры, которые размышляютъ и разсуждаютъ одинаково съ нимъ, удалились сейчасъ же въ Англію, чтобы тамъ получить всѣ „права“, то Россія потеряла бы очень немного, а можетъ быть даже выиграла бы больше, чѣмъ бы проиграла.

Точка зрѣнія г. Меньшикова не нова. Она извѣстна всѣмъ, кто изучалъ исторію, начиная съ древняго міра. Не говоря уже о политическихъ организаціяхъ въ родѣ Финикіи, гдѣ господствовалъ безусловно „золотой телецъ“, и въ другихъ древневѣковыхъ государствахъ эта точка зрѣнія начинала выдвигаться всякій разъ, когда выдвигался на первый планъ матеріализмъ, являвшійся выразителемъ низменныхъ побужденій человѣка. „Ibi patria, ubi bene! Тамъ отечество, гдѣ хорошо! Таково „credo“ римскихъ предшественниковъ г. Меньшикова и его единомышленниковъ изъ числа російскихъ милліонеровъ или иныхъ космополитовъ.

¹⁾ и ²⁾ Курсивъ мой.

Полагаю, что громадное большинство русских людей, даже и въ наше время, нисколько не раздѣляетъ мнѣнія г. Меншикова и его единомышленниковъ относительно того, что права предшествуютъ обязанностямъ, и, наоборотъ, ставить обязанности раньше правъ: нѣтъ обязанностей, не должно быть и правъ: если у меня нѣтъ отечества, то я и не могу быть гражданиномъ. Это нисколько не мѣшаетъ желать, чтобы и русскіе милліонеры, и вообще всѣ русскіе люди сдѣлались гражданами въ полномъ смыслѣ этого слова. Порицать милліонеровъ г. Меншикова за то, что они хотятъ быть гражданами, нельзя, но зато, что они, разсердившись на родину, какъ сердятся иной разъ дѣти на родителей, перестаютъ любить эту родину,—за это ихъ порицать и можно, и должно.

„Глупость народная держитъ и образованные классы въ своемъ плѣну“. Такъ-ли это? А можетъ быть, наоборотъ, безтолковость „образованныхъ классовъ“ мѣшаетъ и народнымъ массамъ выбраться изъ „плѣна“ общей ихъ „глупости“?

„Народъ! Родной народъ! Подъ небомъ не звучало—святѣе этихъ словъ во всѣхъ концахъ земли! Его живымъ огнемъ вся наша жизнь сіяла, мы отъ его огня свои огни зажгли! И въ дни, когда онъ сталъ подъ тяжкій грохотъ битвы—за честь родной земли у стяга своего,—ты жалкій скоморохъ, не чтишь его молитвы—и смѣешь хохотать надъ вѣрою его! Нѣтъ, не его вина, что жилъ онъ не богато,—не намъ его винить въ неправдѣ вѣковой: въ своей родной землѣ онъ былъ рабомъ когда-то, онъ жилъ среди чужихъ и самъ другимъ чужой... Но онъ не истощилъ своей могучей силы: онъ и безъ насъ живетъ и долго будетъ жить. Зачѣмъ же ты, мертвецъ, выходишь изъ могилы—съ лопатою въ рукѣ живого хоронить? Къ его лихой бѣдѣ презрѣннымъ сыномъ Ноя—подходишь ты, смѣясь надъ наготою его. Какъ жалкій рабъ и льстецъ, ты хвалишь все чужое—и лжешь, роняя честь народа своего“...

Пользуясь здѣсь вторично мыслями и словами Н. М. Соколова, считаю необходимымъ пояснить, что я вовсе не принадлежу къ числу тѣхъ антагонистовъ г. Меншикова, которые щедро падѣляютъ его нѣкоторыми нелестными эпитетами и названіями, бросающими на него тѣнь въ какомъ бы то ни было отношеніи. Мало того, я склоненъ вѣрить, что онъ говоритъ искренно, по крайнему своему разумѣнію. Но разумѣніе это какое то удивительное! Есть у него и дѣльныя мысли, но мысли эти разбросаны въ какомъ то, не очень даже живописномъ без-

порядкѣ, въ перемежку съ мыслями и разсужденіями болѣе или менѣе нелѣпыми.

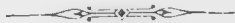
И, конечно, если бы былъ поставленъ вопросъ, на чью сторону стать въ вышеуказанномъ спорѣ: Льва-ли Львовича Толстого, или же г. Меньшикова и другихъ оппонентовъ Толстого сына, то, на мой взглядъ, и колебанія быть не можетъ. Лучше исполненная энергіи и вѣры въ свой народъ, хотя бы и заблуждающаяся, молодежь, чѣмъ ноющая, выдохшаяся или, въ лучшемъ случаѣ, выдыхающаяся, обезличенная, не признающая своего отечества, отечественная „интеллигенція“, представляющая жалкую пародію на интеллигенцію Западной Европы!

Во всякомъ случаѣ, можно поблагодарить и г. Меньшикова, и другихъ оппонентовъ Толстого сына. Чѣмъ больше они будутъ говорить въ томъ духѣ, въ какомъ они говорили, тѣмъ болѣе будетъ выясняться несостоятельность воззрѣній всѣхъ россійскихъ космополитовъ вообще! На мой взглядъ, не только не слѣдуетъ тащить ихъ въ участокъ, но, напротивъ того, слѣдуетъ предоставить имъ полную возможность проповѣдывать ихъ идеи. Это самое лучшее средство къ тому, чтобы они потерпѣли полнѣйшее фіаско, ибо нельзя же думать, чтобы даже у васъ въ столицѣ можно было долго и безнаказанно говорить такія нелѣпости! Ихъ перестанутъ читать! Очень бы я хотѣлъ продолжать бесѣды по вопросамъ, затронутымъ въ первыхъ моихъ письмахъ, но, какъ видите, отвлекли меня отъ этого ваши столичные публицисты. Нельзя же было не протестовать. Стало быть, не моя въ томъ вина, а виноваты князь Мещерскій, г. Меньшиковъ и К^о. На нихъ и сердитесь, но не на меня!

Т. Щербаченко.

P. S. А „Гражданинъ“ то нашъ (но не нашъ гражданинъ), снова отличился! Опять толкуетъ о мирѣ съ Японією! А я его только что началъ похваливать. Впрочемъ, быть можетъ, онъ не хочетъ отстать отъ г. Меньшикова? Все та же скачка съ препятствіями! Но въ такой скачкѣ „джентельменамъ“ участвовать не подобаетъ, а развѣ только жокеямъ. И какъ только онъ этого не понимаетъ?

Т. Щ.

Базиліане въ Галичинѣ.

Изгнанные изъ Россіи базиліане избрали объектомъ своей дѣятельности Галичину и не замедлили сдѣлаться злыми геніями этого несчастнаго русскаго края, который по справедливости называютъ „классической страной бѣдствій“. Они, между прочимъ, нанесли окончательный ударъ православію въ Галичинѣ, нашедшему себѣ свое послѣднее убѣжище въ манявскомъ скиту (въ южной Галичинѣ), который и былъ закрытъ по настоянію галицкихъ базиліанъ „христіаннѣйшимъ“ императоромъ Австріи (1785 г.). Послѣдніе же двадцать лѣтъ своей дѣятельности базиліане ознаменовали такими возмутительными фактами ожесточеннаго преслѣдованія всего истинно русскаго, что они вполне заслуженно стали предметомъ ненависти и глубокаго презрѣнія среди русскихъ не только Галичины, но и отдаленной Америки, гдѣ до 660000 русскихъ нашли себѣ второе отечество.

Причина, почему русскій монашескій орденъ, получившій свое названіе въ честь Василія Великаго, съ такою враждою сталъ относиться ко всему русскому, кроется въ томъ обстоятельствѣ, что этимъ орденомъ овладѣли поляки и сдѣлали его орудіемъ своей „польской идеи“, которая, въ представленіи вшеполяковъ заключается въ стремленіи разрушить при помощи юго-западныхъ и южныхъ русскихъ народныхъ массъ великую сѣверную державу и на ея обломкахъ возстановить свое самостоятельное государство „отъ моря до моря“.

Къ базиліанскому ордену галицкая пресса прилагала въ послѣднее время названіе „реформированнаго“. Это названіе стоитъ въ связи съ той реформой, которою, по волѣ нынѣшнихъ хозяевъ страны—поляковъ, русскій орденъ былъ отданъ въ полное распоряженіе іезуитовъ, и благодаря которой онъ собственно и сдѣлался враждебнымъ для Руси.

Какъ произошла эта „реформа“, и какія цѣли она преслѣдовала,—любопытныя свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ польской

газетъ „Slovo Polskie“, которая теперь, когда уже „реформа“ прекратила свое позорное существованіе, и базилианскій орденъ обращенъ въ свое первобытное состояніе, откровенно передаетъ исторію ея. По мнѣнію „Slova Polskiego“ „реформа“ базилианъ была вызвана слѣдующими причинами: Россія, говоритъ Slovo Polskie, уже давно приготовляетъ почву себѣ въ Галичинѣ и не щадитъ средствъ для достиженія своей цѣли; результатомъ такой политики Россіи было сильное москвофильское движеніе, охватившее значительную часть галичанъ, особенно же духовенство; это движеніе наносило прежде всего вредъ римско-католической церкви въ Галичинѣ, именно униі. Нужно было парализовать это давленіе со стороны Россіи, и орудіемъ борьбы съ нею быть избранъ базилианскій орденъ. А для того, чтобы онъ лучше могъ выполнить эту миссію, нужно было подчинить его строгому римско-католическому режиму, отдавъ его въ безконтрольное распоряженіе какого-либо надежнаго монашескаго ордена. Это было въ то время, когда протоигуменомъ базилианскаго ордена былъ ксендзъ Сарпицкій (лѣтъ двадцать тому назадъ), полякъ по происхожденію, который собственно и былъ душою „реформы“ ордена базилианъ, который и далъ новое направленіе его дѣятельности. Реформировать базилианъ и взять ихъ подъ свое руководство и опеку было предложено монахамъ ордена „змартвых-встанцевъ“, которые уже заявили себя, какъ ловкіе искоренители схизмы въ Болгаріи, и среди которыхъ были и русскіе. Когда же змартвыхвстанцы отказались, тогда congregatio fidei обратилась къ іезуитамъ, въ лицѣ Яцковского, провинціала польскихъ іезуитовъ; но сами польскіе политики весьма благоразумно и предусмотрительно отклонили эту мысль о непосредственной зависимости русскаго ордена отъ поляковъ, такъ какъ они не могли не предвидѣть, что это поведетъ къ возбужденію умовъ и большого неудовольствія среди русскихъ, у которыхъ вражда по отношенію къ полякамъ достигла крайней степени своего напряженія. Поэтому дѣло опеки и руководства надъ базилианами было передано въ руки іезуитовъ нѣмецкихъ, а не польскихъ. Вслѣдствіе этого, первымъ ректоромъ новиціата въ добромилъскомъ монастырѣ и главнаго ордена былъ назначенъ нѣмецъ ксендзъ Брандесъ. Но онъ не долго управлялъ орденомъ базилианъ. Не зная страны и людей, Брандесъ тяготился предложеннымъ ему дѣломъ и подалъ въ отставку. Тогда изъ Рима послѣдовало повелѣніе, чтобы польскіе іезуиты взяли въ свое распоряженіе базилианскій орденъ и реформировали его.

Какъ и слѣдовало ожидать, эта попытка подчинить русскій орденъ польскимъ іезуитамъ, оказалось весьма неудачной и принесла скорѣе вредъ, чѣмъ пользу для самого польскаго дѣла. Базиліанъ возненавидѣла вся Галицкая, Буковинская и Американская Русь, и она имѣла полное основаніе такъ относиться къ базиліанамъ, потому что они, находясь подъ давленіемъ іезуитовъ, стали дѣйствовать за одно съ поляками—сознательными врагами Руси; сами іезуиты понимали и открыто высказывали, что „орденъ реформированный и воспитанный поляками встрѣтитъ большое недовѣріе среди русскаго народа и будетъ считаться польскою интригой“. Еще лучше понимали это базиліане, которые сдѣлались непосредственнымъ объектомъ ненависти, презрѣнія отъ своихъ сородичей, какъ ренегаты русскаго дѣла. *Congregatio de propaganda fidei* въ Римѣ получила прошеніе, подписанное нѣсколькими членами ордена, требующими устраненія польскихъ іезуитовъ и назначенія на ихъ мѣсто нѣмцевъ. Точно такое же прошеніе объ удаленіи іезуитовъ отъ управленія орденомъ поступило въ *Congregatio* и отъ самихъ іезуитовъ еще 26 апрѣля 1902 года; курія не согласилась тогда на это, находя, что еще не настало время. Когда же положеніе ихъ въ краѣ сдѣлалось весьма труднымъ вслѣдствіе ненависти къ нимъ русскаго населенія, тогда *Congregatio* изъявила свое согласіе на увольненіе іезуитовъ отъ завѣдыванія базиліанскимъ орденомъ. Это произошло 1 іюня сего года.

Тотъ двадцатилѣтній періодъ времени, когда іезуиты хозяйничали и безконтрольно распоряжались дѣлами базиліанскаго ордена, является самою мрачною и печальною порою въ исторіи ордена. Завладѣвъ съ чисто іезуитскою ловкостью орденомъ, хитрые послѣдователи Игнатія Лойолы сдѣлали изъ него іезуитскій *cadaver*, слѣпое орудіе для осуществленія своихъ *proposita*, и дѣйствительно, слѣпо, какъ того требуютъ основныя положенія іезуитской школы, повинаясь указаніямъ черныхъ патеровъ, монахи русскаго ордена добросовѣстно работали *ad meliorem parare gloriam* во вредъ униі и русскому дѣлу въ Галичинѣ. Прежде всего пострадала униа благодаря хозяйничанью и подавляющему вліянію ихъ на орденъ. Уніатская церковь въ Галичинѣ была доведена до самаго плачевнаго состоянія.

Базиліане, руководимые іезуитами, стали настойчиво наполнять уніатскій обрядъ тѣми особенностями, которыми іезуиты имѣли намѣреніе обратить унию въ чистое латинство. Такъ они

ввели „корунки“ „рожанцы“, майскія богослуженія, новыі грегоріанскій календарь „шкаплержи“, „товаржества“ сердца Ісусова, конгрегаціи и проч. Извѣстно, что на устройство иконостасовъ и на образа жертвовались большія суммы денегъ, однако базилиане не только не создали новыхъ иконостасовъ, напротивъ стали даже удалять изъ церквей бывшіе иконостасы и византійскую живопись и замѣнять ее римско-католическою, при чемъ многія церкви униатскія стали походить на костелы; далѣе базилиане завели тихія обѣдни и стали совершать по нѣскольку литургій въ день, что совершенно не допускается ритуаломъ униатской церкви; желая привлечь народъ къ празднованію латинскаго „Майскаго набоженства“ (въ честь Пресвятой Богородицы), базилианскіе монахи начали доказывать въ своихъ проповѣдяхъ, что Пресвятая Богородица не только выше всѣхъ святыхъ, но и выше даже самого І. Христа. Одинъ базилианскій священникъ, о. Мурѣи въ своей проповѣди на „Майскомъ набоженствѣ“, раздѣливъ адъ на три части для грѣшниковъ съ различной степенью ихъ грѣховности, такъ сказалъ своимъ слушателямъ: „кто не вѣритъ въ святыхъ—пойдетъ до перваго пекла, кто не вѣритъ въ Ісуса Христа, поидетъ до второго, а кто не вѣритъ въ Матерь Божію, тотъ поидетъ ажъ до третьяго пекла“.

Къ униі русскій базилианскій орденъ, руководимый іезуитами, относился, конечно, враждебно и желалъ бы, чтобы ее замѣнило достолюбезное имъ латинство. Одна русская дѣвушка спросила однажды ректора Дацѣя, считается ли грѣхомъ принять латинскій обрядъ, на что представитель униатскаго монашества отвѣтилъ, такъ: „Нѣтъ, напротивъ, то даже хорошо и полезно“.

Нужно замѣтить, что эта дѣятельность реформированныхъ базилианъ, направленная противъ цѣлости и сохраненія униі, не одобряется даже въ Римѣ, гдѣ галицкую унию считаютъ весьма полезною и желательною, такъ какъ на нее возложена важная миссія, сформулированная въ извѣстной фразѣ папы Урбана VIII (*O mei rutheni, per vos, credo, convertendum Orientem*).

Въ маѣ сего года было совершено торжественное пономничество духовной и свѣтской польской знати въ Римъ для засвидѣтельствванія чувства преданности римскому владыкѣ. Львовскій латинскій архіепископъ І. Бильчевскій, по возвращеніи своемъ, счелъ нужнымъ издать пастырское посланіе къ своей паствѣ. Въ немъ между прочимъ невольно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова: „Равно же окружай подлежащимъ

уваженіемъ греко-католическій обрядъ, ибо это обрядъ нашихъ братьевъ, съ которыми живемъ на одной землѣ. Не питай никогда въ душѣ не только ненависти, но даже нерасположенія къ братнему народу!“ и т. д. Говорилось это, конечно, лицемѣрно, потому что эти слова исходили изъ устъ такого человѣка, который извѣстенъ въ Галичинѣ, какъ созидатель костеловъ и каплицъ въ русскихъ селахъ и, слѣдовательно, искоренитель уни въ русскихъ областяхъ, питающій глубокое чувство ненависти къ ней, столь свойственное душѣ каждаго поляка. Но онъ высказалъ выше приведенныя слова посланія, потому что этого желали въ Римѣ.

Это еще разъ доказываетъ ту мысль, что польскіе іезуитскіе реформаторы базилианскаго ордена въ управленіи орденомъ преслѣдовали не ультрамонтанство, а свои цѣли, свою излюбленную польскую идею—ополяченіе русскихъ областей.

Что касается отношенія реформированныхъ базилианъ къ русскому дѣлу къ тому жгучему вопросу о сохраненіи русской народности въ Галичинѣ, который сдѣлался тамъ животрепещущимъ, то тутъ базилиане, руководимые іезуитами, явились ожесточенными врагами Руси, палачами и ея безошадными истребителями. Въ Галичѣ базилиане имѣютъ свой органъ крайне шовинистическаго направленія, подъ названіемъ „Миссіонаръ“, который и является выразителемъ и проповѣдникомъ всего къ чему стремятся базилиане, руководимые іезуитами. „Миссіонаръ“ издается фонетикой. Мало того: дѣлалась даже попытка къ замѣнѣ русскаго шрифта латиницей. „Ренегатъ І. Наумовичъ“ и самыя оскорбительныя для памяти этого добраго генія Галичины выходки никогда не сходятъ со страницъ „Миссіонаръя“. Въ своей же ненависти къ Москвѣ и къ Россіи базилиане не знаютъ мѣры и чувства приличія.

Въ „Миссіонаръѣ“ весьма часто появляются статьи шовинистическо-тенденціоннаго содержанія о Россіи и русскихъ, у которыхъ будто-бы языкъ, кровь, сердце „ишин“ не такіе, какъ у галичанъ, потому что они произошли не отъ славянъ, а отъ чуди, мордвы и вообще отъ финскихъ племенъ. Такъ какъ „Миссіонаръ“ издается для простаго народа, то цѣль этихъ статей та, чтобы искоренить у галичанъ „москалефильскія“ вѣянія и внушить имъ отвращеніе къ сѣвернымъ братьямъ.

„Русскому Слову“, этому славному органу русскаго національнаго самосознанія въ простомъ народѣ, проповѣднику историческаго единства всей Руси,—базилиане объявили войну

не на животъ а на смерть. Злобное, но безсильное ожесточеніе противъ „Русскаго Слова“ у базилианъ дошло уже до того, что они на всѣхъ церковныхъ службахъ—утреннихъ и вечернихъ съ энергіей, достойною лучшаго назначенія, проповѣдуютъ противъ него, призывая громы и произнося страшныя проклятія на тѣхъ, кто читаетъ „Русское Слово“, на русскую читальню и на все русское. Бѣшенство базилианскихъ монаховъ противъ читаленъ имени М. Качковскаго переходитъ всякія границы. Даже на св. исповѣди они приказываютъ уніатамъ не посѣщать этихъ читаленъ, угрожая въ противномъ случаѣ лишеніемъ св. причастія.

Нравственность базилианъ, какъ монаховъ времени управленія орденомъ іезуитамъ, весьма не безупречна. Жили они роскошно, совѣмъ не по монашески. Пили, ѣли и кутили на славу, возбуждая въ однихъ зависть, въ другихъ нравственное отвращеніе. Источникомъ ихъ чисто эпикурейскаго житія были монастырскія суммы и щедрія пожертвованія, которыя обильно притекали къ нимъ отъ набожныхъ галичанъ-уніатовъ, предназначившихъ свои приношенія, конечно, не на цѣли чревоугодія и удовлетворенія плотскихъ страстей базилианскихъ монаховъ. По отношенію къ прекрасному полу базилиане всегда являлись такими тонкими знатоками и цѣнителями красоты и всѣхъ прелестей ея, что собраніе любовныхъ похаживаній донжуановъ базилианскаго ордена могло бы послужить къ составленію новаго боккачьевскаго декамерона. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ скандальныя процессы базилианскихъ монаховъ съ разными лицами, обвинявшими ихъ въ наглomъ приставаніи къ благороднымъ и невпнымъ дѣвушкамъ. На этихъ процессахъ обнаружилось, что монахи любезничаютъ съ дѣвками, возятъ ихъ на прогулки, покупаютъ имъ юбки, „мацаютъ ихъ за фартушки“ и проч. Если бы это были падшія дѣвицы, общество могло бы сквозь пальцы смотрѣть на похаживанія монаховъ—довеласовъ; но хуже всего то обстоятельство, что жертвами непристойнаго донжуанства базилианъ являлись тѣ дѣвицы и женщины, которыхъ базилиане постарались, подъ разными благовидными предлогами, вовлечь въ сферу своего вліянія и подчиненія.

Базилиане завели различныя общества и женскія конгрегаціи, въ которыхъ они являлись начальствующими лицами и въ тоже время галантными кавалерами и боививаками. Въ г. Бучачѣ базилиане устроили въ монастырѣ смѣшанный хоръ изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, при чемъ участницамъ этого хора

оказываютъ преимущественное вниманіе: возятъ ихъ въ свое помѣстье „Зеленую“, устраиваютъ разные игры, угощаютъ ихъ и проч.; при чемъ стоустая молва, передаетъ цѣлую серію скандальныхъ событій амурнаго свойства, имѣвшихъ мѣсто въ разное время въ базилианскомъ имѣніи „Зеленой“.

Но особенно постыдно и позорно то дѣяніе базилианскихъ монаховъ, въ которомъ они явились наглыми грабителями имущественнаго достоянія базилианскихъ монастырей, ихъ недвижимой собственности. Это очень громкое дѣло въ Галичинѣ, надѣлавшее много шума. Расхищеніе недвижимостей базилианскихъ монастырей іезуитами имѣло характеръ дневного грабежа: воровали открыто, нагло, на глазахъ всѣхъ,—общества и прессы, которыя тщетно зывали къ правосудію.

Не имѣя никакого права, завѣдующій базилианскими монастырями іезуитъ Бабстъ началъ ни съ того ни съ сего продавать монастырскія имѣнія. Въ короткое время исчезли изъ списка базилианскихъ монастырскихъ недвижимостей слѣдующія помѣстья и фольварки: Высоцкое, Бабаина, Задаровъ, Соколецъ, Волевинъ, Латня и Шаласы. Какъ недобросовѣстно продавали монастырскія имѣнія, показываетъ слѣдующій фактъ: имѣніе Высоцкое было продано поляку Осуховскому за 36 тысячъ гульденовъ; но насколько оно было дороже на самомъ дѣлѣ, видно изъ того, что панъ Осуховскій, въ интересахъ котораго и было собственно продано это имѣніе, за одинъ только лѣсъ выручилъ отъ еврея 120.000 гульденовъ; точно также іезуиты продали городское мѣсто въ Самборѣ и многое другое. Деньги, выручаемыя отъ продажи недвижимаго имущества, исчезали невѣдомо куда.

Уничтоженіе монастырскихъ недвижимыхъ имуществъ нанесло страшный матеріальный непоправимый ущербъ благосостоянію базилианскаго ордена, которому угрожало несомнѣнное банкротство и прекращеніе существованія. Это конечно и имѣлось въ виду іезуитами и дѣйствовавшими въ угоду ихъ и со своекорыстными цѣлями нѣкоторыми базилианами. Но этого не могли желать сами базилиане или по крайней мѣрѣ наиболѣе благомыслящіе и добросовѣстные изъ нихъ: они то и подняли своевременно шумъ и крикъ о спасеніи ордена отъ окончательной гибели. Заговорила и печать въ лицѣ „Галичанина“ и другихъ русскихъ газетъ. Но, какъ уже было сказано, всѣ эти вопли возмущенія были гласомъ вопіющаго въ пустынь. Іезуиты равнодушно слушали эти вопли и продолжали себѣ съ чисто волчьимъ аппетитомъ пожирать монастырскія имущества. Правда

была безсильна въ данномъ случаѣ, какъ она вообще безсильна въ Галичинѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда верховодящіе поляки творятъ беззаконія по отношенію къ русскому населенію и русскому дѣлу. Жаловались своему митрополиту графу Шептицкому, но и онъ хранилъ странное, довольно загадочное молчаніе, очевидно, въ интересахъ воспитавшихъ его іезуитовъ.

Тогда базилиане, желавшіе спасти орденъ, рѣшились на крайнюю, довольно оригинальную мѣру, благодаря которой и достигли своей цѣли. Базилиане составили обширный меморіаль по дѣлу о незаконной распродажѣ базилианскихъ монастырскихъ имуществъ и послали его въ Римъ къ папѣ Пію X. Но такъ какъ писавшіе меморіаль базилиане прекрасно знали, что на ихъ жалобу не будетъ обращено никакого вниманія, такъ какъ она исходитъ отъ лицъ подчиненныхъ и направлена противъ лицъ начальствующихъ, то базилиане рѣшили написать меморіаль отъ имени какого-либо авторитетнаго лица; таковымъ явился, ничего о томъ не вѣдая, почтенный архипресвитеръ львовской консисторіи о. А. Бѣлецкій, отъ имени котораго и былъ посланъ меморіаль въ Римъ; тамъ, конечно, его, прочитали, разобрали и рѣшили дѣло въ пользу базилианъ, Бабсту было запрещено продавать базилианскія недвижимыя имущества, такъ что и земли добромилскаго монастыря, назначенныя въ продажу, проданы уже не были. Правда, вскорѣ подлогъ былъ обнаруженъ; удостоверено было, что Бѣлецкій никакого участія не принималъ въ меморіалѣ, что его подпись была поддѣлана базилианскимъ монахомъ Несторомъ Веселымъ, но цѣль, которой такъ долго и безъ всякаго результата добивались базилиане, была достигнута. Пріемъ, употребленный въ данномъ случаѣ базилианами, несомнѣнно іезуитскій, выполненный по рецепту Лойолы „цѣль освящаетъ средства“, но базилиане несказанно рады достигнутому ими результату.

Съ 1-го Іюня сего года, послѣ устраненія іезуитовъ отъ управленія дѣлами базилианскаго ордена, начинается новый періодъ въ существованіи единственнаго монашескаго русскаго ордена, играющаго столь важную роль въ Галичинѣ. Чѣмъ будетъ теперь этотъ орденъ для многострадальнаго галицкаго народа — добрымъ и благодѣтельнымъ гениемъ — спасителемъ русской народности, очутившейся въ плѣну у своихъ историческихъ враговъ — поляковъ, или попрежнему злымъ, — покажетъ будущее.

А. С.

Новая книга о древнѣйшей исторіи русской равнины.

Недавно въ Прагѣ вышла вторая часть перваго тома „Славянскихъ древностей“ профессора чешскаго университета Любора Нидерле. Въ этой книгѣ авторъ изслѣдуетъ судьбы древнѣйшихъ исторически-извѣстныхъ обитателей русской равнины: скифовъ и сарматъ. Какъ и въ первомъ выпускѣ, это дѣлается проф. Нидерле съ самымъ внимательнымъ отношеніемъ къ трудамъ его многочисленныхъ предшественниковъ, такъ что его книга, помимо непосредственной важности нѣкоторыхъ ея новыхъ гипотезъ и соображеній, имѣетъ прежде всего большое значеніе какъ самый послѣдній по времени и какъ самый полный (послѣ значительно устарѣвшаго подобнаго знаменитаго труда Шафарика) сводъ итоговъ науки славянскихъ древностей. Это даетъ право надѣяться, что новая книга проф. Нидерле будетъ интересна не для однихъ только узкихъ специалистовъ, но и вообще для образованныхъ читателей, старающихся дать себѣ сознательный отвѣтъ на вопросы: съ какого времени, какъ и когда русскіе славяне начали расселяться по своей теперешней территоріи. Цѣль настоящаго краткаго реферата будетъ достигнута, если онъ вызоветъ русскій переводъ книги проф. Нидерле, который, вѣроятно, окажется бы кстати и для многихъ русскихъ ученыхъ археологовъ и историковъ, къ сожалѣнію, не всегда владѣющихъ чешскимъ языкомъ.

Четыре главныхъ событія, четыре великихъ народныхъ передвиженій совершилось на югѣ русской равнины въ эпоху до Рождества Христова: приходъ скифовъ въ степи южной Россіи, начало германскаго движенія отъ Балтійскаго моря и галль-

скаго—отъ средняго Дуная, поскольку оба направлялись къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря и, наконецъ, приходъ сарматъ въ области, занятыя скиѳами. Эти четыре историческихъ событія не касались всѣхъ славянъ одинаково, жившихъ тогда на сѣверѣ отъ Карпатъ, приблизительно въ нынѣшней Волынской и Подольской губерніяхъ, и напр. передвиженіе германскаго народа бастарновъ гораздо болѣе болѣе коснулось славянъ, чѣмъ приходъ скиѳовъ и галловъ; однако, указанія событія даютъ возможность возстановить главные этапы древнѣйшей исторіи славянъ до той эпохи, когда Птолемей составилъ свою знаменитую карту Европейской Россіи.

Если оставить въ сторонѣ миѳическихъ гиперборейцевъ, которые, по мнѣнію проф. Нидерле, были группой различныхъ по происхожденію народовъ, произвольно объединенныхъ греками подъ одно собирательное названіе, и которыхъ они изображали какъ народъ, идиллически счастливый, то первымъ историческимъ народомъ, несомнѣнно жившимъ на берегахъ Чернаго моря, были киммерійцы. Уже Геродотъ категорически утверждаетъ, что вся территорія между Днѣстромъ и Крымомъ называлась до прихода скиѳовъ „киммерійской“. По мнѣнію проф. Нидерле, киммерійцы принадлежали къ одному изъ еракійскихъ племенъ, которые расселялись изъ своего первоначальнаго центра въ Карпатахъ не только на югъ къ Дунаю, но и на востокъ къ Днѣпру и Понту. Эти еракійскіе киммерійцы впоследствии были оттѣснены скиѳами на югъ къ Балканамъ. Во всякомъ случаѣ, проф. Нидерле рѣшительно протестуетъ противъ славянскаго происхожденія киммерійцевъ, и все значеніе ихъ для древнѣйшей исторіи славянства заключается, по его мнѣнію, только въ томъ, что они жили на его границахъ.

Та причина, которая произвела исчезновеніе киммерійцевъ,—та же причина привела на ихъ мѣсто скиѳовъ, которые были только первымъ авангардомъ длиннаго ряда полчищъ кочевыхъ народовъ, наводнявшихъ вост. Европу: скиѳы пришли на берега Чернаго моря не добровольно, но тѣснимые какими-то средне-азиатскими народами, которыхъ древніе называли „массагетами“ или „песседонами“. Это случилось, по мнѣнію проф. Нидерле, не въ VII—VIII ст. до Р. Х., какъ думало до сихъ поръ большинство ученыхъ, а гораздо раньше,—въ VIII—IX ст. или, можетъ быть, даже въ концѣ 2 тысячелѣтія до Р. Х. Какъ и многія другія великія народныя передвиженія, переселеніе скиѳовъ совершилось не сразу, а постепенно, втеченіи многихъ

лѣтъ, и если Геродотъ свидѣтельствуетъ о противоположномъ, то это объясняется противорѣчивостью его источниковъ.

Историческое значеніе прихода скиновъ не ограничивается только тѣмъ, что они оттѣснили восточныхъ еракійцевъ къ Дунаю и Балканамъ. Оно имѣло чрезвычайно важное значеніе и для славянскаго племени. „Славяне, говоритъ проф. Нидерле, вступили въ непосредственныя сношенія со скинами на равнинѣ, простирающейся отъ Карпатъ къ днѣпровскимъ порогамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что эти сношенія не ограничивались только простымъ сосѣдствомъ, но приводили и къ дальнѣйшему, болѣе глубокому соприкосновенію: торговымъ связямъ, обмѣну культурныхъ продуктовъ (напр. металлическихъ издѣлій) или обычаевъ и т. д. Обо всемъ этомъ археологическій отдѣлъ Славянскихъ Древностей даетъ цѣлый рядъ доказательствъ. Впрочемъ, приходъ скиновъ имѣлъ еще и иное значеніе для развитія славянскаго племени: онъ поставилъ здѣсь новую стѣну, препятствовавшую болѣе экстенсивному движенію и распространенію славянъ къ югу, къ Черному морю и къ нижнему Дунаю. Это очень интересное явленіе въ исторіи восточной вѣтви славянской! Путь къ югу былъ для нея территоріально свободнымъ, не было здѣсь ни горъ, ни другихъ препятствій, мало того, рѣки почти всѣ текли къ югу, указывая и открывая свободную дорогу на югъ, но, несмотря на эти благопріятныя географическія условія, мы видимъ, что славяне долго не могутъ достигнуть моря. Вѣдь собственно говоря, только въ XVIII ст. по Р. Х. они упрочились на берегахъ Чернаго моря! Болѣе старыя попытки всегда оставались тщетными въ зародышѣ, или колонизація была временна, непрочна, покойна и частична. Инородныя стихіи—являлись-ли онѣ съ Балканъ или изъ Азіи, всегда становились преградой славянскому движенію, и губили начатки колонизаціи“.

По приходѣ скиновъ, въ восточной Европѣ наступаетъ относительное затишье, и до того времени, когда сѣверные берега Чернаго моря посѣтилъ отецъ греческой исторіи Геродотъ, мы не слышимъ ни объ одномъ крупномъ событіи въ жизни населенія Скиевъ. Впрочемъ, одно чисто-политическое событіе запомнила исторія,—это извѣстная экспедиція Дарія противъ скиновъ, которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, была произведена около 504—505 г. до Р. Х. По свидѣтельству Геродота, невры, которыхъ проф. Нидерле, вмѣстѣ съ многими другими учеными, счи-

тають славянами, не вступили въ боротьбу съ персами, но временно удалились на сѣверъ, въ густые лѣса.

О томъ, какія этнографическія отношенія образовались въ Европѣ въ скиѣскій періодъ, даетъ понятіе Исторія Геродота. Его извѣстія проф. Нидерле называетъ основоположнымъ камнемъ не только для исторіи самихъ скиѣовъ, но и для исторіи славянской. „Кромѣ Геродота нѣтъ другого античнаго источника, не исключая и Птолемея, который былъ бы такъ важенъ для древней исторіи восточной Европы“.

Геродотъ представлялъ себѣ Скиѣю въ видѣ четвероугольника, западная сторона котораго была образована Дунаемъ, южная—Чернымъ моремъ, восточная—Азовскимъ моремъ и нижнимъ теченіемъ Дуная, а сѣверная—областью, населенной сосѣдями скиѣовъ: агаѣпрсами, неврами, андрофагами и меланхленами. Это изображеніе Скиѣи не согласуется ни съ нашими теперешними представленіями объ южной Россіи, ни съ нѣкоторыми другими показаніями самого Геродота, напр. съ тѣмъ, что Дунай (Истръ) протекаетъ черезъ всю Европу и впадаетъ сбоку въ Скиѣю. Всѣ попытки ученыхъ примирить противорѣчіе проф. Нидерле считаетъ неудачными, и это потому, что, повидимому, самъ Геродотъ имѣлъ о границахъ Скиѣи весьма туманное представленіе. Единственнымъ средствомъ для реконструкціи географической карты Европы останется поэтому комбинація отдѣльныхъ этнографическихъ показаній Геродота. На основаніи такой комбинаціи, проф. Нидерле не считаетъ возможнымъ провести западную границу Скиѣи дальше восточныхъ Карпатъ (до Желѣзныхъ Воротъ, на Дунаѣ); сѣверная граница скиѣской страны опредѣлялась, по его мнѣнію, сѣверной границей южнорусскихъ степей, которая, по новѣйшимъ ботаническимъ изслѣдованіямъ Танфильева и Кузнецова, проходила въ древности приблизительно тамъ же, гдѣ и теперь: южная полоса лѣса, очевидно, не представлявшая для кочевниковъ-скиѣовъ благоприятныхъ условій существованія, тянулась отъ верхняго Днѣстра черезъ верхній Бугъ къ Кіеву и далѣе черезъ Десну и Сеймъ къ бассейну Оки. Этотъ выводъ подтверждается и археологическими находками предметовъ скиѣской культуры. Что касается до восточной границы, то, по всей вѣроятности, ее составляли западный берегъ Азовскаго моря (Мсотиды) и нижнее теченіе Дона, за которымъ жили уже сарматы. Такимъ образомъ, квадратную фигуру территоріи скиѣи Геродота проф. Нидерле измѣняетъ въ форму неправильнаго прямоугольника.

На этомъ пространствѣ скиѣы и кочевали со своими стадами съ мѣста на мѣсто. Этотъ кочевой образъ жизни подтверждается и другими древними историками, изображающими, „какъ скиѣ-скія женщины съ дѣтьми странствовали изъ края въ край въ повозкахъ, закрытыхъ войлокомъ и везомыхъ безрогими волами со стадами скота, находившимися на попеченіи ослѣпленныхъ рабовъ, мужчины же верхомъ на коняхъ разъѣзжали кругомъ, занимаясь охотой или войнами“.

Скиѣы, какъ и всѣ крупныя племена, не представляли однороднаго этнографическаго цѣлаго, но распадались на цѣлый рядъ мелкихъ племенныхъ разновидностей. Такими разновидностями были: каллипиды, жившіе у устья западнаго Буга, которые были сильно смѣшаны съ греками и которыхъ нѣкоторые ученые,—по мнѣнію проф. Нидерле, напрасно,—сближали съ карпидами или карпами; далѣе, скиѣы-земледѣльцы между Бугомъ и Днѣпромъ; скиѣы-номады, кочевавшіе на востокъ отъ Днѣпра; наконецъ, царскіе скиѣы, жившіе на сѣверѣ отъ послѣднихъ и считавшіе всѣхъ остальныхъ скиѣовъ за своихъ подданныхъ.

По происхожденію, скиѣы принадлежали къ пранскому племени, и потому для исторіи славянства они имѣютъ лишь косвенное значеніе. Этого нельзя, напротивъ, сказать о сосѣдяхъ скиѣовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, по мнѣнію проф. Нидерле, были славяне. Таковы были прежде всего невры, представлявшіе, по категорическимъ словамъ самого Геродота, племя, отличное отъ скиѣскаго. И страна ихъ строго отличается Геродотомъ отъ скиѣской. А такъ какъ территорія невровъ простиралась отъ восточныхъ Карпатъ и верхняго Днѣстра до рѣкъ Роси и Днѣпра, т. е. до области, искони находившейся въ обладаніи славянскаго племени, и такъ какъ названіе этой страны удивительно напоминаетъ древнее названіе Польши „пурская земля“, то славянское происхожденіе невровъ проф. Нидерле считаетъ въ высшей степени вѣроятнымъ. Оно подтверждается и множествомъ топонимическихъ названій, начинающихся съ корня пуг—(быть можетъ тождественнаго съ корнемъ пуг—въ нырять) и относящихся именно къ бассейну Буга и средней Вислы: Нура (притокъ Буга въ Кіевской лѣтописи 1102 г.), Нуръ (мѣстечко надъ Бугомъ въ Островскомъ уѣздѣ), Nurges (правый притокъ Буга), Nurgzyk (лѣвый притокъ Нурца), Nurgu (деревня въ Пултусскомъ у.) и др. Согласно указанной этимологіи слова, проф. Ни-

дерле полагаетъ, что „певры“ обозначали „людей, живущихъ въ низменныхъ или болотистыхъ мѣстахъ“.

Другими славянскими сосѣдями скифовъ были будины, о территоріи которыхъ Геродотъ даетъ, впрочемъ, довольно сбивчивыя показанія: съ одной стороны, онъ помѣщаетъ ихъ рядомъ съ певрами, недалеко отъ Днѣпра, а съ другой стороны,—далеко на востокъ, между Дономъ и Волгой. Это обстоятельство вызвало большіе споры между учеными, причемъ одни предпочитали первую локализацию, а другіе—вторую. Проф. Нидерле рѣшаетъ споръ путемъ своего рода компромисса; исходя изъ свѣдѣтельства Геродота о будинахъ, какъ о народѣ великомъ и многочисленномъ, онъ находитъ весьма вѣроятнымъ, что будины занимали страну по срединѣ между среднимъ Днѣпромъ и Дономъ. Противорѣчіе же Геродотовыхъ показаній объясняется имъ тѣмъ, что греческій историкъ получилъ свѣдѣнія о будинахъ изъ двухъ разныхъ источниковъ: отъ купцовъ, торговымъ путемъ которыхъ былъ Днѣпръ, и отъ купцовъ, которые торговали по Дону и Волгѣ. Уже одно географическое положеніе страны будиновъ много говоритъ, по мнѣнію проф. Нидерле, въ пользу ихъ славянскаго происхожденія. Къ тому же заключенію побуждаетъ антропологическій типъ будиновъ, который какъ видно изъ словъ Геродота „будины народъ голубоглазый и блѣнорусый“, отличался свѣтлой комплексіей. Наконецъ, и имя будиновъ скорѣе можетъ быть объяснено изъ славянскихъ языковъ, чѣмъ изъ какого-либо другого. Оно находится въ связи, вѣроятно, или съ корнемъ бѣд (напр. въ нашемъ бѣдѣ или съ корнемъ буд (въ нашемъ буда), или съ корнемъ бжд, и обозначало, поѣтому, или „народъ, живущій въ будахъ“ или „народъ населяющій страну Буды“. И здѣсь проф. Нидерле старается подкрѣпить свое мнѣніе ссылкой на современные топографическія названія: въ извѣстномъ польскомъ географическомъ словарѣ подъ именемъ Budu приведено почти 174 мѣстностей, а подъ именемъ Buda—почти 140.

Таковы всѣ скудныя данныя, сообщаемыя Геродотомъ о нашихъ предкахъ. Послѣ этого исторія молчитъ о нихъ втеченіи многихъ столѣтій. Тѣмъ не менѣе судьбы славянства съ VI ст. не остаются для насъ „покрытыми мракомъ неизвѣстности“. Напротивъ: „Къ эпохѣ ближайшихъ трехъ столѣтій относятся событія, о которыхъ, хотя и не сохранилось прямыхъ историческихъ свѣдѣтельствъ, но которыя, однако, несомнѣнно разыгрались прямо въ сердцѣ славянства. Это—событія чрезвычайно

важныя и интересныя. Развѣ не интересно узнать, когда и какъ началась та пресловутая борьба славянства съ германствомъ, которая тянется, какъ тяжелый кошмаръ, черезъ всю позднѣйшую славянскую исторію по-сегодня и протянется еще долго,—когда началось то наступательное движеніе германцевъ на востокъ, которое причинило славянамъ столько зла, которое загубило столько славянскихъ народовъ, и которое до сихъ поръ угрожаетъ существованію нѣкоторыхъ?“

Первымъ столкновеніемъ германскаго міра со славянскимъ не была, какъ полагалъ нѣмецкій ученый Реслеръ, война между готами и спалами въ 238 г., а нашествіе на Закарпатъе германскихъ бастарновъ, которые, вслѣдствіе какой-то неизвѣстной причины, оставили свою родину, находившуюся гдѣ-то около Балтійскаго моря, и двинулись къ нижнему Дунаю; въ половинѣ III в. до Р. Х., по свидѣтельству римскихъ историковъ, они были уже на берегахъ Чернаго моря. А такъ какъ бастарны, какъ показываютъ географическое мѣстоположеніе ихъ страны, ихъ союзъ съ восточно-германскими скирами и, наконецъ, самое ихъ имя, несомнѣнно принадлежали къ восточной вѣтви германскаго племени, то ихъ путь сюда могъ лежать только по долинамъ Днѣстра и Буга, т. е. „черезъ теперешнее царство Польское, Галичъ, Волынь и Подолье, слѣдовательно, черезъ край, который, безъ сомнѣнія, въ половинѣ I тысячелѣтія до Р. Х.; былъ населенъ славянскимъ племенемъ“. Это движеніе бастарновъ, которое, конечно, не было мирнымъ, а завоевательнымъ, совершилось, по мнѣнію проф. Нидерле, между половиной V и половиной III ст. Въ Закарпатѣ они поселились, по всей вѣроятности, въ видѣ концентрированныхъ острововъ среди автохтоннаго славянскаго населенія, и, быть можетъ, изъ ихъ устъ названіе карпатъ перешло въ славянскіе языки въ формѣ хорватъ (гипотеза профессора Петербургскаго университета О. А. Брауна). До 230 г. до Р. Х. бастарны были уже на нижнемъ Дунаѣ, а въ 180 г. мы видимъ ихъ уже на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ впоследствии они надѣлали не мало хлопотъ римскимъ императорамъ.

Другимъ, но, кажется, менѣе опаснымъ врагомъ закарпатскихъ славянъ, были галлы, пришедшіе въ ихъ страну почти одновременно съ бастарнами. Главнымъ доказательствомъ ихъ существованія въ Закарпатѣ служитъ декретъ Протогена, гражданина Ольвіи, составленный до 280 г. до Р. Х., и упоминающій о галатахъ какъ о врагахъ этой колоніи Милета. Кромѣ того,

слѣды галловъ въ Закарпатѣ сохранились въ видѣ нѣкоторыхъ географическихъ и этнографическихъ названій какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Изъ первыхъ проф. Нидерле приводитъ, напр., нѣсколько названій городовъ на Днѣстрѣ и нижнемъ Дунаѣ, звучащихъ во второй части на *dupum* (что по-кельтски значитъ городъ); изъ вторыхъ онъ указываетъ на такія названія, какъ Орава, притокъ Вага, Лаборца, притокъ Тисы, Санъ, Мѣнь, которыя въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ выводятся обыкновенно изъ кельтскаго языка. Быть можетъ, въ самомъ имени „Галичъ“ скрывается названіе галловъ. Вмѣстѣ съ г. Брауномъ, г. Нидерле готовъ видѣть даже въ названіи влахъ, волохъ, которымъ славяне обозначаютъ обыкновенно человѣка, принадлежащаго къ романскому племени, имя кельтскаго племени вольковъ, заимствованное славянами черезъ германскихъ бастарновъ. Тѣ галлы, которые не ушли вмѣстѣ съ скирами дальше на югъ, еще скорѣе слились съ славянскимъ населеніемъ края, чѣмъ бастарны.

Если германцы и галлы нанесли сильный ударъ могуществу скиновъ на западѣ, завоевавъ области теперешнихъ Молдавіи и Бессарабіи, то гораздо болѣе страшный врагъ для скиновъ явился на востокѣ въ лицѣ родственныхъ имъ сарматъ. Въ V вѣкѣ до Р. Х. они жили еще въ степяхъ Азіи, за Волгой и Ураломъ, въ началѣ II в. мы видимъ ихъ уже у Дона, а въ началѣ I в. по Р. Х. они владѣли уже (какъ видно изъ описанія Сарматіи греческаго историка Страбона) почти всей южной Россіей до низовьевъ Дуная. Такое широкое распространеніе сарматъ не могло произойти, конечно, вдругъ, вслѣдствіе какого-либо внезапнаго переворота, но совершилось постепенно: сарматы шагъ за шагомъ и, по всей вѣроятности, съ бою отнимали у своихъ сородичей земли. Въ концѣ второго вѣка до Р. Х. скинскіе цари владѣли только небольшою частью Крыма, но и эта послѣдняя ихъ крѣпость была скоро взята понтійскимъ царемъ Митридатомъ. Остальная часть скиновъ, не слившихся съ своими побѣдителями, ушла за Дунай. Въ эпоху Страбона (I в. по Р. Х.), вся русская равнина носила названіе „Сарматіи“, и подъ этимъ названіемъ разумѣлись не только земли, населенныя сарматскими племенами: роксоланами, язигами и аланами, но и области, занятыя другими народами, въ томъ числѣ славянами. И дѣйствительно, во II в. по Р. Х. послѣдніе являются на знаменитой картѣ Птолемея въ непосредственномъ сосѣдствѣ сарматъ, подъ именемъ „великаго и многочисленнаго народа венедовъ“.

Черезъ Понтійское или Босфорское царство Сарматія вступила сначала въ культурную, а потомъ и въ политическую зависимость отъ Рима. Для славянъ, жившихъ на сѣверо-западѣ отъ Сарматъ, это событіе имѣло только косвенное значеніе. Въ непосредственныя сношенія съ римлянами они вступили только въ началѣ II в. по Р. Х., когда Траянъ водрузилъ римское знамя на поляхъ Дакіи. Съ этого времени, древнѣйшая исторія русской равнины, которая въ извѣстной части была славянской вообще, вступаетъ въ новую фазу своего этнографическаго и политическаго развитія....

Г. Ильинскій.

Москва, 19 іюня 1904 г.

Словенцы и ихъ литература.

Очерки Ивана Пріятеля.

Глава II.

Реформація и католическая реакція.

XVI-ое столѣтіе глубоко всколыхнуло словенскій народъ. Суровѣй, чѣмъ стихійныя бѣды: чума, голодъ, саранча, терзали его турки, и еще болѣе, чѣмъ отъ турокъ, которые являлись и исчезали, приходилось народу терпѣть отъ помѣщиковъ. Вѣдь послѣдніе жили внутри страны, и крестьянинъ былъ всецѣло предоставленъ ихъ произволу. Это привело къ возстанію угнетенныхъ. Словенскій крестьянинъ присоединился къ хорватскому, и съ соединенными силами армія крестьянъ, съ „крестьянскимъ королемъ“ во главѣ, бросилась на штурмъ крѣпостей. Однако, крестьянское оружіе, привыкшее рѣзать только добродушную землю, да рубить терпѣливое дерево, было безсильно противъ высокихъ стѣнъ замковъ и желѣзныхъ панцирей ландскнехтовъ. Крестьяне, какъ стада овецъ, сгонялись въ кучу къ рѣкѣ и дабы облегчить благородному оружію рыцарей работу вѣшателей—

прямо были сбрасываемы въ воду. Только „короля“ Губеца жадное до зрѣлищъ „дворянство“ удостоило процесса въ формѣ ужасной шутки: въ Загребѣ, на площади передъ соборомъ св. Марка, онъ былъ посаженъ на раскаленный желѣзный тронъ и коронованъ такою же короной... Для народа настало тяжелое время, но его громкіе протесты и горькія жалобы затихали надъ орошенными его потомъ полями. Только два отчаянныхъ вопля проскользнули въ литературу: они встрѣчаются въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи (напеч. въ 1516 г.) и представляютъ первыя явившіяся въ печати словенскія слова.

Эти ужасные удары расчистили дорогу Реформациі. Запуганный, покрытый тысячами ранъ и истекающій кровью народъ, лежавшій уже на смертномъ ложѣ, ждалъ себѣ исцѣленія только отъ совершенно-новаго откровенія. Народъ, покидавшій свою страну только ради благочестивыхъ паломничествъ, украшавшій каждый холмъ церковью и каждый перекрестокъ часовней, могъ надѣяться получить помощь только въ сферѣ религіи. Однако, не къ простымъ людямъ, а къ дворянамъ, духовнымъ и горожанамъ обращались прежде всего проповѣдники реформациі. Но и здѣсь почва была хорошо подготовлена для ихъ посѣва: ихъ пламенные слова нашли отверстыми и сердце и уши. И открылъ ихъ гуманизмъ. Еще не такъ давно великій австрійскій гуманистъ Эней Сильвій объявилъ Австрію страной особенно неблагоприятной для гуманизма, и въ этихъ своихъ „Томахъ“ тосковалъ по Италіи, обѣтованной странѣ гуманистовъ. Но прежде чѣмъ ему удалось исполнить свое горячее желаніе, онъ сдѣлалъ въ своемъ „изгнаніи“ столь многое и важное, что свершившійся, наконецъ, его вѣздъ въ Италію былъ въ то же время вѣздомъ въ Ватиканъ. Онъ открылъ Австріи идеалы гуманизма, нашедшаго въ императорѣ Максимилианѣ I покровителя и скоро приспособившагося къ почвѣ. Оживился интересъ къ наукѣ и искусствамъ, расширились интересы, явилась дерзость переступить границы церковной схоластики и возвратиться къ грекамъ и римлянамъ. Возникли школы (въ Люблянѣ въ 1565 г.), знаніе должно было сдѣлаться всеобщимъ и дать людямъ то, что диктовала имъ вѣра въ слово. Предразсудки потеряли свою силу. Максимилианъ I этотъ „последній рыцарь“, трудился даже надъ введеніемъ „общаго языка“, — разумѣется, прежде всего, нѣмецкаго, на которомъ онъ самъ дѣлалъ попытки поэтическаго творчества. Впрочемъ, какъ истинный гуманистъ, онъ владѣлъ и другими языками: онъ умѣлъ говорить по-чешски, а своимъ учителемъ въ словенскомъ языкѣ

сдѣлалъ природнаго словенца Берлогара, который написалъ для него словенскую грамматику и словарь. Къ его гуманистической свѣтѣ принадлежалъ также „Archimusicus“ Георгъ Слатконья изъ Любляны, котораго онъ назначилъ вѣнскимъ архіепископомъ. Благодаря тому, что членамъ своего придворнаго гуманистическаго кружка онъ давалъ высокіе посты въ провинціи, вся имперія была завоевана гуманистами. Изъ двора Максимилиана былъ присланъ, напр., епископомъ въ Триестъ Петръ Бононецъ. Гуманистическія изученія нашли радушный пріемъ и распространеніе и у словенскаго духовенства. Благодаря этому, исчезла всякая исключительность; горизонтъ расширился; ослабѣло буквоедство; интересъ къ серьезнымъ занятіямъ, особенно къ языкамъ возрасталъ со дня на день.

Гуманизмъ сдѣлался пособникомъ реформаціи: въ то время какъ князья церкви молчаливо терпѣли первые шаги новаго ученія, дворянство, напротивъ, принимало его съ распростертыми объятіями, и сословія защищали его съ упорнымъ постоянствомъ. Въ Альпійскія страны евангелическое ученіе начало проникать уже въ первой половинѣ XVI ст., не взирая на то, что властители страны всегда выступали противъ него. Когда Фединандъ I по Брюссельскому договору 1522 г. вступилъ въ управленіе Австрію, въ Альпійскихъ странахъ было уже много протестантскихъ проповѣдниковъ, какъ это доказала церковная ревизія 1528 г. въ Штиріи. Проповѣдники, школьные учителя, нѣмецкіе ваганты принесли въ страну книги Лютера и встрѣтили особенно—энергическую поддержку у могущественныхъ аристократическихъ семействъ края. Всѣ запрещенія строго-католическаго повелителя народа оставались напрасными: не было почти никого, кто бы ихъ исполнялъ. Этому способствовало и то обстоятельство, что, вслѣдствіе глубокаго упадка Вѣнскаго университета, алчущая знанія молодежь стала поступать въ университеты Тюбингена, Виттенберга, Лейпцига, откуда она приносила домой ученіе Лютера. Молодые словенцы и хорваты имѣли къ тому же и высокопоставленныхъ земляковъ и покровителей въ Виртембергѣ. Въ Тюбингенскомъ университетѣ читалъ лекціи исторіецъ Матвѣй Гарбитіусъ (Гарбичъ), который юношей посѣщалъ домъ Лютера въ Виттенбергѣ. Онъ помогъ своему земляку Флакку Иллирику поступить въ тотъ же университетъ въ качествѣ помощника преподавателя. И самъ герцогъ Кристофъ привелъ съ собой изъ Вѣны своего учителя, словенца Михаила Тифферна, который помогъ ему своимъ знаніемъ языка края

убѣжать изъ австрійской тюрьмы. Послѣ того какъ Кристофъ вступилъ въ свои права какъ герцога Виттенберга, онъ назначилъ своего ментора канцлеромъ. Тиффернъ умеръ въ 1555 г. и завѣщалъ свое состояніе герцогу, который на 2520 гульденовъ учредилъ для земляковъ Тифферна стипендію „Tiffernum“ съ четырьмя мѣстами, которыми въ 1558—1600 гг. и пользовались 50 крайнцевъ.

Душой словенской реформаціи былъ Примусъ Труберъ (1508—1586). Онъ и его творенія стоятъ въ центрѣ движенія, вмѣстѣ съ нимъ возникъ и палъ (словенскій) протестантизмъ. Родомъ изъ Рашицы въ Нижней Крайнѣ, онъ—юный сынъ крестьянина и пономаря—прежде всего посѣщалъ школу въ Рѣкѣ (Фіуме). Свое ученіе онъ продолжалъ въ Зальцбургѣ и кончилъ въ Вѣнѣ. Такъ, къ знанію родного языка онъ присоединилъ знаніе итальянскаго и нѣмецкаго, и въ тяжелые годы преслѣдованій могъ одинаково смѣло выступать проповѣдникомъ и въ Триестѣ, и въ Виттенбергѣ и въ Люблянѣ. Въ Вѣнѣ взялъ его къ себѣ гуманистъ Петръ Бононецъ и воспиталъ въ немъ священника въ гуманистическомъ духѣ. Получивъ мѣсто каплана въ Цилли, онъ скоро показалъ себя вѣрнымъ ученикомъ вѣнскаго гуманизма и своего покровителя Бононца: онъ съ величайшимъ усердіемъ проповѣдывалъ противъ всякихъ суевѣрій народа, который до тѣхъ поръ не отнималъ у пастырей ни одной ночи сна. Приглашенный люблянскими канониками Мертличемъ и Драголичемъ въ Люблянѣ, онъ завоевалъ, какъ проповѣдникъ соборной церкви, большую популярность. Уже тогда онъ показалъ себя протестантомъ: онъ нападалъ на celibаты. Онъ подвергся за это репрессаліи со стороны люблянскаго епископа Раубера, и былъ перемѣщенъ внутрь страны. Однако, преемникъ Раубера, Каціанеръ, вернулъ его опять въ Люблянѣ и сдѣлалъ его каноникомъ и словенскимъ проповѣдникомъ. Съ тѣхъ поръ его кафедра буквально осаждалась какъ аристократами, такъ и горожанами. Слѣдовавшій за тѣмъ епископъ, Тексторъ, былъ придворнымъ проповѣдникомъ и духовнымъ отцомъ Фердинанда I. Всегда живя далеко отъ своей діоцезы, при дворѣ, онъ побуждалъ короля изгнать всѣхъ протестантскихъ проповѣдниковъ изъ Краины. Труберъ бѣжалъ въ Триестъ, а затѣмъ, когда всѣ просьбы чиновъ не имѣли успѣха, въ Нюрнбергъ и Роттенбургъ—на Тауберъ, гдѣ получилъ часовню для проповѣди.—Разлученный такимъ насильственнымъ образомъ съ родиной, онъ жилъ, думая постоянно о своемъ „бѣдномъ, добромъ народѣ“. Чтобы остаться съ нимъ

въ общеніи, онъ вздумалъ сочинять на словенскомъ языкѣ, на „которомъ до сихъ поръ не писалось“. Въ 1550 г. онъ издалъ свою первую книжку „Катехизисъ“, напечатанную нѣмецкими буквами, но долженъ былъ къ ней присоединить и ключъ—„Азбуку“. Съ великою боязнію послалъ онъ въ родной край первыя словенскія „книги“. Ни разу не рѣшился онъ отмѣтить мѣсто изданія своихъ книгъ,—тѣмъ менѣе свое имя. Онъ подписывался „Philopatridus Styrius“. Обѣ книжки были встрѣчены на родинѣ съ большимъ ликованіемъ. Этотъ успѣхъ ободрилъ его, и онъ составилъ планъ еще издать, по крайней мѣрѣ, Псалтырь и все Священное Писаніе. Однако, это требовало много и денегъ и времени; между тѣмъ новый пасторъ Кемптена, куда онъ былъ перемѣщенъ съ 1553 г., не располагалъ въ изобиліи ни тѣмъ, ни другимъ, въ особенности, послѣ того какъ онъ взялъ въ свой домъ больного хорватскаго клирика Стефана Консула и долженъ былъ ухаживать за нимъ. Этого послѣдняго привелъ съ собой изъ Истріи въ Виттенбергъ энергичный и неутомимый Вергерій.

Петръ Павелъ Вергерій, пылкій итальянецъ, нѣкогда убѣжденнѣйшій католикъ, папскій нунцій и наперсникъ папы Павла III, превосходный дипломатъ и опытный юристъ еще прежде посѣтилъ однажды Германію и безуспѣшно пытался въ Виттенбергѣ обратить Лютера на истинный путь. Теперь (1553) онъ явился въ Тюбингенъ въ качествѣ ех-епископа *Caro d'Istria* и осужденнаго на изгнаніе лютеранина. Вергерій былъ человекъ, которому въ его религіозномъ усердіи не казалось ничто невозможнымъ. Истинный образецъ фанатическаго протестанта, онъ писалъ противъ „*Patrem satanissimum*“ на латинскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Онъ этимъ не удовольствовался,—онъ захотѣлъ, чтобы всѣ народы читали его ядовитыя пасквили. По-хорватски онъ немного говорилъ самъ, но для переводовъ на этотъ языкъ онъ взялъ съ собой Консула, знакомаго какъ съ глаголическимъ, такъ и съ кирилловскимъ шрифтомъ. Для изданія словенскихъ книгъ, онъ переселился въ 1555 г. вмѣстѣ съ Труберомъ въ Ульмъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Польшу, и въ своихъ четырехъ діалогахъ жестоко нападалъ на польскаго кардинала Гозія („*Deutschpole*“) за его запрещеніе читать Библію на языкъ края. Въ полемикѣ съ кардиналомъ онъ предложилъ составить общеславянскій литературный языкъ и перевести на него Библію. Хотя этотъ планъ онъ долженъ былъ оставить, однако ради него онъ обязывалъ нѣмецкихъ князей и собиралъ деньги на изданіе книгъ на различныхъ славянскихъ

языкахъ. И первое же изданіе было сочиненіе Трубера: Евангеліе св. Маттея (1555 г.), расходы на которое взялъ на себя самъ герцогъ Кристофъ. Книга носила инициалы какъ Трубера, такъ и Вергерія (последняго даже на первомъ мѣстѣ), и въ предисловіи оба поручали себя молитвамъ читателей. Хотя Вергерій для литературы больше ничего не сдѣлалъ, кромѣ развѣ того, что въ появившіяся въ томъ же году новыя изданія „Катехизиса“ и „Азбуки“ вставилъ итальянскій „Отче нашъ“, однако его имя фигурировало повсюду вмѣстѣ съ именемъ Трубера. Труберъ писалъ даже предисловія отъ имени обоихъ. Такой порядокъ не могъ продолжаться долго, и не прошло года, какъ дружба между Труберомъ и честолюбивымъ и властолюбивымъ Вергеріемъ порвалась. Тогда Труберъ еще болѣе сблизился съ хорватомъ Стефаномъ Консуломъ, который въ 1557 г. началъ переводить его книги на хорватскій языкъ. Въ томъ же году Труберъ напечаталъ первую часть Новаго Завѣта и Постиллу. Черезъ Стефана Консула онъ познакомился съ барономъ Унгнадомъ. Какъ всѣ новообращенные, былъ и Іоганнъ-фонъ Унгнадъ человекомъ, готовымъ для своего ученія принести всевозможныя жертвы. Получивъ военное воспитаніе, онъ жилъ долгое время при дворѣ Максимилиана I и, такъ обр., прошелъ подготовительную къ протестантству гуманистическую школу. Его блестящая служебная карьера привела его въ словенскіе края. Занимая съ 1544 г. мѣсто имперскаго правителя пяти внутреннихъ австрійскихъ, словенскихъ и хорватскихъ провинцій, онъ, какъ верховный начальникъ войскъ, защищалъ ихъ отъ турокъ. Въ 1544 г. онъ изъ-за своихъ религіозныхъ убѣжденій оставилъ свой постъ, бросилъ всѣ свои владѣнія и переселился въ Виттенбергъ, гдѣ пользовался обществомъ Филиппа Меланхтона. Въ 1559 г. мы видимъ его вмѣстѣ съ герцогомъ Кристофомъ въ Тюбингенѣ, гдѣ онъ былъ принятъ съ почестями, какъ прославленный побѣдитель турокъ. Герцогъ подарилъ ему въ городкѣ Урахѣ домъ, т. н. „Mönchhaus“, въ которомъ онъ давалъ пріютъ словенскимъ и хорватскимъ реформаторамъ, и въ которомъ онъ основалъ первую югославянскую типографію, богато-снабженную латинскимъ, глаголическимъ и кирилловскимъ шрифтами. Въ 1561 г. типографія открыла свою дѣятельность. Унгнадъ пріютилъ въ своемъ домѣ Стефана Консула и Антона Далматина, стараго глаголянца, которые всецѣло посвятили себя переводческой работѣ. Что они переводили, то немедленно относилось на печатный станокъ: въ томъ же домѣ работали наборщики, корректоры и коммен-

таторы. Съ югославянскими странами Унгнадъ находился въ постоянномъ общеніи: съ нимъ переписывались многіе проповѣдники, которые ходили изъ деревни въ деревню. А еще прилежнѣе онъ переписывался съ высокопоставленными лицами всей Германіи. Бывшій участникъ турецкихъ войнъ, онъ дѣлился съ своимъ планомъ—не только просвѣтитъ евангеліемъ бѣдныхъ словенцевъ и хорватовъ, но и обратить чистымъ ученіемъ даже дикихъ турокъ,—съ разными герцогами, князьями и курфюрстами, ландъ-и маркграфами, съ славными чинами и почтенными „отцами городовъ“ цѣлой Германіи. Онъ просилъ у нихъ поддержки, такъ какъ свои деньги онъ уже изстратилъ. Его просьба не осталась неуслышанной. Вскорѣ прислали ему штирійскіе чины 200 гульденовъ, герцога Бранденбургскій 100 гульд., курфюрстъ саксонскій 200 гульд. и затѣмъ длинный рядъ такихъ городовъ, какъ Нюренбергъ, Ульмъ, Кемптенъ, Менингенъ, Линдау, Страссбургъ и т. д. Унгнадъ добросовѣстно представлялъ отчеты въ полученныхъ деньгахъ, которые утверждались ректоромъ, регентами и докторами Тюбингенскаго университета.—Для Трубера въ это время опять начались его *Wanderjahre*. Въ 1560 г. онъ издалъ вторую часть „Новаго Завѣта“ и послалъ ее королю Чехіи Максимилиану, въ доказательство, что онъ ни мечтатель, ни еретикъ. Его книги встрѣтили благосклонный пріемъ у короля, и такъ понравились также въ Крайнѣ, что его назначили въ Любляну проповѣдникомъ. Прежде чѣмъ отправиться на свою родину, Труберъ посѣтилъ типографію въ Урахѣ и нашелъ ее въ величайшемъ безпорядкѣ. Вергерій, интриговавшій противъ Трубера, произвелъ его благодаря горячей головѣ Скалича. Сюда явился изъ Любляны уполномоченный чиновъ, чтобы сопровождать его въ Крайну. До самаго Края вышли къ нему на встрѣчу жители Любляны: втеченіи десяти недѣль проповѣдывалъ онъ съ кафедры мужчинамъ и женщинамъ на словенскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; потомъ онъ взялъ отпускъ и вернулся въ Тюбингенъ. Тамъ онъ былъ принятъ Унгнадомъ весьма холодно,—его встрѣтила тамъ вторая интрига, исходившая на этотъ разъ отъ его хорошаго пріятеля Консула. Затѣмъ Труберъ переселился въ іюнѣ слѣдующаго года въ Любляну. Но тутъ опять возобновились преслѣдованія. Онъ былъ высланъ изъ страны, затѣмъ опять былъ вызванъ къ епископу, чтобы оправдать свою вѣру. Онъ получилъ крупную денежную поддержку отъ чиновъ, сообщившихъ императору Фердинанду, что самъ епископъ не

нашелъ въ рѣчахъ Трубера ничего подозрительнаго, и что ихъ проповѣдникъ есть воплощенная скромность, добросовѣстность, искренность и благочестіе.

Въ 1564 г. вступилъ на престолъ внутреннихъ австрійскихъ земель эрцгерцогъ Карлъ и назначилъ своей столпцей Грацъ. Онъ запретилъ Труберу проповѣдывать по-словенски и окончательно изгналъ его изъ края. Труберъ вернулся въ Виттенбергъ, получилъ мѣсто пастора въ Лауфенѣ и окончилъ тамъ переводъ псалтыри (1566). Въ томъ же году переселился онъ въ качествѣ пастора въ Дередингенъ, чтобы быть поближе къ типографіи и университету. Здѣсь онъ оставался до самой своей смерти (1586). Только одинъ разъ его одолѣла тоска по родинѣ. Онъ появился въ Люблянѣ, но долженъ былъ тотчасъ оставить ее, чтобы не причинить непріятностей чинамъ. Съ тѣхъ поръ онъ довольствовался Дередингеномъ, черпая утѣшеніе въ работѣ. Въ тиши трудился онъ здѣсь, издавая свои канціоналы и календари, приготавливая новыя изданія своихъ прежнихъ трудовъ, особенно Новаго Завѣта и работая надъ переводомъ „Домашней Постиллы“ Лютера.

Труберъ писалъ безъ грамматическихъ претензій, онъ не дѣлалъ также никакихъ глубокихъ грамматическихъ наблюдений. Отъ произвола въ орудованіи языкомъ его охраняли хорошій слухъ, основательное знаніе родного говора и сознательное стремленіе ограничиться только своимъ діалектомъ. Первымъ грамматическимъ резонеромъ былъ Себастьянъ Крель (1538—1587), который учился у Флакція Иллирика и въ 1565 г. былъ помощникомъ Трубера въ его проповѣднической дѣятельности въ Люблянѣ. Онъ издалъ въ 1567 г. Постиллу Спангенберга, въ которой онъ какъ въ отношеніи правописанія, такъ и языка принялъ во вниманіе интересы большей части словенцевъ и хорватовъ.—Онъ мечталъ даже о введеніи „прекраснаго кирилловскаго шрифта“. Грамматикомъ реформациі, а также первымъ, кто нормировалъ словенскій языкъ, былъ Адамъ Богоричъ, который въ 1546 г. занимался подъ руководствомъ Меланхтона („praeseptor meus perpetuo observandus“) въ Виттенбергѣ и въ 1566 г. былъ приглашенъ директоромъ недавно основанной сословной школы въ Люблянѣ, такъ какъ имѣлъ репутацію лучшаго знатока словенскаго языка. Онъ составилъ учебникъ „Elementale Labacense cum nomenclatura trium linguarum latina, germanica et esclavonica“ и другой подъ названіемъ „Donata“. Самыя же крупныя грамматическія заслуги онъ оказалъ своими совѣтами молодому не-

утомленному переводчику Библии—Далматину. Юрію Далматину (1550—1589 г.), стипендіату „Tiffernum“а и будущему проповѣднику въ Люблянѣ, предстояла великая задача увѣнчать переводческую дѣятельность Трубера полнымъ изданіемъ Библии. То, на что Труберу пришлось посвятить всю жизнь, этотъ неутомимый человѣкъ въ немногіе годы совершилъ одинъ. Было большое счастье, что Труберъ еще при жизни нашелъ въ Далматинѣ преемника, который, усердно развѣзжая по краю какъ проповѣдникъ, собралъ еще болѣе богатый запасъ словъ и формъ, чѣмъ тотъ, которымъ обладалъ Труберъ; въ Богоричѣ онъ нашелъ ту грамматическую полноту, отсутствіе которой въ его трудѣ такъ сильно давало себя чувствовать. Далматинъ работалъ въ школѣ земскихъ чиновъ, подъ руководствомъ Богорича. И вотъ оба друга рѣшили окончить словенскій переводъ Библии. Работникомъ собственно былъ Далматинъ, корректоромъ—его ученый директоръ. Какъ образецъ перевода, прежде всего была выпущена книга Иисуса Сираха (Ecclesiasticus),—первая книга напечатанная на родинѣ. Далматинъ и нѣкоторые крайніе аристократы убѣдили, наконецъ, типографа Ганса Маннеля (Мандельца), словенца родомъ, основать въ 1575 г. въ Люблянѣ типографію. Она работала до 1580 г., когда Маннель долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдователей въ Хорватію и Венгрію, къ тамошней аристократіи. Онъ печаталъ латинскія, нѣмецкія и словенскія книги и сверхъ того историческій трудъ на кайкавскомъ яз. „Хронику“ Врамца. Но изъ словенской Библии Далматинъ могъ напечатать у себя (въ 1548 г.) только первую часть (пять книгъ Моисея); полное изданіе Св. Писанія явилось въ 1584 г. въ типографіи Ганса Краффта въ Виттенбергѣ, богато украшенное рисунками, рѣзанными на деревѣ Кратономъ. Къ книгѣ былъ приложенъ объяснительный списокъ тѣхъ словъ, которыя были непонятны хорватамъ. Библия должна была выйти у Маннеля въ Люблянѣ, который уже составилъ смѣту расходовъ, но эрцгерцогъ Карлъ запретилъ печатаніе. Тогда чины послали Далматина, Богорича и типографа Мравля въ Виттенбергъ, чтобы тамъ руководить печатаніемъ, продолжавшимся съ мая до декабря 1583 г. Переводъ лежалъ готовымъ уже три года. Въ 1581 г. онъ былъ предложенъ на разсмотрѣніе комиссіи богослововъ и филологовъ. По этому поводу Богоричъ сдѣлалъ такія содержательныя замѣчанія и трудъ и такія тонкія наблюденія надъ словенскимъ языкомъ, что вся комиссія решила его привести ихъ въ систему и издать. Такъ, одновре-

менно съ Библіею, вышло въ Виттенбергѣ грамматическое сочиненіе Богорича „*Arcticae horulae*“, гдѣ были положены основы словенскому литературному языку. Грамматика, трудъ ученаго гуманиста, знавшаго и другія славянскія нарѣчія, господствовала болѣе двухъ столѣтій и была превзойдена только грамматикой Копитара.

Подобно рукописи Библии Далматина, и протестантскіе проповѣдники скоро должны были отправиться на чужбину, хотя они нерѣдко возвращались (какъ и печатная Библия) на родину, но должны были скрываться въ потаенныхъ мѣстахъ; наступило время систематическаго истребленія протестантскихъ книгъ и ихъ пропагандистовъ. Строго-католическій эрцгерцогъ Карлъ предпринималъ противъ нихъ строжайшія мѣры и преслѣдовалъ ихъ указами, въ которыхъ точно назначался срокъ, позже котораго они не могли оставаться среди согражданъ. Единственную поддержку имъ оказывали сословія и мѣстная аристократія. Противъ протестантскихъ чиновъ эрцгерцогъ не могъ предпринять ничего серьезнаго: турки угрожали ему, и онъ нуждался въ солдатахъ, которыхъ сословія соглашались ему давать только подъ условіемъ религіозной свободы. Тогда Карлъ прибѣгнулъ къ другому, не столь раздражающему антиреформаторскому средству: онъ пригласилъ въ страну іезуитовъ. И въ немного лѣтъ большая часть протестантскихъ книгъ сдѣлалась жертвой огня. Кое-гдѣ внутри страны еще держались нѣкоторое время проповѣдники, пока неутомимый антиреформаторъ епископъ Хрѣнъ (Chrön) не выталщилъ послѣдняго изъ самой глухой деревушки и не выслалъ за предѣлы страны. Они отправились въ Германію и исчезли, одинъ—тамъ, другой—здѣсь, но большая часть—неизвѣстно гдѣ. Потомокъ одного изъ этихъ людей, по имени Знойльшикъ является нынѣ однимъ изъ крупнѣйшихъ шведскихъ лириковъ (графъ Snoylsky).

Труды Трубера и прочихъ реформаторовъ имѣли для словенцевъ величайшее значеніе. Все, что было написано въ послѣдующія два столѣтія, основано на нихъ. Конечно, это было немного, такъ какъ католическое духовенство, въ особенности іезуиты, считали введеніе народнаго языка въ церковь умаленіемъ престижа ихъ латыни. Труберъ попытался приблизить духовенство и высшія сословія къ простонародью: онъ писалъ для народа словенскія книги, которыя посвящались аристократамъ, ихъ женамъ и ихъ любознательнымъ сыновьямъ. Если бы національный протестантизмъ Трубера не былъ насильственно по

давленъ „сверху“, то нація, быть можетъ, возродилась бы къ новой жизни, какъ цѣльный организмъ, съ аристократіей во главѣ. Католическая реакція еще болѣе углубила старую пропасть между обоими сословіями: нѣмецкое высшее духовенство шло вмѣстѣ съ аристократіей, и разстояніе между народомъ и обоими высшими сословіями увеличивалось со дня на день.

Вся дѣятельность Трубера обнаруживаетъ въ словенскомъ Лютерѣ человека скромнаго, настойчиваго, непритязательнаго, неустаннаго, набожнаго, исполненнаго любви къ своему народу. Въ то время, какъ Лютеръ разражался противъ „инаковѣровавшихъ“ непростительными полемическими рѣзкостями, Труберъ въ своихъ проповѣдяхъ „относился благосклонно даже къ священникамъ“. Онъ не столько стремился бороться съ папизмомъ, сколько, напротивъ, желалъ исправить кроткими словами евангелія свой полуумершій, глубоко-погрязшій въ суевѣрія народъ. Приведя его отчасти къ сознанію, онъ далъ ему такого рода языкъ, „котораго слова и стиль были бы легко понятны для каждаго словенца: и для крайнца, и для нижнештирійца, и для хорутанца, и для карстца, и для истрійца, и для ниже-крайнца или для безяка (провинціального хорвата)“. Импульсомъ его литературнаго творчества было религіозное воодушевленіе, но какъ у Лютера, такъ и у него довольно одинаковую роль играли также религіозно-освободительные и національные мотивы. Какой-нибудь Зиккингенъ или Гуттенъ, который бы поставилъ своей высшей задачей національную эмансипацію отъ теократическаго имперіализма, не могъ выйти изъ политически-мертвого народа словенцевъ. И въ то время, какъ многіе иностранцы принимали участіе въ словенской реформаціи исключительно изъ религіозныхъ чувствъ—Унгнадъ самъ указываетъ на это, какъ на единственную причину—у Трубера, молившагося, „чтобы Богъ сжалялся надъ его бѣднымъ, но добрымъ народомъ, и оказалъ ему милость и даровалъ ему такой же литературный языкъ, какой имѣютъ другія націи“, къ этимъ религіознымъ мотивамъ присоединялись и національные. Живя на далекой чужбинѣ; онъ не забывалъ писать къ своему народу истинно-апостольскія посланія, въ которыхъ онъ внушалъ ему „единство вѣры во всѣхъ свѣтскихъ, политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ, сердечную любовь, жизнерадостное настроеніе, искренность, справедливость“... Его глубокую любовь къ народу унаслѣдовалъ отъ него въ величайшей мѣрѣ Далматинъ, который „также писалъ, чтобы усовершенствовать языкъ и послужить отчизнѣ“.—Такъ

какъ Труберъ и его друзья чуждались всякой полемики, то въ словенской протестантской литературѣ мы напрасно стали бы искать всѣхъ ея формы, которыя вызвала полемика между обѣими религіозными партіями, напр., въ Германіи: басню, насколько она была приспособлена къ сатирѣ, полемическіе діалоги и стихотворныя шутки въ народномъ духѣ (Volksschwänke) съ ихъ комическимъ типомъ жирнаго клерика. У робкаго, скромнаго и забитаго словенца не было склонности къ рѣзкой сатирѣ и къ гротескной пародіи.

На эту столь плодотворную литературную дѣятельность протестантовъ католики отвѣтили раньше преслѣдованіями, чѣмъ тѣмъ же оружіемъ литературы. Іезуиты подарили народу, взамѣнъ множества уничтоженныхъ книгъ, только одинъ катехизисъ (1574), а въ слѣдующія затѣмъ столѣтія вышелъ изъ-подъ пера одного іезуита одинъ сборникъ проповѣдей (1734 г.). Этотъ іезуитъ былъ Б. Базаръ. Больше всѣхъ старался поддержать глубокое и полное молчаніе, которое съ тѣхъ поръ должно было царить въ словенской литературѣ, вождь католической реакціи, люблянскій епископъ Тома Хрѣнъ (1560—1630). Это былъ высокообразованный человѣкъ,—въ юношескіе годы онъ сочинялъ художественныя латинскіе стихи—и, какой такой, онъ собственными глазами увидѣлъ и узналъ благотѣльное дѣйствіе патріотической литературы протестантовъ. Онъ находился еще подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ возстанія верхнекрайнихъ крестьянъ, въ которомъ послѣдніе, съ оружіемъ въ рукахъ, защищали экземпляры Библии. Быть можетъ, ему не давали спокойно спать и успѣхи протестантовъ. Первое, что онъ прежде всего ввелъ, это были регулярныя словенскія проповѣди въ соборной церкви. Онъ проповѣдывалъ самъ какъ въ Люблянѣ, такъ и внутри страны и переводилъ „Евангеліе и Посланія“ (1613), главнымъ образомъ, придерживаясь Далматина. Это было въ началѣ новаго столѣтія. Въ концѣ его гробовое молчаніе католиковъ прервало другое высокопоставленное духовное лицо „Protonotarius Apostolicus“, Іоганнъ Людвигъ Шенлебенъ съ своими „Евангеліями и Посланіями“ (1672). Высокоученый мужъ, основавшій въ Люблянѣ латинскую академію по образцу итальянской „Crusca“ и пригласившій въ Люблянѣ нѣмецкаго типографа (Іоганна Майра изъ Зальцбурга), оставался въ своихъ словенскихъ трудахъ гораздо ниже Трубера. XVII ст. не ознаменовалось далѣе ничѣмъ другимъ, какъ цѣлымъ наводненіемъ изданій „Евангелій и Посланій“ Хрѣна, между которыми рудольфсверт-

скій каноникъ Кастелець выпустилъ нѣсколько молитвенниковъ, написанныхъ на хорошемъ діалектѣ, и важныхъ не столько для развитія литературнаго языка, сколько для развитія народнаго синтаксиса. Заслуживаетъ упоминанія еще современникъ Абрама à santa clara, носившій у словенцевъ имя Іоганна Баптиста à santa croce. Какъ тотъ, такъ и этотъ былъ монахъ, но не августинскаго ордена, а ордена капуциновъ. Онъ имѣлъ возможность слышать знаменитаго придворнаго проповѣдника Леопольда I, когда тотъ былъ приглашенъ іезуитами въ Люблянѣ, и взялъ его себѣ за образецъ. Свои проповѣди онъ издалъ въ 1691 г. въ Венеціи. Изъ нихъ можно видѣть, что хотя онъ уступаетъ тяжеловѣсному вѣнскому августинцу въ смѣлости удивительныхъ и остроумныхъ словообразованій, въ эффектномъ расположеніи матеріала и богатствѣ стиля, все таки, онъ можетъ не бояться съ нимъ сравненія. Его современникъ и товарищъ по профессіи, также знаменитый проповѣдникъ Рогерій не вышается до него. Его проповѣди были изданы послѣ его смерти капуцинами. Всѣмъ этимъ проповѣдникамъ недостаетъ протестантской корректности; образъ дѣйствія Хрѣна также не сдѣлался традиціей. Какъ проповѣдники-популяризаторы, они приспособлялись къ народнымъ инстинктамъ и къ грубому вульгарному языку. При такихъ обстоятельствахъ, слѣды дѣятельности протестантовъ стерлись до такой степени, что въ началѣ XVIII ст. (1713) для капуцина патера Ипполита изъ Рудольфсверта явилась возможность выпустить новое изданіе грамматики Богорича какъ оригинальное произведеніе. Болѣе самостоятельности и почтенное прилежаніе показалъ словарь того-же автора,—словарь, оставшійся, впрочемъ, въ рукописи. Тому Кемпійскаго и другія подобныя книги переводилъ священникъ Пагловець, катехизисы составляли Клапше, Михецъ и Чандикъ; церковныя пѣсни сочиняли Стержинаръ, Репежъ, Лавренчичъ и Редескини, но съ сомнительнымъ успѣхомъ. Только духовныя лица! Былъ только одинъ мірянинъ, который былъ энтузіастъ словенскаго языка и охотно имъ занимался, Иванъ Поповичъ (1705—1774). Его живое желаніе „обѣздить южнославянскія страны для изученія словенскаго языка и исторіи“ (ср. его „Untersuchungen vom Meere“, Frankfurt-Leipzig 1750) не исполнилось; чтобы имѣть на что жить, онъ занялъ мѣсто профессора нѣмецкаго языка въ вѣнскомъ университетѣ, писалъ, по порученію правительства, нѣмецкую грамматику противъ Готшеда и много другихъ книгъ.

Свои славянскія студіи онъ долженъ былъ забросить въ самомъ началѣ.

Этотъ двухсотлѣтній періодъ духовныхъ писателей, являвшихся „*rari nantes in gurgite vasto*“, заключаетъ тяжеловѣсный августинецъ, который во всемъ оставался вѣрнымъ традиціямъ своихъ предшественниковъ, за исключеніемъ того, что онъ одинъ написалъ болѣе, чѣмъ всѣ они, взятыя вмѣстѣ. Это былъ патеръ Маркъ Похлинъ (1735—1811). По происхожденію горожанинъ, онъ „изъ любви къ родинѣ, въ часы досуга особенно прилежно“ писалъ грамматику языка края. Далѣе онъ составлялъ словарь (1782), историко-біографическо-бібліографическую „*Bibliotheca Carnioliae*“, алфавитари, счетныя книги, переводилъ Беккерова Руководство для крестьянъ, издавалъ Поэтику и, наконецъ, пробовалъ свои силы въ стихотворномъ искусствѣ. Въ этомъ человѣкѣ (оставляя въ сторонѣ крайнюю поспѣшность и скороспѣлость его работъ) воплотились всѣ недостатки этой эпохи католической реакціи: монашеская взбалмошность, приправленная дѣланымъ пафосомъ, любовь къ позамъ, ограниченность и невѣжество, соединенныя со стремленіемъ оригинальничать и погоней за эффектами. Симпатичное впечатлѣніе производитъ его любовь къ отчизнѣ, его неустанное трудолюбіе и его внимательное отношеніе къ свѣтской литературѣ. Благодаря этому, онъ сдѣлался однимъ изъ инициаторовъ перваго посвященнаго музамъ словенскаго альманаха (1779—1789) „Крайнскія пасхальныя яички отъ изящныхъ искусствъ“, единственнаго втеченіи двухъ лѣтъ выходившаго органа словенской классической поэзіи. Сотрудники, по большей части монахи, сочиняли громоздкіе гексаметры, свято держались Горація и воспѣвали о. Марка: Издателемъ его былъ о. Іоаннъ Дамасценъ Девъ, который въ то же время былъ и самый плодовитый его сотрудникъ. Его поэтическая жатва за 1782 г. должна была остаться неизданной, такъ какъ наступало другое время, и тотъ, кто въ эти времена долженъ былъ занять первенствующее мѣсто среди поэтовъ, уже возвѣстилъ его въ „Пасхальныхъ яичкахъ“ въ лучшемъ стихотвореніи, какое появилось на страницахъ альманаха. Это былъ Валентинъ Водникъ.

Въ заключеніе этой главы, намъ остается упомянуть еще о первыхъ дѣятеляхъ литературнаго образованія въ той части словенцевъ, которые живутъ подъ короной св. Стефана. Венгерскіе словенцы на штирійской границѣ и теперь еще числятся въ количествѣ 70700 душъ. Какъ на западѣ у ихъ братьевъ, такъ и здѣсь первые писатели для народа вышли изъ среды протеста-

товъ. Стефанъ Кюзмичъ издалъ въ 1771 г. половину Новаго Завѣта на своемъ родномъ діалектѣ. Его продолжатель Николай Кюзмичъ писалъ азбуки (Шопронъ 1780), катехизисы, евангелія и молитвенники. Въ подобномъ духѣ дѣйствовали Ференцъ Темлинъ, Стефанъ Шнярто и Михаилъ Северъ. Въ болѣе новое время дѣйствовалъ въ этомъ словенскомъ уголкѣ Имре Агустичъ (1837—1879). Сначала онъ выступалъ какъ мадьярскій писатель, писалъ романы и повѣсти и былъ усерднымъ сотрудникомъ газеты „Egyetértés“. Впослѣдствіи онъ вернулся къ своему народу, писалъ популярныя книжки и издавалъ въ 1875—1878 г. газету „Priateľ“ въ Будапештѣ, сначала съ мадьярской орѳографіей и на мѣстномъ діалектѣ, а потомъ все болѣе и болѣе приближался къ общесловенской литературѣ, какъ въ отношеніи правописанія, такъ и въ отношеніи языка. Онъ составлялъ также словенско-мадьярскую грамматику вмѣстѣ съ словаремъ, но то и другое осталось въ рукописи. Съ тѣхъ поръ венгерскіе словенцы читаютъ книги ихъ цислейтанскихъ братьевъ, въ особенности тѣ, которыя издаются „Обществомъ св. Гермагора“ въ Цѣловцѣ. И это не смотря на то, что изъ густо посѣянныхъ училищъ народная рѣчь изгнана почти совершенно,—только за крупныя успѣхи въ обученіи мадьярскому языку учителя получаютъ особенное вознагражденіе,—и несмотря на то, что немногія книги религіознаго содержанія, предназначенныя для первоначальнаго обученія, написаны ни мѣстномъ діалектѣ и слѣдуютъ мадьярскому правописанію.

КАПИЩА И КУМИРЫ У СЛАВЯНЪ.

Вѣрованія аріійскихъ племенъ: грековъ, римлянъ, индусовъ, галловъ, скандинавовъ, нѣмцевъ, литовцевъ, иранцевъ, славянъ произошли изъ одного источника. Первобытная религія сложилась изъ поклоненія силамъ и явленіямъ природы и почитанія памяти усопшихъ предковъ. Наводненіе, землетрясеніе, гроза, буря, ураганъ выражали гнѣвъ божествъ; свѣтъ, теплота, плодородіе, удача считались благодѣяніемъ, ниспосланнымъ божествами, поэтому въ обоихъ случаяхъ, т. е. чтобы умилостивить или поблагодарить боговъ—требовались жертвы. Жертва стала всеобщей. Но мало того, что приносилась жертва, надобно было еще знать, какъ ее принести. Знахари, волхвы, кудесники, выступавшіе изъ среды того же народа, стали выдавать себя за посредниковъ между высшими существами и людьми, и только они могли исполнять обряды жертвоприношенія. Повсюду появились жрецы. Похороны были дѣломъ общественнымъ, а потому тѣ же жрецы руководили обрядомъ погребенія.

Обряды первоначально были одинаковы у всѣхъ аріійскихъ племенъ, пока они занимали небольшое пространство, на это указываетъ тождество божествъ, таинствъ, эмблемъ; но по мѣрѣ того какъ аріійцы стали раздвигать границы своихъ владѣній—обряды стали усложняться, вѣрованія начали видоизмѣняться. Народы олицетворили своихъ боговъ, стали ихъ представлять въ образѣ людей; во многихъ странахъ появились идолы. Богъ нѣкогда одинаково назывался у всѣхъ аріійскихъ племенъ; это доказываетъ созвучіе словъ у многихъ народовъ, выражающее это понятіе. По литовски Богъ называется *dewas*, по латыни *deus*, по санскритски *devas* (*dyaus*), по кельтически—*día*, по ирански—*deva*, по англосакски—*tiv*, по гречески *θεός*, по армянски—*девъ*, по цыгански—*деваль*. Славяне когда-то также называли высшее существо—*дивъ* ¹⁾. Позднѣе у иранцевъ Богъ сталъ называться *бага*, какъ и у славянъ, а *дайвъ* сталъ *дьяволомъ*.

¹⁾ Слово о полку Игоря: „Дивъ кличетъ врѣху древа“; с. 16: „уже врѣжеса дивъ на землю“.

Славяне и анты исповѣдывали едишаго бога, производителя грома, властителя всей вселенной, ему приносили въ жертву быковъ и другіе дары. Судьбы они не знали и не приписывали ей никакой силы надъ смертными. Будучи больны или въ опасности, они имѣли обыкновеніе давать богу обѣтъ, что если выздоровѣютъ или избѣгнутъ опасности, то за спасеніе свое принесутъ жертву. Избѣжавъ опасности, они приносили въ жертву обѣщанное полагая, что такою жертвою искупили свою жизнь. Кромѣ громовержца, они почитали еще рѣки, нимфы и другихъ боговъ, которымъ тоже служили и ставили кумиры. Жили въ худыхъ, порознь разставленныхъ хижинахъ и часто переселялись ¹⁾. „Между разнообразными божествами, которыя завѣдывали полями, лѣсами, печалями и наслажденіями, славяне признавали также, что Богъ есть единъ, который съ неба управляетъ другими божествами, что онъ превосходитъ прочихъ своимъ могуществомъ и исключительно занимается небесными дѣлами, что другіе исполняютъ только возложенныя на нихъ обязанности, что онъ есть родоначальникъ остальныхъ, что каждый изъ боговъ былъ тѣмъ знатнѣе, чѣмъ ближе стоялъ къ оному Богу боговъ ²⁾).

Громовержецъ по-славянски назывался Перунъ (perun—польски). Олицетворенное солнце почиталось подъ именемъ Дажьбога ³⁾. Огонь почитали всѣ славянскія племена ⁴⁾. Олицетворенный огонь назывался почетнымъ именемъ Сварожичъ или Саварогъ ⁵⁾. Равнымъ образомъ и другія обоготворенныя и олицетворенныя стихіи и явленія природы были почитаемы подъ разными именами.

¹⁾ Προκρίπιον Καίσαρέως: *Ἱστορία τῶν γερμανικῶν πόλεμον* β. III κ. 14. Въ славянскомъ переводѣ хронографа Ивана Малалы Ζεύς переведенъ словомъ Перунъ. Helmold: *Chronicon Slavorum* I, I, с. 53, говоритъ, что Поморяне почитали бога Проне.

²⁾ Helmold: *Chronicon Slavorum* t. I, с. 83.

³⁾ Ипатіевская Лѣтопись подъ 6622 годомъ. (Лѣтопись по Ипатскому Списку. Изданіе Археографической Коммиссіи. Санктпетербургъ. 1871. с. 200: „Феосила (Вулкана)... и прозваше и Свярогомъ, и блажиша и Егуптяне И посемъ цареновався сынъ его именемъ Солнце его же наричють Дажьбогъ“.

⁴⁾ Д. А. Хвольсонъ: Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ и руссахъ Абу-Али-Ахмеда-Омаръ-Ибнъ-Даста. С.-Петербургъ 1869. § 5, стр. 30.

⁵⁾ Слово нѣкоего Христолюбца (А. Востоковъ: *Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго музеума*. С.-Петербургъ 1642, с. 228): „огневи молятся, зовутъ его сварожіцемъ“.

Были у славянъ, говорить современникъ, священныя зданія. Одно такое было построено на горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ, какъ говорятъ философы. Этотъ храмъ замѣчателенъ по своей архитектурѣ, по сочетанію камней различнаго рода и различныхъ цвѣтовъ, по пристройкамъ, по отверстіямъ вверху, сдѣланнымъ для наблюденія восхода солнца, драгоценнымъ камнямъ, которые тамъ вдѣланы, по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя этими камнями прежде, чѣмъ они свершились, по звукамъ, раздающимся сверху зданія, наконецъ по тому, что приключается съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ.

Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ (одной изъ высшихъ точекъ Карпатскаго хребта, у истока рѣкъ Прута и Тиссы), окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлебная сила всюду извѣстна. Въ означенномъ храмѣ есть большой кумиръ, представляющій старца, держащаго въ рукѣ палицу, которою онъ перерываетъ кладбищенскія кости; изъ подъ его правой ноги видны разнаго рода муравьи, подъ лѣвою вороны и другія птицы этого рода. Тамъ же есть странныя изображенія эеіопянъ. Еще одинъ храмъ находится на горѣ, окруженной морскимъ заливомъ; онъ построенъ былъ изъ краснаго коралла и зеленаго изумруда. Посреди этого зданія возвышается большой куполь, подъ которымъ стоитъ кумиръ, члены котораго сдѣланы изъ драгоценныхъ камней четырехъ родовъ: зеленаго хризолита, краснаго рубина, желтаго сердолика и бѣлаго кристалла, голова же его изъ червоннаго золота. Противъ этого кумира стоитъ другой—изображающій дѣву, которая предлагаетъ ему жертвы и подаетъ кандило. Построеніе этого храма приписывали мудрецу, жившему когда то давно между славянами, и который стѣмѣлъ своими ловкими продѣлками привлечь сердца и управлять умами этихъ народцевъ, несмотря на ихъ суровость и буйный характеръ ¹⁾.

Въ 3-хъ верстахъ отъ города Пилицы, близъ хутора Стжегова, не далеко отъ селенія Смоленя (Кѣлецкой губ.) тянется группа

¹⁾ Maçoudi: Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard du LVII (Société Asiatique, Collection d'ouvrages orientaux. Paris 1865. T. IV, p. 58—60. Abou-el-Cassim (Der Peuples du Caucase et des pays au Nord de la mer Noire et de la mer Caspienne dans le X siècle ou Voyage d'Abou-el-Cassim. Par C. d'Ohsson. Paris 1828), p. 103—105.

обнаженныхъ скалъ. На высшей точкѣ этихъ скалъ находился нѣкогда храмъ. По правую сторону основанія этой вершины можно и теперь еще войти чрезъ узкую раму въ темный, сводообразный, крутой корридоръ. Надъ ямой гигантскій истуканъ, изваянный изъ известняка. Въ корридорѣ же со свода падаютъ капли, хотя сталактитовъ и нѣтъ. На лѣвой сторонѣ основанія той же скалы, просторный сводообразный входъ ведетъ въ большой залъ, въ которомъ могутъ помѣститься нѣсколько десятковъ человѣкъ. Къ западу есть выходъ, чрезъ устроенную для этой цѣли дверь. Сводъ комнаты поддерживается огромною колонной. Въ сѣверной стѣнѣ этой комнаты есть большое окно, сквозь которое проходитъ свѣтъ ¹⁾).

Цѣпь горъ Медоборовъ тянется по берегу рѣки Збруча, въ Галиціи, и около Личковецъ переходитъ за рѣку въ Подольскую губернію. Изъ рѣки Збруча близъ мѣстечка Городняки, расположеннаго у подножья Медоборовъ, недалеко отъ Гусатыня, былъ вытасченъ (въ 1848 г.) четырехгранный столбъ изъ известняка, проникнутаго кремнеземомъ, длиною 8 футовъ, шириною около 1 фута съ разными барельефами по 4 сторонамъ. Верхняя часть этого столба представляетъ изображеніе человѣческой головы въ шляпѣ о 4 лицахъ, обращенныхъ въ 4 разныя стороны, и грубо изображенное туловище—рѣзную фигуру. Каждая фигура на всѣхъ 4 сторонахъ держитъ правую руку на груди, лѣвую—на животѣ. У одной фигуры какъ бы на поясѣ виситъ мечъ, подъ которымъ изображенъ конь. Ноги безъ ступней видны только у трехъ изображеній. Одна изъ фигуръ держитъ рогъ, другая—что-то круглое. Подъ каждой фигурой находится изображение: двое мужчинъ и двѣ женщины. Надъ плечемъ одной изъ женщинъ стоитъ еще одна человѣческая фигура. Въ самомъ низу только на трехъ сторонахъ изображены мужчины съ усами, стоящіе на колѣняхъ и поддерживающіе руками подножье среднихъ фигуръ. Четвертое изображеніе стерто. Все изваяніе, вообще, грубой работы безъ соразмѣрности частей. Истуканъ стоялъ, конечно, недалеко отъ рѣки Збруча, на холмѣ и былъ утопленъ во время введенія христіанства ²⁾. Вблизи этого мѣста, гдѣ былъ вытасченъ идолъ, есть 2 горы Замчище и Соколиха; обѣ обведены

¹⁾ Nowiny. Pismo Codzienne. Warszawa 1879. № 219, s. 3.

²⁾ Rocznik Towarzystwa Naukowego—oddziału sztuk i archeologii. Poznań 1850. T. I. s. 3—50. Записки Имп. Археологическаго Общества. Санктпетербургъ. 1853. T. V. с. 163—193.

валомъ. На горѣ Замчицѣ сохранились два вертикальныхъ камня съ перекладиной, составлявшихъ ворота. Громадные, искусственно сдѣланные и разбросанные въ безпорядкѣ камни составляютъ остатки построекъ. Не въ дальнемъ разстояніи въ селеніи Личковцахъ возносятся церкви св. Николая; долина Боготъ окружаетъ замчище; вблизи есть долина Дивичъ, а на краю ея курганы. Все это доказываетъ, что мѣстность эта была обитаема, и недалеко отъ берега рѣки на горѣ стоялъ идолъ ¹⁾. Въ Силезской землѣ на горѣ Нѣмчѣ (на чешско-польской границѣ) совершались славянскіе обряды ²⁾.

Храмы у прибалтійскихъ славянъ назывались континами, у днѣпровскихъ — капищами. Континны были деревянные. „Въ землѣ Редарей (Мекленбургъ-Стрелицѣ), говоритъ современникъ, есть городъ по имени Редегостъ (Riedegost), треугольный съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третьи обращенные на востокъ, меньшія, были всѣмъ недоступны; они ведутъ къ морю, которое тутъ близко и ужасно на видъ. Въ городѣ этомъ есть только одинъ храмъ, искусно построенный изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его изукрашены рѣзбой, представляющей образы боговъ и богинь, какъ это видно на глазъ. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцири, съ вырѣзанными на каждомъ изъ нихъ именами. Главный изъ нихъ Сварожичъ (Zuarasici) и предъ прочими почитаемый, и чтимый всѣми язычниками. Знамена отсюда не трогаются, развѣ какія нужны для похода, и тогда несутъ ихъ нѣхотинцы. Для храненія ихъ жителями исключительно выбраны служители, которые, когда сходятся сюда, чтобы принести жертву идоламъ или успокоить ихъ гнѣвъ, только одни сидятъ, между тѣмъ какъ прочіе стоятъ и, тайно перешептываясь между собою, съ трепетомъ роютъ ямки въ землѣ, чтобы бросивъ туда жребіи, узнать правду въ сомнительныхъ случаяхъ. Кончивъ это и покрывъ ихъ зеленымъ дерномъ, выводятъ коня, самаго большого и почитаемаго ими священнымъ, и съ смиреннымъ моленіемъ ведутъ его надъ воткнутыми въ землю остріями двухъ копій, перекрещивающихся между собою, и послѣ жеребьевъ, которыми

1) Kłosy. Warszawa 1876. № 722.

2) Thietmar. Chronicon Germaniae l. VII. c. 44.

прежде узнавали дѣло, такимъ образомъ, снова гадаютъ чрезъ якобы божественнаго коня, и, если въ обѣихъ этихъ ворожбахъ явится благопріятный знакъ, дѣло исполняется; если нѣтъ, печальные народы совсѣмъ это оставляютъ. Древность, подверженная различнымъ заблужденіямъ, свидѣтельствуетъ, что если когда нибудь имъ угрожаетъ жестокое бѣдствіе долгаго возмущенія, изъ вышеуказаннаго моря выходитъ великій кабанъ со сверкающимъ пѣною бѣлымъ клыкомъ и со страшнымъ сотрясеніемъ являетъ многимъ себя тиною наслаждавшагося“. „Сколько провинцій въ этой землѣ, столько и храмовъ, и въ каждомъ идолы демоновъ почитаются невѣрными; но вышеупомянутый городъ повелѣваетъ всѣмъ имъ. Къ нему спѣшатъ приготовляющіеся къ войнѣ, его чествуютъ дарами счастливо возвращающіеся; а какіе подобающіе богамъ дары должны быть принесены въ жертву служителями, испрашивали, какъ я сказалъ выше, жеребьями и конемъ. Кровью животныхъ и людей ненасытны ихъ гнѣвъ укрощается. Надъ тѣмъ однако всѣмъ, которые обыкновенно называются Лютичи, никакой властелинъ не начальствуетъ. Разбирая на публичныхъ совѣщаніяхъ о средствахъ для успокоенія своихъ нуждъ, обязаны всѣ оказать единоподушіе въ приговорахъ. Миръ заключаютъ подачею волосъ, сбритыхъ съ головы, съ присоединеніемъ горсти травы къ нимъ и протягиваніемъ правой руки“ ¹⁾).

Древнѣйшій городъ Редарей (Долепчанъ) была Ретра. Въ ней славяне воздвигли храмъ въ честь бога Редегоста, который посѣщали всѣ славянскія племена, вслѣдствіе чего Редари хотѣли распространить свою власть и на сосѣднія племена. „Знаменитѣйшій городъ Ретра былъ столицей идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный былъ Редигость. Кумиръ его былъ золотой, а ложе изъ пурпуровой ткани. Въ городѣ было 9 воротъ, и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входятъ въ него по деревянному мосту; но по нему дозволяется входить только тѣмъ, кто хочетъ принести жертву или получить отвѣтъ. Это знакъ того, что 9 разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ души погибшихъ язычниковъ“ ²⁾).

¹⁾ Thietmar. Chronicon Garmaniae l. VI. c. 17, 18.

²⁾ Adami Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum l. III. c. 50. Helmoldi. Chronicon Slavorum. l. I. c. 2, 21, 23.

„Были въ Штетинѣ, столицѣ Помераніи (въ нынѣшней Пруссіи), 4 континны (continae); но одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внѣшняя и внутренняя сторона ея стѣны украшена была выпуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и жили, и, скажу за рѣдкость, краски, которыми были раскрашены изображенія стѣны, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить. Въ этомъ храмѣ по старому обычаю отъ предковъ слагали на войнѣ захваченныя богатства и оружіе враговъ и изъ всей добычи, въ морскомъ ли походѣ, или сухопутномъ бою пріобрѣтенной, закономъ опредѣленную десятину, а также въ немъ берегли золотые и серебряные кубки, которые въ праздники выносились изъ святилища, и тогда дѣлали изъ нихъ гадательныя возліянія, ѣли и пили знатные и сильные мужи. Равнымъ образомъ большіе рога дикихъ быковъ, позолоченные и выложенные дорогими камнями, служившіе для питья, рога, устроенные для музыкальных звуковъ, мечи, ножи и многочисленная утварь, драгоценная, рѣдкая и на видъ прекрасная, все это хранилось въ честь боговъ... Въ ней же былъ триглавый идолъ, имѣвшій 3 головы на одномъ туловищѣ, и называемый Триглавомъ... Три другія континны были меньше уважаемы и меньше украшены; въ нихъ были только скамьи и столы кругомъ стѣны, потому что тутъ бывали обыкновенно собранія и совѣщанія; сюда сходились въ извѣстные дни и часы пировать и разсуждать о важныхъ дѣлахъ. Кромѣ того былъ дубъ высокій и многолиственный и ключъ подъ нимъ прекраснѣйшій, которому простой народъ, считая его обиталищемъ какого то бога, съ величайшимъ благоговѣніемъ поклонялся... Содержали коня удивительной величины, черной масти, тучнаго и очень проворнаго. Во все время года онъ стоялъ бездѣятельно; такова была его святость, что не могъ удостоиться никто быть его сѣдокомъ, и имѣлъ одного изъ жрецовъ четырехъ храмовъ, усерднѣйшаго доглядчика. Когда только задумывали идти сухопутной дорогой на непріятеля или за добычей, то имѣли обыкновение посредствомъ него предсказывать послѣдствіе похода. Раскладывались 9 копій на землѣ, на пространствѣ 1 локтя, попеременно расположенныя. Покрытаго коня и обузданнаго жреца, которому принадлежалъ доглядъ за нимъ, держа подъ уздцы, водили трижды поперекъ лежащихъ копій впередъ и назадъ. Если онъ, проходя, ни одного изъ нихъ не задѣвалъ ногою, то гаданье считалось благопріятнымъ и вѣрнымъ; если же наобо-

ротъ, то оставались дома. Этотъ родъ ворожбы и другія деревянныя исчисленія, по которымъ предсказывался исходъ морской битвы или добычи, служили для соображенія, отправляться или остаться ¹⁾.

„По всей славянской землѣ многообразное чествованіе идоловъ было сильно. Кромѣ лѣшихъ и домовыхъ первѣйшими были: Проне (Прове), богъ земли Альтенбургской, Жива (Siva, Synna), богиня Полабская, и Редигость, богъ земли Оботритовъ. Для службы имъ были опредѣлены жрецы, имъ приносились разныя жертвы, и совершались различныя религіозныя обряды. Жрецъ по указанію жеребьевъ возвѣщалъ празднества, посвященныя богамъ, и тогда сходились мужчины и женщины съ дѣтьми и приносили богамъ своимъ жертвы изъ быковъ и овецъ, многіе и изъ людей — христіанъ, кровь которыхъ, какъ объясняли, особенно была пріятна богамъ. Убивъ скотину, жрецъ отвѣдывалъ ея крови, чтобы быть воспріимчивѣе къ принятію приговора божьяго; ибо, по мнѣнію многихъ, демоны легче вызываются кровью. Совершивъ по обычаю жертвоприношеніе, народъ предавался пирамъ и ликованіямъ. Существуетъ у славянъ удивительное заблужденіе обносить на пирахъ и попойкахъ жертвенную чашу, и на нее отъ имени боговъ, добраго и злого, приносятъ слова, не скажу благословенія, по проклятія; ибо признаютъ, что счастье зависить отъ добраго бога, несчастье — отъ злого, и поэтому на своемъ языкѣ злого бога называютъ Дьяволомъ или Чернобогомъ, т. е. чернымъ богомъ“ ²⁾.

Между вѣсковыми деревьями (въ землѣ Вагровъ) были священные дубы, посвященные богу оной страны (Прону), окруженные площадкою, которая была обнесена деревяннымъ заборомъ, имѣвшимъ двое воротъ, украшенныхъ чудными фронтонами. Кромѣ домашнихъ боговъ и кумировъ, которыми изобиловали всѣ города, это мѣсто, священное для всей страны, имѣло жреца, празднества и различныя жертвенныя обряды. Туда на второй день каждой недѣли народъ этой страны со жрецами и княземъ собирался на судъ. Входъ во дворъ былъ запрещенъ всѣмъ, кромѣ жреца и приносящихъ жертву, или кому грозила опасность смерти: подобнымъ никогда не отказывали въ убѣжищѣ. Таковое уваженіе оказывалось славянами святынямъ, что дворъ

¹⁾ Herbord: Dialogus (inter Sefridum et Tiemonem) ex anonymo: Vita Ottonis episcopi Bambergensis l. II. l. 32. 33:

²⁾ Helmold: Chronicon Slavorum l. I. l. 52.

храма запрещаютъ пятнать кровью, даже во время войны. Съ трудомъ допускаютъ присягу; такъ какъ у славянъ присягать значило клятвопреступничать и навлечь на себя гнѣвъ бога. Славяне различнымъ образомъ чествовали своихъ боговъ, такъ какъ не все соглашались на одинаковые обряды. Одни ставили въ храмахъ идолы уродливыхъ формъ, какъ напримѣръ Плонскій истуканъ Подага, другіе обитали въ рощахъ или поляхъ, какъ напримѣръ Проне, богъ Альтенбургскій (Старградскій). Много существуетъ такихъ изображеній боговъ. Многіе изъваны съ двумя, тремя и болѣе головами ¹⁾. Въ Гоцгаціи (Гуцковъ), въ землѣ Лютичей былъ удивительной величины и красоты храмъ, выстроенный съ большими издержками, въ которомъ находились идолы и много драгоцѣнностей. Храмъ этотъ считался украшеніемъ всего города. Въ Голластѣ (Hologosta—Wolgast), тоже въ землѣ Лютичей былъ храмъ, въ которомъ висѣлъ на стѣнѣ щитъ удивительной величины и искусной отдѣлки, покрытый тонкимъ листомъ золота. Къ этому щиту не дозволялось никому изъ смертныхъ касаться, и только въ исключительныхъ случаяхъ онъ могъ быть снятъ со своего мѣста во время войны. Щитъ этотъ былъ посвященъ богу Геровиту; который на латинскомъ языкѣ назывался Марсомъ и считался вѣрною защитой во время войны ²⁾. Когда жители города Гавельберга устроили празднество въ честь бога Геровита, то весь городъ былъ украшенъ флагами.

Въ городѣ Кіевѣ князь Владиміръ (въ 980 г.) поставилъ на холмѣ внѣ двора теремнаго деревянный кумиръ Перуна съ серебряной головой и золотыми усами, а также Хорса, Дажьбога, Стрибога, Свенмарекла, Мокоши; имъ приносились жертвы, приводились сыновья и дочери въ жертву, и исполнялись на холмѣ требы. Принявъ крещеніе (въ 988 г.), Владиміръ велѣлъ одни кумиры изрубить, другіе сжечь, а Перуна утопить ³⁾. Руссы, принявъ крещеніе по приказанію князя, неохотно разставались съ вѣрою предковъ; они долго еще вызывали своихъ боговъ, сохраняли свои обряды; будучи преслѣдуемы христіанскими свя-

¹⁾ Helmold: Chonicon Slavorum. l. I. c. 83.

²⁾ Herbord: Dialogus (inter Sefridum et Tiemonem) ex anonymo: Vita episcopi Bambergensis l. III. c. 6—7. Ebbo Vita Ottonis episcopi Brandenburgensis l. III. c. 8.

³⁾ Новгородская лѣтопись по Синодальному Харатейному Списку. Изданіе Археографической Коммисіи. Спб. 1888, подъ годомъ 6488 с. 29.

щенниками, они тайно приносили жертвы прежнимъ богамъ и избѣгали встрѣчи съ духовенствомъ. Если кто на пути увидѣлъ черноризца, то возвращался ¹⁾).

Въ Юлинѣ (Волинѣ) находилось копье на высокомъ столбѣ, которое жители считали священнымъ. Въ этомъ городѣ, въ честь какого-то бога, въ началѣ лѣта при великомъ стеченіи народа съ плясками совершалось празднество. Когда Юлинцы приняли крещеніе, то стоявшіе на виду истуканы большіе и малые были сожигаемы; но маленькіе идолы, украшенные золотомъ и серебромъ, нѣкоторые утаивали и прятали у себя. Когда жители города Юлина были обращены въ христіанскую вѣру, то они отправили золотое изображеніе Триглава за предѣлы своей области и отдали его на попеченіе одной вдовы, проживавшей въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ не было никакой возможности христіанамъ отыскать его. Истуканъ былъ спрятанъ въ дупло дерева; но епископъ все-таки узналъ чрезъ купцовъ о мѣстѣ нахождения идола и послалъ шпиона, которому велѣлъ принести золотое изображеніе. Шпионъ этотъ явился къ вдовѣ, обольстивъ ее обѣщаніемъ возстановить поруганную честь бога, и та конечно указала ему мѣсто, гдѣ хранился Триглавъ. Выждавъ удобную минуту для похищенія куска золота, шпионъ схватилъ этого истукана; но по причинѣ массивности его, онъ не могъ вытащить идола и удовольствовался сѣдломъ Триглава, которое утащилъ, чтобы показать епископу, что похитить идола ²⁾).

Когда нѣмецкіе императоры, побуждаемые алчностью завоеваній, поработили и крестили многія славянскія племена, когда многіе славянскіе князья изъ политическихъ видовъ ввели въ свои государства христіанство, а прибалтійскіе славяне боролись съ врагомъ и, находясь въ предсмертной политической агоніи, стонали подъ игомъ нѣмцевъ, устремившихся на нихъ для лишенія ихъ независимости, народности, свободы и имущества; тогда одни только Рене казались непобѣдимы, и островъ Ругія, на которомъ они обитали, считался неприступнымъ. Свантевитъ (Zvantevith), богъ земли Ругіянъ, занялъ первѣйшее мѣсто между

---

¹⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому Списку. Изданіе Археографической Комиссіи. Спб. 1872, подъ 6576 годомъ: „Аще бо кто узряеть черноризца, то возвращается“.

²⁾ Ebbō: Vita Ottonis I. II. c. 13. III. t. Monachus Prieflingensis: Vita Ottonis I. II. c. 6 (G. II. Pertz: Monumenta Germaniae Historica. Hannoverae 1856. Scriptorum T. XII. c. 891).

всѣми богами славянъ, ибо онъ болѣе другихъ блестѣлъ побѣдами и былъ удачнѣе другихъ въ предсказаніяхъ. По этому поводу еще въ новѣйшее время не только земля Вагровъ, но и всѣ славянскія области посылали туда ежегодную дань, признавая его богомъ боговъ. Царь у нихъ въ сравненіи со жрецомъ малое имѣетъ значеніе, такъ какъ послѣдній постигаетъ будущность и случаи судебъ. Жрецъ зависитъ отъ указанія жеребьевъ, царь же и народъ отъ его воли. Между различными жертвами жрецъ имѣетъ обыкновеніе иногда приносить въ жертву христіанина, внушая народу, что боги особенно любятъ кровь этого рода.“—„Между разнообразными славянскими богами особенно блеститъ Свантевитъ, богъ земли Ругіянъ, какъ наиболѣе правдивый въ предсказаніяхъ. Другихъ въ сравненіи съ нимъ считаютъ какъ бы полубогами. Вслѣдствіе этого для особеннаго его чествованія принято обыкновеніе ежегодно убивать ему въ жертву одного христіанина, на котораго падетъ жребій. Кромѣ того изъ всѣхъ областей славянскихъ пересылаютъ туда установленныя суммы для жертвоприношеній. О храмовой службѣ заботятся съ особеннымъ рвеніемъ и почтеніемъ.“ „Они хвастаютъ именемъ Свантевита, которому съ величайшимъ великолѣпіемъ воздвигли храмъ и идолъ, приписывая ему первенство. Туда идутъ за предвѣщаніями изъ всѣхъ славянскихъ земель, туда приносятъ ежегодно жертвы. Купцы также, которые случайно прибывали въ тѣ края, не получали дозволенія на покупку или продажу, пока предварительно изъ своихъ товаровъ не пожертвуютъ ихъ богу какихъ дорогихъ вещей, и тогда только могли выставять свои товары публично на рынкѣ. Жреца своего почитаютъ не менѣе князя.“ „Покоренные оружіемъ народы (Ране) принуждали платить дань святышѣ. Жреца своего почитаютъ даже больше чѣмъ князя и, куда укажетъ жребій, туда посылаютъ свои войска. Одержавъ побѣду, сносятъ золото и серебро въ сокровищницу своего божества, остальное же все дѣлятъ между собою ¹⁾.“

„Построенъ (городъ Аркона) на вершинѣ высокаго мыса. Съ сѣвера, востока и юга онъ защищенъ природной, а не искусственной защитой; защищенъ онъ утесами, которые поднимаются, какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ нимъ же море. Съ запада онъ защищенъ валомъ, вышиною въ 50 лок-

¹⁾ Helmold: Chronicon Slavorum l. I. c. 6, 12, 36, 53.

тей, котораго нижняя часть усыпана изъ земли, а верхняя устроена изъ двойнаго деревяннаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога... Посреди города была площадь, и на ней стоялъ деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый впрочемъ не только по великолѣбію, но и по величію бога, которому тутъ былъ воздвигнутъ идолъ. Заборъ, окружавшій зданіе, былъ украшенъ искусно вырѣзанными кругомъ изображеніями, покрытыми впрочемъ грубой, безобразной раскраской. Въ немъ только одинъ ходъ былъ ко храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой; внѣшняя изгородь состояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей, внутренняя—изъ четырехъ столбовъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только связью поперечныхъ балокъ и кровлей. Въ храмѣ стоялъ кумиръ, превышающій человѣческій ростъ, съ 4 головами и на столькихъ же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ, что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ, одна была обращена вправо, а другая влѣво; волосы и борода подстрижены, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Ругіанъ. Въ правой рукѣ кумиръ держалъ рогъ изъ разныхъ металловъ, который ежегодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука, упираясь въ бокъ, была изогнута лукомъ. Верхняя одежда (tunica) опускалась до голеней, которыя составлены были изъ различнаго рода дерева, и такъ искусно были соединены съ колѣнями, что только при внимательномъ разсматриваніи можно было примѣтить швы. Ноги стояли наравнѣ съ землею, основаніе для нихъ было сдѣлано подъ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ истукана находились узда и сѣдло кумира и другія принадлежности. Болѣе же всего изумлялъ наблюдателя огромной величины мечъ, котораго позны и рукоятка, не говоря ужъ о красивыхъ формахъ рѣзбы, отличались прекрасною серебряною отдѣлкой. Торжественный праздникъ этого кумира отбывался такимъ образомъ. Ежегодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ храмомъ; приносили жертвы и заводили религіозный общественный пиръ. Жрецъ его, не стригшій головы и бороды противъ обычая страны, за день до совершенія служенія, старательно выметалъ вѣнкомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища, а

потому всякій разъ, какъ принужденъ былъ выдохнуть и вдохнуть воздухъ, выбѣгалъ ко входу, чтобы не осквернить присутствіе бога смертнымъ дыханіемъ. На другой день передъ народомъ, собравшимся у входа въ святилище, жрецъ бралъ изъ руки кумира рогъ, и если замѣчалъ, что напитка въ немъ убывло, то предсказывалъ безплодный годъ, а если напитокъ оставался, какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно этому празднованію, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣ или скупѣ въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старое вино къ ногамъ истукана, въ возліаніе ему, наполнялъ рогъ свѣжимъ, подносилъ его истукану, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами, счастья себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенія и побѣдъ. Окончивъ это, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ и, наполнивши виномъ, опять клалъ въ руку кумира. Къ этому обряду принадлежалъ еще пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка; жрецъ, поставивъ его между собою и народомъ, спрашивалъ у Ругіанъ, видятъ-ли они его; когда они говорили что видятъ, то онъ выражалъ желаніе, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не видно было. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилію будущей жатвы. Потомъ жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя кумира, увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, общая, какъ вѣрную награду за богопочитаніе, побѣды на сушѣ и на морѣ. По совершеніи всего этого, остальная часть дня посвящалась пиршеству, на которомъ съѣдались жертвы; долгомъ почитали объѣдаться, считая воздержность за стыдъ. Для содержанія кумира ежегодно каждый мужчина и женщина вносили, какъ даръ, монету. Ему же отдаваема была третья доля добычи съ увѣренностью, что его покровительство даруетъ успѣхъ. У этого божества было при этомъ 300 лошадей съ такимъ же числомъ всадниковъ, которые на нихъ сражались и, все что добывали насиліемъ или хищничествомъ, передавали на сбереженіе жрецу. Изъ этого приготовляемы были различныя храмовыя украшенія; остальное сохранялось въ сундукахъ подъ замкомъ, гдѣ лежало, кромѣ огромнаго количества золота, много пурпуровыхъ тканей, гнилыхъ отъ ветхости и порванныхъ. Здѣсь можно было видѣть множество даровъ общественныхъ и частныхъ, пожертвованныхъ тѣмъ, которые искали помощи бога. Этому кумиру, получавшему дань со всей славянскоіи земли, посылали дары даже и сосѣдніе государи: между прочими—датскій царь Свено, для

умиловленія его, предпочитая чуждую религію своей, принесть ему въ даръ чудной работы чашу... Были у этого кумира храмы и въ другихъ мѣстахъ, управляемые жрецами меньшей важности. Кромѣ того, у него былъ конь, совершенно бѣлый, у котораго выдернуть волосъ изъ гривы или хвоста считалось преступленіемъ. Только жрецъ могъ его кормить и ѣздить на немъ, чтобы употребленіе его на ѣзду не унизило божественнаго коня. На этомъ конѣ Свантевитъ (такъ именовался кумиръ) велъ войну противъ своихъ враговъ; это доказывали тѣмъ, что конь, оставленный въ стойлѣ на ночь, на утро бывалъ въ грязи и въ пѣнѣ, какъ будто воротился изъ дальняго пути. Гаданія этимъ конемъ были совершаемы слѣдующимъ образомъ. Если думали начать войну съ какою нибудь областью, то служители втыкали передъ храмомъ въ землю паконечники копій, связанные попарно накрестъ въ 3 ряда, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи. Жрецъ, совершивъ торжественное моленіе, велъ къ нимъ коня изъ воротъ храма подъ уздцы, и если конь переходилъ чрезъ копы прежде правою, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ для войны; если же хотъ разъ двинулъ лѣвою ногою прежде, нежели правою, то задуманное предпріятіе откладывалось. Равно и морской походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если 3 раза сряду предсказывалась удача. Отправляясь въ дорогу по разнымъ дѣламъ, судили объ удачѣ по первому встрѣтившемуся животному; если предзнаменованіе было счастливое, то съ радостью, продолжали начатый путь, если печальное—то возвращались домой. Тоже имъ было знакомо гаданіе по жребію; они кидали себѣ на колѣни взамѣнъ жребія 3 щепки, съ одной стороны бѣлыя, съ другой—черныя. Бѣлая сторона обозначала удачу, черная неудачу. Женщины были не менѣе свѣдущи въ гаданіяхъ; сидя у очага, онѣ безъ счету чертили по пеплу случайныя черты, потомъ считали ихъ и, если выходилъ четъ, то ожидали счастья; если нечетъ, то—несчастья.... между знаменами по величинѣ и цвѣту была Станція почти столько же уважаемая Ругіянами, сколько величіе всѣхъ боговъ ¹⁾).

Городъ Коренца (Korenia, тоже на островѣ Ругіи), окруженный со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое была проложена только одна тропинка, былъ необитаемъ въ мирное время; но

¹⁾ Saxo Grammaticus: Historia Danica l. XIV ed. P. E. Müller. Harniae 1839. pars. I, vol. 2 p. 822-830,

былъ переполненъ людьми во время нашествія Датчанъ, такъ что камень, брошенный въ городъ, не упалъ бы на голую землю. Въ этомъ городѣ находились 3 прекрасныхъ храма. Просторнѣйшее святилище устроено было посреди передней части сѣней, которыя такъ же, какъ и само святилище, не имѣя стѣнъ, были завѣшаны пурпуровою тканью, такъ что кровля держалась на однихъ столбахъ. Когда сорваны были оба покрова, то кумиръ Ругіевита раскрылся со всѣхъ сторонъ. Голова этого кумира имѣла 7 человѣческихъ лицъ, которыя всѣ находились подъ однимъ черепомъ; столько же настоящихъ мечей съ ножнами, прикрѣпленныхъ искусствомъ ваятеля къ бедрамъ кумира. Восьмой мечъ онъ держалъ обнаженнымъ въ правой рукѣ; мечъ былъ крѣпко прибитъ желѣзнымъ гвоздемъ къ кулаку, такъ что нельзя было его вынуть, не отбивъ руки. Этотъ кумиръ былъ гигантскаго роста и толщиною превосходилъ размѣры человѣческаго тѣла. Этотъ богъ, сходный съ Марсомъ по значенію, почитался распорядителемъ войны. Въ этомъ кумирѣ не представлялось ничего пріятнаго для взора; очертанія шероховатой рѣзбы были слишкомъ безобразны. Храмъ Поревита находился недалеко отъ Ругіевитова храма. Кумиръ Поревита имѣлъ 5 головъ, но не имѣлъ оружія. Въ храмѣ Поренутія находилось изображеніе этого божества съ четырьмя лицами, а пятое было на груди. Лѣвая его рука касалась лба, а правая подбородка ¹⁾. Арконскій Свантевитъ и коренскіе боги: Ревитъ, Турупидъ и Пурувитъ (т. е. Ругіевитъ, Поревитъ и Поренутій) были богаты; они имѣли вдоволь денегъ, золота, серебра, шелковой и пурпуровой ткани разной одежды и оружія (мечей, панцырей). Пятый кумиръ Ицимара былъ почитаемъ въ Анзундѣ, Наконецъ, Черноглавъ, богъ побѣды, спутникъ походовъ, имѣлъ серебряные усы ²⁾.

Въ моментъ введенія христіанства духовенство ревностно разрушало языческіе храмы и кумиры или вмѣсто коптій и капищъ воздвигало храмы и иконы на тѣхъ же мѣстахъ; по-этому всѣ памятники до-христіанской эпохи были преданы истребленію, и сохранились лишь: храмъ въ Стжеговѣ и кумиръ въ Збручѣ. Хотя славяне были погружены въ глубокое религіозное

¹⁾ Saxo Grammaticus: Danica l. XIV (ed. P. E. Müller Harniae 1839. pars I. vol. 2) p. 841—843.

²⁾ Knytlinga Saga, c. 122. (Formanna Sögur ou Sagas historiques sur les événements en Norvège, en Suède et en Danemarck, éditées dans l'ancienne langue du Nord par la société des Antiquaires du Nord. Copenhague v. XI)

невѣжество, пропитаны предрасудками и охвачены фанатизмомъ, однако они имѣли и свою свѣтлую сторону. Они были дѣльными архитекторами, знаменитыми ваятелями, искусными техниками, замѣчательными металлургами и хорошими ремесленниками. Архитектура ихъ священныхъ зданій изумляла арабовъ, отдѣлка храмовъ поражала заклятыхъ ихъ враговъ—нѣмцевъ. Лѣтописи и хроники того времени прославляютъ богатство славянскихъ народовъ; и красотою пепельницъ, прочностью орудій, разнообразіемъ подвѣсокъ, роскошной утварью и другими издѣліями, сохранившимися въ курганахъ, восхищаемся мы сами. А все въ сложности взятое—доказываетъ, что славяне стояли на той же ступени образованности, какъ и прочіе европейцы: итальянцы, византійцы, франки, нѣмцы, шведы, литовцы.

Ольгердъ Вильчинскій.

Изъ Галицкой Руси.

Открытие библіотеки и музеевъ при «Народномъ Домѣ» во Львовѣ.—Воспитательныя заведенія въ Галицкой Руси.—Назначеніе епископа для Станиславовской епархіи.—Оставленіе іезуитами василіанскихъ монастырей и разореніе послѣднихъ.—Проваль корифея украинфильской партіи при выборахъ въ сеймъ.—Посѣщеніе Галичины австрійскимъ министромъ президентомъ и меморіаль русскаго населенія—Народныя читальни и эконолическія учрежденія въ русскихъ селахъ.—Настроеніе русскихъ галичанъ въ виду войны.—Самообразование галицко-русской интеллигенціи.—Оживленіе дѣятельности ставропигійскаго братства во Львовѣ.

Истекающій 1904 годъ, ознаменовался въ Галицкой Руси событіями, которыя оставляютъ глубокій слѣдъ въ національной, культурной и политической жизни русскаго населенія Галичины.

Къ выдающимся и отраднымъ событіямъ слѣдуетъ отнести торжественное открытіе библіотеки и музеевъ (историческаго и естественнаго) при русскомъ Институтѣ „Народный Домъ“ во Львовѣ. Упомянутая библіотека, числящая до 66.000 томовъ, дѣйствуетъ уже съ апрѣля 1902 года, однако торжественное ея открытіе въ присутствіи представителей львовскаго университета и другихъ ученыхъ обществъ во Львовѣ состоялось только 16 (29) іюня с. г. Библіотека „Народнаго Дома“ имѣетъ, кромѣ печатныхъ изданій, очень цѣнныя, древнія рукописи и грамоты, пожертвованныя извѣстнымъ историкомъ А. С. Петрушевичемъ, относительно же русскихъ изданій представляетъ самое богатое книгохранилище въ Австріи. Большинство книгъ собрано путемъ пожертвованій русскихъ галичанъ, а также русскихъ дѣятелей и писателей и разныхъ ученыхъ обществъ въ Россіи. Въ послѣднее время совѣтъ „Народнаго Дома“ постановилъ ежегодно выдавать пужнюю сумму на пополненіе русскаго отдѣла библіотеки новѣйшими русскими изданіями, какъ произведеніями изящной, такъ и научной литературы. Библіотекой завѣдуютъ кустось, галицко-русскій писатель Ф. И. Свистунъ и его помощникъ д-ръ П. С. Святитскій.

Какую громадную пользу, въ смыслѣ насажденія въ Галицкой Руси и русской мысли и культуры, приносятъ и принесетъ библіотека „Народнаго Дома“, доказываютъ цифры, представляющія движеніе въ библіотекѣ со дня ея возникновенія, до ея торжественнаго открытія. Въ указанное время читальню библіотеки посѣтило 6.909 лицъ, преимущественно русскихъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній во Львовѣ. Кромѣ того, въ 1904 году 328 гимназистовъ брали на домъ книги для чтенія, оставляя въ библіотекѣ, въ видѣ залога, свои школьныя свидѣтельства. Библіотека выдала имъ съ 1-го сентября 1903 г. по 10 н. ст. іюня 1904 г. 2990 книгъ. Научными трудами занималось въ библіотекѣ 147 лицъ, преимущественно профессоровъ и студентовъ университета. Имъ выдала библіотека за первые шесть мѣсяцевъ въ 1904 г. 5.980 томовъ. Кромѣ того, 257 лицъ взяло на домъ 1650 изданій.

Въ послѣднее время „Народный Домъ“ во Львовѣ вообще усилилъ свою плодотворную дѣятельность. Въ учебномъ 1903—4 году онъ расширилъ свою „Бурсу“, т. е. пансіонъ для учащейся молодежи, постановивъ принимать въ него до 100 воспитанниковъ, посѣщающихъ гимназію и реальное училище, а также ремесленную школу. Для помѣщенія такого числа воспитанниковъ и ихъ воспитателей (одинъ директоръ и два помощника) „Народный Домъ“ купилъ во Львовѣ усадьбу съ двумя домами и садомъ. Въ пансіонѣ „Народнаго Дома“ принимаются только отличные ученики за небольшую доплату (10—20 коронъ, 4—8 руб.) въ мѣсяцъ за полное содержаніе. Воспитанники бурсъ „Народнаго Дома“, кромѣ школьныхъ предметовъ, обучаются церковному и потному пѣнію и церковному уставу, русской исторіи и русскому литературному языку (преподаютъ галицко-русскій публицистъ О. А. Мончаловскій).

Такія „бурсы“, въ которыхъ русская молодежь получаетъ за небольшую доплату или совершенно даромъ полное содержаніе, находятся въ Галицкой Руси почти въ каждомъ городѣ, гдѣ есть гимназія. Изъ „бурсъ“, въ которыхъ число воспитанниковъ превышаетъ цифру сорокъ, назовемъ: бурсу св. Михаила въ Коломнѣ; бурсу св. Николая въ Станиславовѣ, бурсу св. Георгія въ Тернополѣ и русскую бурсу въ Новомъ Санчѣ, на западной границѣ Руси съ Польшею. Всѣ эти учебно-воспитательныя заведенія содержатся на счетъ благотворительности русскаго населенія Галичины и даютъ возможность бѣднымъ ученикамъ кончить школу.

Въ церковной жизни Галицкой Руси слѣдуетъ отмѣтить

два немаловажныхъ событія: назначеніе епископа въ станиславовскую епархію и оставленіе іезуитами василіанскихъ монастырей. Станиславовская епархія получила, послѣ трехлѣтняго сиротства, владыку въ лицѣ ректора духовной семинаріи во Львовѣ, доктора богословія, отца Григорія Хомишина. Въ назначеніи епископовъ въ Галичинѣ, какъ вообще въ Австріи, играютъ рѣшающую роль не церковные интересы, а лишь политическія соображенія. Они и были причиною, что правительство, замѣщающее очень быстро осиротѣвшія римо-католическія епархіи, три года медлило назначеніемъ епископа для униатской епархіи въ Станиславовѣ. Новый станиславовскій епископъ, назначенный 3 (16) апрѣля с. г. главнымъ образомъ по настоянію митрополита, графа Андрея Шептицкаго (перешедшаго изъ римо-католичества въ унию), будетъ, несмотря на свое крестьянское происхожденіе, послушнымъ исполнителемъ воли польскихъ политиковъ и австрійскаго правительства. Это, конечно, не возбудитъ къ нему довѣрія со стороны духовной паствы, какъ не снискалъ довѣрія русскаго населенія края митрополитъ Андрей Шептицкій вслѣдствіе своего неяснаго отношенія къ русской народности, которое можно назвать скорѣе враждебнымъ, чѣмъ благосклоннымъ. А это обстоятельство весьма важно въ Галичинѣ. До кардинала Сильвестра Сембратовича галицкій униатскій владыка считался также національнымъ вождемъ русскаго населенія Галичины. Это почетное и вліятельное положеніе, пріобрѣтенное заслугами цѣлаго ряда митрополитовъ и епископовъ, провалилъ кардиналъ Сильвестръ Сембратовичъ, бросившись въ водоворотъ политической борьбы Руси съ Польшею и принявши на себя унизительную роль польскаго агитатора, дѣйствующаго явно во вредъ національнымъ интересамъ русскаго населенія Галичины. Нынѣ, однако, русское населеніе Галицкой Руси не прощаетъ уже такой измѣны, но платитъ за нее недовѣріемъ и осужденіемъ. Благодаря развитію и укрѣпленію русскаго національнаго сознанія среди массы галицко-русскихъ крестьянъ, въ тѣхъ приходахъ, гдѣ священники относятся равнодушно къ національному дѣлу, или гдѣ они въ своихъ національныхъ воззрѣніяхъ не сходятся съ взглядами прихожанъ (напр., когда священникъ „полякуетъ“ или „украинофильствуетъ“), все болѣе и болѣе сознательныхъ въ національномъ отношеніи, возникаетъ раздоръ, приводящій иногда къ печальнымъ для священника результатамъ. Въ очень многихъ мѣстностяхъ Галицкой Руси крестьяне поступаютъ въ національныхъ дѣлахъ самостоятельно и нерѣдко

вопреки желанію священниковъ и безъ нихъ основываютъ по селамъ читальни, зачетныя кассы, мелочныя лавочки, а это разпогласіе народа съ духовенствомъ свидѣтельствуєтъ именно объ утратѣ послѣднимъ довѣрія и вліянія.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ іезуиты оставили василіанскіе монастыри, отданные имъ въ 1882 году римскою курією, австрійскимъ правительствомъ и поляками для проведенія реформъ въ смыслѣ 1) искорененія „шизмы“, т. е. православія въ церковномъ отношеніи и 2) ополяченія монаховъ въ національномъ отношеніи. По заявленію австрійскаго министра-президента гр. Таафе, сдѣланному въ 1883 году депутаціи русскихъ галичанъ, протестовавшей противъ незаконной передачи василіанскихъ монастырей въ руки іезуитовъ, послѣдніе должны были управлять монастырями въ теченіе 25 лѣтъ. Но они раньше срока оставили василіанскіе монастыри, ибо раньше срока достигли своей цѣли, именно воспитали цѣлыя десятки монаховъ, въ религіозномъ отношеніи достойныхъ учениковъ своихъ воспитателей, въ національномъ же отношеніи ярыхъ проповѣдниковъ національнаго сепаратизма, т. е. украиннофиловъ. Но и въ другомъ отношеніи іезуиты оставили по себѣ неизгладимый слѣдъ въ василіанскихъ монастыряхъ, основанныхъ еще русскими князьями и боярами для защиты православія и русской народности. Іезуиты разорили василіанскіе монастыри; у нихъ былъ при этомъ двойной расчетъ: бѣдные въ матеріальномъ отношеніи монастыри будутъ всегда прикованы къ правительству и къ своимъ учителямъ, т. е. іезуитамъ и не смогутъ стать самостоятельными; матеріальныя средства василіанскихъ монастырей іезуиты употребили на цѣли своей пропаганды. Въ теченіе 22-лѣтняго управленія василіанскими монастырями іезуиты продали пять монастырскихъ имѣній и одинъ домъ во Львовѣ. Какъ убыточна была такая продажа, показываетъ слѣдующій фактъ: за имѣніе Высоцко въ Турчанскомъ уѣздѣ іезуиты получили 120.000 коронъ, а польскій помѣщикъ Осуховскій, купившій его, взялъ эту сумму за одинъ лѣсъ, значить — землю получилъ даромъ. Мало того, іезуиты вмѣстѣ съ землею продали и одну монастырскую церковь, именно въ мѣстности Деревачѣ подъ Львовомъ. Разоривъ русскіе монастыри, іезуиты подорвали вліяніе василіанъ и въ другомъ отношеніи. Монастырь василіанъ въ мѣстечкѣ Бучачѣ содержалъ свою гимназію, на что имѣлъ разрѣшеніе со стороны правительства. Іезуиты такъ ловко повели дѣло съ правительствомъ, что оно отобрало у василіанъ гимназію и такимъ образомъ лишило

ихъ вліянія на молодежь. Цѣль уничтоженія василіанской гимназіи въ Бучачѣ клонилась къ слѣдующему: іезуиты опасались конкуренціи для своей гимназіи въ Хировѣ, гдѣ, главнымъ образомъ, воспитываются сыновья польскихъ помѣщиковъ въ Россіи; они все-таки недовѣряютъ василіанамъ, хотя и своимъ ученикамъ; въ третьихъ, іезуиты боялись, чтобы василіане не постарались о введеніи въ своей гимназіи русскаго (малорусскаго) языка. Продажа монастырскихъ имѣній іезуитами обратила на себя вниманіе галицко-русской печати и вызвала съ ея стороны рѣзкіе протесты, а въ средѣ русскаго населенія Галичины безпокойство и понятное негодованіе. Въ началѣ 1904 года произошелъ вслѣдствіе этого крупный скандалъ, служащій доказательствомъ, что іезуиты не даромъ трудились 22 года надъ воспитаніемъ василіанъ.

Митрополитъ Андрей Шептицкій отправился передъ пасхой въ Римъ. Существовало предположеніе, что онъ поѣхалъ туда по дѣлу о назначеніи станиславовскаго епископа. Оказалось, однако, что онъ былъ вызванъ въ Римъ по дѣлу о расхищеніи монастырскаго имущества. Въ Римъ была подана обширная, на латинскомъ языкѣ, жалоба, подробно излагавшая исторію распродажи монастырскихъ имѣній съ указаніемъ, что виновникомъ разоренія монастырей является ректоръ, іезуитъ Вабстъ, который, однако, поступаетъ по соглашенію съ митрополитомъ. Римская курія посмотрѣла на эту жалобу серьезно и призвала митрополита для выясненія дѣла. Что произошло въ Римѣ, это покрыто тайною; извѣстно лишь, что тамъ митрополиту предъявили упомянутую жалобу, и что онъ увидѣлъ подъ ней подпись своего помощника въ управленіи архіепархіею, Андрея Бѣлецкаго, архипресвитера митрополитчьяго капитула во Львовѣ. Легко себѣ представить изумленіе митрополита, но онъ еще больше изумился, когда архипресвитеръ А. Бѣлецкій клятвенно заявилъ, что жалобы онъ не писалъ и не подписывалъ. Очевидно, тутъ произошелъ подлогъ, взбудоражившій и митрополитчій капитулъ, и іезуитовъ, и даже римскую курію съ папой во главѣ. Началась погоня автора жалобы и подлога, а такъ какъ жалоба содержала факты, которые могли быть извѣстны только василіанамъ, то слѣдствіе было направлено въ сторону василіанъ,—и удачно, ибо въ результатѣ архипресвитеръ Бѣлецкій получилъ отъ реформированнаго іезуитами василіанина, Нестора Веселаго, письмо, въ которомъ тотъ чистосердечно сознается, что подписалъ его именемъ жалобу въ Римъ и сдѣлалъ это не по злобѣ,

а лишь (собственные слова монаха Нестора) „по своей глупотѣ“, ибо не предполагалъ, что все это обнаружится. Чѣмъ кончилось это дѣло, вызвавшее въ Галичинѣ много шума, неизвѣстно. Одно только можно сказать, что іезуиты, несмотря на то, что жалоба была направлена противъ нихъ, могутъ гордиться такими учениками, какъ монахъ Несторъ Веселый, который на практикѣ примѣнилъ принципъ: „цѣль освящаетъ средства“. Отъ себя добавлю, что сознавшійся письменно „въ глупотѣ“ монахъ принадлежитъ къ самымъ яркимъ латинизаторамъ униатской церкви и врагамъ „московщины“, т. е. національнаго единства Галицкой Руси съ Державной Русью.

Въ первой половинѣ текущаго года произошло въ Галицкой Руси высокознаменательное событіе, вызвавшее крутой поворотъ не только въ галицко-русскихъ отношеніяхъ, но и въ отношеніяхъ австрійскаго правительства къ русскому населенію Галичины. Какъ извѣстно, австрійское правительство и верховодящая въ Галичинѣ польская партія поддерживали и поддерживаютъ украинофильское движеніе и его руководителей. Первое мѣсто среди послѣднихъ занималъ до сихъ поръ иѣкто Александръ Барвинскій, по званію преподаватель учительской семинаріи во Львовѣ, а по милости правительства и польскихъ политиковъ депутатъ галицкаго сейма и австрійскаго парламента. Какую роль игралъ А. Барвинскій въ сеймѣ и парламентѣ, видно изъ того, что его польскіе депутаты парламента выбрали даже въ общеперскія делегаціи, чтобы дать ему возможность „отъ имени малороссовъ въ Галичинѣ и Россіи“ произносить рѣчи противъ правительства въ Россіи и противъ дѣятельности Славянскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ, которое, по утвержденію А. Барвинскаго, ведетъ въ Галицкой Руси пропаганду, направленную противъ Австріи. Разумѣется, что такое цѣнное приобрѣтеніе для польскихъ и австрійскихъ политиковъ послѣдніе всячески поддерживали и заботились, чтобы онъ всегда былъ избираемъ въ депутаты. И дѣйствительно, А. Барвинскій былъ въ теченіе 12 лѣтъ депутатомъ въ сеймѣ изъ русскаго округа Броды, несмотря на то, что русскіе избиратели не подавали за него голосовъ, въ виду чего его выборъ приходилось производить обманомъ, подкупомъ, насиліемъ... Съ какимъ довѣріемъ, однако, русскіе избиратели относились къ А. Барвинскому, доказываетъ тотъ фактъ, что когда онъ въ началѣ 1904 года появился на собраніи въ Бродахъ, крестьяне закидали его тухлыми яйцами. Тѣмъ не менѣе А. Барвинскій рѣшился не оста-

влять своего избирательнаго округа и, рассчитывая на помощь правительства, поставилъ въ бродскомъ округѣ свою кандидатуру при выборахъ, состоявшихся въ іюнѣ этого года. Но онъ обманулся въ своихъ расчетахъ. Новый намѣстникъ Галичины, гр. Андрей Потоцкій, приказалъ старостамъ (политическимъ начальникамъ уѣздовъ) не вмѣшиваться въ выборы, и это рѣшило судьбу А. Барвинскаго. Русскіе избиратели большинствомъ 187 голосовъ избрали депутатомъ въ сеймъ священника Θεодосія Эффиновича, убѣжденнаго русскаго патріота, пожертвовавшаго на содержаніе бursы для гимназистовъ два дома въ Бродахъ, Барвинскій же получилъ всего 46 голосовъ. Этотъ выборъ знаменателенъ во многихъ отношеніяхъ: онъ показалъ, что при невмѣшательствѣ правительства въ дѣло выборовъ русское населеніе выберетъ только своихъ русскихъ кандидатовъ; что „украинская“ партія въ Галичинѣ не имѣетъ никакого значенія и вліянія среди народныхъ массъ и держится только усиліями правительства и поляковъ, если корифей украинофильства, А. Барвинскій, лишенный поддержки, постыдно провалился при выборахъ противъ кандидата русской партіи. Значеніе этого выбора опредѣлилъ органъ А. Барвинскаго, газета „Руслан“ (издаваемая на средства австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ для пропаганды національнаго сепаратизма среди малороссовъ въ Австріи и Россіи), назвавши выборъ „великимъ политическимъ актомъ“, въ которомъ, благодаря агитаціи „ренегатской черни нашихъ московскихъ янычаровъ“ (т. е. русской партіи) провалился „знаменитый государственный мужъ, великанъ нашего украинскаго возрожденія, великій народный дѣятель, Александръ Барвинскій“, который первый „поставилъ украинскій вопросъ на европейскую арену въ австрійскихъ делегаціяхъ; въ виду чего бродскій округъ сталъ „Косовымъ полемъ или украинскою Садовою“ для украинофильства въ Галичинѣ.

Немаловажнымъ политическимъ событіемъ слѣдуетъ считать также посѣщеніе Галичины австрійскимъ министръ-президентомъ, д-ромъ Э. Керберомъ и врученіе ему во Львовѣ, 18 (31) августа с. г. меморіала, въ которомъ были выражены жалобы и требованія русскаго населенія края. Этотъ меморіаль былъ переданъ министру-президенту депутаціею, въ составъ которой входили члены управляющаго Совѣта политическаго Общества „Русская Рада“ во Львовѣ, члены „Народнаго Совѣта“ (высшаго органа, управляющаго дѣлами Галицкой Руси—предсѣдатель д-ръ А. Добрянскій, секретарь О. А. Мончаловскій) и русскіе депутаты га-

лицкаго сейма, священники О. Эффиновичъ, В. Мазикевичъ, и крестьянинъ А. Барабанъ. Такъ какъ упомянутый меморіалъ представляетъ настоящее положеніе Галицкой Руси и стремленія ея вождей, а кромѣ того рѣзко подчеркиваетъ русскій характеръ восточной части Галичины, то я приведу его дословно. Текстъ меморіала былъ составленъ на русскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ переводомъ.

„Ваше п-ство! Пользуясь прибытіемъ вашего п-ства въ коронный край Галичину и въ городъ Львовъ, древнюю столицу Червонной Руси, ставшую со времени присоединенія ея къ Австріи столицей края, старѣйшее политическое общество въ Галичинѣ, „Русская Рада“ во Львовѣ, равно и „Народный Совѣтъ“ русско-народной партіи постановили сердечно привѣтствовать Васъ отъ имени русскаго населенія края. Исполняя сей пріятный долгъ гостепріимства и выражая радость, что вы прибыли въ нашъ край, дабы лично ознакомиться съ его положеніемъ и узнать желанія и нужды его населенія, осмѣливаемся высказать вашему п-ству тѣ желанія и требованія, исполненія которыхъ русское населеніе Галичины имѣетъ право помогать на основаніи государственныхъ законовъ, и исполненіе которыхъ единственно можетъ обезпечить развитіе національныхъ и культурныхъ силъ русскаго населенія края, водворить мирное сосѣдское сожитіе съ польскимъ народомъ и устранить то неудовольствіе, съ которымъ русское населеніе принуждено относиться къ центральному правительству (въ Вѣнѣ) и къ правительственнымъ властямъ въ Галичинѣ.

„Прежде всего, мы принуждены съ искреннимъ сожалѣніемъ отмѣтить откровенно, что неуваженіе и пренебрежительное отношеніе къ національнымъ и политическимъ правамъ русскаго населенія края со стороны центральнаго правительства и его исполнительныхъ органовъ въ Галичинѣ вошло прямо въ систему, вслѣдствіе чего русское населеніе Галичины, отданное на своей школьной землѣ въ жертву безпощадной эксплуатаціи господствующаго польско-шляхетскаго элемента, не смотря на конституціонныя постановленія XIX статьи основныхъ державныхъ законовъ, не имѣетъ равноправности ни въ школахъ, ни въ политическомъ управленіи, ни въ судѣ, ни вообще въ общественной жизни. Упомянутая система обнаруживается особенно ярко во время выборовъ въ сеймъ и въ парламентъ, когда правительственные органы допуская вопіющія злоупотребленія польской партіи, лишаютъ русскій народъ слѣдующаго ему заступничества

въ законодательныхъ палатахъ и тѣмъ самимъ и надлежащаго вліянія на составленіе законовъ, на ходъ государственныхъ и краевыхъ дѣлъ и на свою собственную судьбу.

„Особенно же мы позволяемъ себѣ подчеркнуть, что правительственные органы, именно—чиновники политическаго вѣдомства и суда, школьные инспектора, директора гимназій и преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній—принимаютъ дѣятельное участіе въ національно-политической борьбѣ, которую ведетъ противъ русскаго населенія польская господствующая партія. Такъ какъ такого рода участіе правительственныхъ чиновниковъ въ политической акціи, направленной противъ русскаго населенія края, безусловно несогласно съ ихъ официальнымъ положеніемъ, требующимъ безпристрастнаго и равномѣрнаго отношенія ко всѣмъ гражданамъ безъ различія народности, то мы въ правѣ выразить полную увѣренность, что вы, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ управляющій министерствомъ правосудія и какъ министръ-президентъ, сообразовалите безусловно устранить этого рода злоупотребленія.

„Русское населеніе Галичины, настаивая неуклонно на требованіи полного самоуправленія русскаго народа въ Австріи, домогается въ этой цѣли образованія изъ частей Галичины и Буковины, заселенныхъ русскимъ народомъ, отдѣльной національной области съ отдѣльнымъ сеймомъ и отдѣльною администраціею. Такъ какъ, однако, это можетъ послѣдовать лишь послѣ переустройства всей австрійской имперіи на національныхъ началахъ, то мы позволяемъ себѣ выразить слѣдующія неизмѣнныя требованія русскаго народа въ Галичинѣ:

а) полного и неукоснительнаго соблюденія существующихъ законовъ правительственными властями относительно русскаго народа и непремѣннаго и строгаго наказанія за каждое нарушеніе этихъ законовъ и противное имъ дѣйствіе со стороны органовъ правительственныхъ властей;

б) введенія для русскої части края, присоединенной къ Австріи, какъ отдѣльная политическая область подъ названіемъ Червоная Русь (Roth-Russland), русскаго языка во внутреннемъ и внѣшнемъ дѣлопроизводствѣ всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ и учреждений;

в) введенія всеобщаго, открытаго и тайнаго голосованія при выборахъ во всѣ законодательныя и автономныя собранія, именно въ парламентъ и краевой сеймъ, въ повѣтовые и громадскія рады (уѣздныя и общинныя управленія);

г) отмѣны императорскаго распоряженія отъ 4 іюня 1869 г. и министерскаго распоряженія отъ 4 іюня 1869 г., которыми польскій языкъ признанъ оффиціальнымъ языкомъ всѣхъ правительственныхъ властей въ Галичинѣ, и введенія въ русской части края русскаго оффиціального языка,—ибо упомянутыя распоряженія являются грубымъ нарушеніемъ XIX статьи основныхъ государственныхъ законовъ;

д) отмѣны министерскихъ распоряженій, введшихъ въ русское письмо въ школахъ и вѣдомствахъ Галичины фонетическое правописаніе вмѣсто общеупотребляемаго исконн этимологическаго правописанія, ибо только этимологическое правописаніе даетъ возможность русскому населенію Галичины развиваться на культурно-историческихъ началахъ, между тѣмъ какъ фонетическое правописаніе деморализуетъ русскій народъ, какъ въ національномъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. Мы обращаемъ вниманіе вашего п-ства на то обстоятельство, что русское населеніе Галичины внесло въ министерство внутреннихъ дѣлъ протестъ противъ этого распоряженія съ болѣе, чѣмъ 50.000 подписями, и что фонетическое правописаніе было введено не ради культурныхъ или педагогическихъ цѣлей, а исключительно въ цѣляхъ политическихъ. Это новшество именно имѣло цѣлью совершенно отдѣлить галицко-русское населеніе въ національномъ и культурномъ отношеніи отъ его единоплеменныхъ братьевъ въ Россіи, дабы такимъ образомъ отнять у него возможность культурно-историческаго развитія и оторвать его отъ русской церкви и русской культуры.

е) Мы не можемъ также упустить случая, чтобы не обратить вниманіе вашего п-ства на то обстоятельство, что русскій народъ въ Галичинѣ выражаетъ рѣшительный протестъ, какъ противъ рѣшенныхъ уже галицкимъ сеймомъ заповѣдныхъ крестьянскихъ владѣній, такъ и противъ приготавлиаемаго польскими политиками законопроекта объ окружныхъ волостяхъ, и именно влѣдствіе того, что эти институции идутъ въ разрѣзъ съ природнымъ строемъ края, нарушаютъ всю систему основныхъ гражданскихъ законовъ, не содѣйствуютъ улучшенію крестьянскаго хозяйственнаго быта, уничтожаютъ условія его природнаго и свободнаго развитія и имѣютъ единственную цѣлью политическое и экономическое закрѣпощеніе крестьянъ подъ властью польско-шляхетскаго управленія.

„Мы высказали откровенно предъ вашимъ п-ствомъ главныя и неизмѣнныя требованія русскаго народа въ Галичинѣ, ибо вы,

ваше п-ство, прибыли въ нашъ край, дабы на мѣстѣ и лично ознакомиться съ его пуждами и съ желаніями его населенія. Предъявляя требованія русскаго народа, мы питаемъ надежду, что вы выикнете въ нихъ и благоизволите ихъ исполнить, ибо отъ ихъ исполненія зависитъ не только мирное національное и культурное развитіе русскаго народа въ Галичинѣ, но также возстановленіе довѣрія его къ правительству и вкорененіе среди него австрійской государственной идеи“.

Мужественное и откровенное заявленіе о національномъ и культурномъ единствѣ Галицкой Руси съ великимъ русскимъ народомъ и смѣлыя требованія отъ имени русскаго населенія Галичины, выраженные въ приведенномъ меморіалѣ, вызвали во всей Австріи сенсацию. Текстъ меморіала напечатали почти всѣ австрійскія, славянскія и нѣмецкія, газеты и снабдили его дружелюбными поясненіями.

Министръ-президентъ, принявъ адресъ отъ предводителя депутаціи, Д-ра И. Л. Добрянскаго, отвѣтилъ на его рѣчь, что постарается удовлетворить справедливыя требованія русскаго народа. Но Галицкая Русь, зная цѣну подобныхъ обѣщаній, не полагается на нихъ и продолжаетъ усиленно трудиться для обезпеченія существованія и развитія русской народности въ Галичинѣ. Главное вниманіе „Народнаго Совѣта“ обращено въ настоящее время на просвѣщеніе русскаго крестьянства и на его экономическій подъемъ. Сильнымъ подспорьемъ для достиженія этихъ цѣлей являются осповываемыя по деревнямъ читальни им. М. Качковскаго, которыя со своей стороны открываютъ мелочныя лавочки, торгующія предметами, необходимыми въ сельскомъ бытѣ, склады зерноваго хлѣба, сберегательныя кассы и пожарныя дружины. Такихъ читаленъ, имѣющихъ значеніе національныхъ школъ, насчитываетъ Галицкая Русь болѣе двухъ тысячъ. Вліяніе читаленъ на простонародіе просто поразительно. Съ возникновеніемъ въ деревнѣ читальни, а велѣдъ за нею и мелочной лавочки, еврей-корчмари бѣдѣють и весьма часто оставляютъ деревню; зато крѣпнеть въ населеніи русское національное сознаніе и заграждаются въ село пути для польской, римокатолической и социалистической пропаганды. Во многихъ деревняхъ читальни имѣютъ помѣщенія, приспособленныя для театральныхъ представленій, въ которыхъ любители крестьяне даютъ популярныя пьесы, и почти каждая читальня имѣетъ свой собственный хоръ, выступающій и въ церкви и на народныхъ торжествахъ.

Національное направленіе и настроеніе галицко-русского народа сказалось всего яснѣе и опредѣленнѣе по поводу русско-японской войны. Галицко-русское населеніе, особенно же крестьяне, съ замираніемъ сердца слѣдятъ за ходомъ военныхъ событій и не называютъ иначе сражающихся на Дальнемъ Востокѣ русскихъ, какъ словомъ „наши“. Въ началѣ войны „украинскіе“ соціалисты пытались было на народныхъ собраніяхъ протестовать противъ военныхъ дѣйствій Россіи и представлять японцевъ жертвами завоевательныхъ стремленій Россіи, но народъ прогонялъ агитаторовъ, называя ихъ „хунгузами“. На многочисленномъ (до 600 человекъ) собраніи членовъ Общества им. М. Качковскаго, состоявшемся въ маѣ с. г. въ Зборовѣ, гдѣ Хмѣльницкій въ 1649 году разбилъ войска короля Іоанна Казимира, галицкія крестьянки буквально на рукахъ вынесли изъ собранія „украинскихъ“ агитаторовъ, среди которыхъ находились также соціалисты изъ Россіи. Украинфильскія газеты „Діло“ и „Свобода“ пробовали было въ началѣ войны „японствовать“, но когда подписчики стали отъ нихъ отпадать десятками и сотнями, редакціи названныхъ газетъ были принуждены перемѣнить тонъ и относиться сочувственно къ Россіи.

Одновременно съ просвѣщеніемъ народа въ тѣсномъ значеніи этого слова, т. е. крестьянъ, идетъ и самообразование галицко-русской интеллигенціи въ галицкихъ городахъ. Само собою понятно, что Львовъ, столица Галицкой Руси, даетъ тонъ въ этомъ отношеніи всему краю. Болѣе всего потрудился въ этомъ направленіи „Кружокъ любителей русской словесности“, состоящій при литературно-драматическомъ обществѣ „Муза“ во Львовѣ.

Въ 1899 году, въ столѣтнюю годовщину рожденія А. С. Пушкина, кружокъ русскихъ львовянъ хотѣлъ основать во Львовѣ литературное общество имени А. С. Пушкина, но политическія власти дважды отклоняли предложенный уставъ. Въ виду этого упомянутый кружокъ пріютился при обществѣ „Муза“ и дѣйствуетъ подъ его фирмою. О размѣрахъ и направленіи дѣятельности „Кружка“ даютъ представленіе слѣдующія данныя: въ періодъ съ января 1903 г. до мая 1904 г. „Кружокъ“ устроилъ 21 литературный вечеръ, посвятивъ ихъ чтенію и характеристикѣ дѣятельности русскихъ и славянскихъ ученыхъ и характеристикѣ болѣе важныхъ событій въ исторіи Галицкой Руси. На этихъ вечерахъ были прочитаны слѣдующія лекціи: д-ромъ А. Яворскимъ—„Міровоззрѣніе Владиміра Соловьева“, „Литературная дѣятельность Г. Успенскаго“ и „Общественно-учебная дѣя-

тельность проф. П. Д. Флоринскаго"; И. И. Церокомъ—о композиторъ Лысенкъ; д-ромъ И. С. Святитскимъ, председателемъ „Кружка“, были прочитаны лекціи: о Некрасовѣ, о Шевченкѣ; объ ученой дѣятельности академика Пыпина; о французскихъ и польскихъ модернистахъ; о Тургеневѣ, Котляревскомъ, Михайловскомъ; о значеніи литературной дѣятельности Грибоѣдова и некрологи: погибшаго на „Петропавловскѣ“ адмирала Макарова и умершаго во Львовѣ профессора польской литературы во львовскомъ университетѣ, Хмелевскаго; кустосомъ библіотеки „Народнаго Дома“, Ф. И. Свистуномъ, были прочитаны лекціи о митрополитѣ московскомъ Петрѣ и о воссоединеніи Украины съ Россією; публицистъ О. А. Мончаловскій читалъ о культурно-историческомъ движеніи въ Галицкой Руси въ 1848 году, о литературной и общественной дѣятельности Тютчева и Хомякова и о значеніи славянофильства; М. Θ. Глушкевичъ читалъ о Надсонѣ, Чириковѣ, Скитальцѣ и объ общественной жизни въ Галицкой Руси, и наконецъ студентка медицины, М. В. Ясиницкая изложила на одномъ вечерѣ главныя біологическія теоріи о началѣ органической жизни. Многія лекціи вызвали оживленныя пренія и посѣщались преимущественно учащеюся молодежью обоюго пола. Кромѣ этихъ вечеровъ „Кружокъ“ позаботился объ устройствѣ популярныхъ чтеній въ читальнѣ библіотеки „Народнаго Дома“, гдѣ Ф. И. Свистунъ читалъ по пятницамъ русскую исторію, а И. С. Святитскій читалъ исторію русской литературы.

Къ отраднымъ явленіямъ въ жизни Галицкой Руси слѣдуетъ отнести также оживленіе дѣятельности старѣйшаго на всемъ пространствѣ Руси Ставропигійскаго Братства (Института) во Львовѣ (основаннаго въ 1586 году). Благодаря стараніямъ нынѣшняго руководителя его Н. Н. Герасимовича, Братство возобновило свою типографію, основанную первымъ русскимъ книгопечатникомъ Иваномъ Федоровымъ въ 1573 году, и окончательно устроило археологическій музей, основанный покойнымъ старѣйшиною И. М. Шараневичемъ въ 1888 году, въ 900-лѣтіе крещенія Руси. Кромѣ того книжная лавка Ставропигійскаго Института, удовлетворяя требованіямъ русскихъ галичанъ, вступила въ сношенія съ книгопродавцами въ Петербургъ и въ настоящее время имѣетъ на складѣ богатое собраніе русскихъ изданій по литературѣ и наукѣ. Это обстоятельство особенно важно для галичанъ, такъ какъ до недавняго времени они были принуждены выписывать книги изъ Россіи чрезъ Липскъ (Лейпцигъ) или Берлинъ.

Славянская жизнь.

— **Мадьяризація хорватской милиціи.**— „Narodna Obrana“ пишетъ: Черезъ мѣсяцъ исполнится 36 лѣтъ, какъ заключено было соглашеніе между Венгріей и Хорватіей. Творцы соглашенія старались выяснить его противникамъ всѣ его выгоды и преимущества. Соединенной съ Венгріей Хорватіи, говорили они, обезпечена конституція отъ всѣхъ абсолютническихъ и централистическихъ покушеній. Соглашеніемъ съ Венгріей обезпечена хорватамъ ихъ народность, навсегда и непоколебимо установлено право хорватскаго языка, никогда больше въ нашу страну не проникнетъ чужеземная бюрократія, а Хорватія въ своей милиціи получила свое войско. Что же мы пережили въ эти 36 лѣтъ? Съ первыхъ лѣтъ новой жизни начались жалобы на нарушеніе постановленій соглашенія, и такъ дѣло шло все дальше, пока регниколярная депутація въ 1887 г. не констатировала, что нѣтъ параграфа, которой бы не былъ нарушенъ. Дожили мы до того, что въ прошломъ году депутатъ Томашичъ на общемъ сеймѣ, защиту всѣхъ неконституціонныхъ вѣяній правительства и неслыханное преслѣдованіе печати обосновалъ краткимъ положеніемъ: все въ интересахъ Венгріи. Дожили мы до того, что права хорватскаго языка обходятся всюду, гдѣ только можно... Дожили мы до того, что въ общія учрежденія какъ можно больше назначается иностранныхъ чиновниковъ, что хорваты на желѣзныхъ дорогахъ почти не имѣютъ мѣсть... А развѣ народность наша обезпечена? Непрерывно строятся мадьярскія школы, въ которыя сгоняются и хорватскія дѣти. Помышляютъ уже и о мадьярской гимназіи, и, конечно, уже не далеко то время, когда эта мысль претворится въ дѣйствительность. Неужели и намъ суждено вести борьбу за нашу народность и въ школахъ, подобно тому какъ принуждены это дѣлать хорваты въ Истріи, чехи въ Чехіи, Мо-

равин и Сплезин. А хорватская милиція? Да она уже давно перестала быть хорватской. Теперь она „Королевско-венгерское. VII хорватско-славонское окружіе“. Уже давно въ хорватской независимой печати поднимаются жалобы, что мадыарскіе офицеры все чаще назначаются въ хорватскіе полки. Уже столько лѣтъ хорватское войско не имѣетъ ни одной своей кадетской школы, въ которой бы молодежь подготовлялась на хорватскомъ языкѣ къ своему званію... Извѣстно, что хорватскій офицеръ не можетъ быть повышенъ дальше сотника, если онъ не знаетъ по-мадыарски. Наше стремленіе получить хоть одну мадыарскую школу остается совершенно безуспѣшнымъ. Представленіе городовъ, резолюціи столькихъ народныхъ скупщинъ остаются гласомъ вопіющихъ въ пустынь, но зато изгоняются изъ кадетской школы юноши, которые въ своей юношеской наивности и идеализмѣ не знаютъ еще того, что есть законы только на бумагѣ... Итакъ мы идемъ по всѣмъ линіямъ назадъ... И въ то время, какъ нѣкогда австрійскіе славяне кое-въ-чемъ могли намъ завидовать, теперь же имъ, конечно, не можетъ прійти это и въ голову. Теперь мы убѣдились, какъ жестоко обманывались наши отцы, когда составили „соглашеніе“ и защищали его, какъ оплотъ конституціи, какъ наилучшее средство противъ централизма. А мы вмѣсто одного централизма получили другой, вмѣсто австрійскаго—мадыарскій, вмѣсто „Gesamtmonarchie“ явилась „мадыарская единая держава“, вмѣсто нѣмецкаго государственнаго языка все болѣе и болѣе расширяется власть мадыарскаго языка...

— Деморализація въ Венгріи, прикрываемая національнымъ шовинизмомъ и лжепатріотизмомъ, дошла до крайнихъ предѣловъ. Доказываетъ, это мадыарская брошюра Bersede, написанная членомъ мадыарской партіи независимыхъ депутатомъ Чавольскимъ. Въ этой брошюрѣ авторъ утверждаетъ, что нынѣшняя мадыарская конституція не стоитъ выѣденнаго яйца, такъ какъ этою конституціею пользуется только нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ, занимающихъ жирныя мѣстечка. „Такая конституція, говоритъ онъ, хуже абсолютизма. Абсолютизмъ основывается на силѣ, а нынѣшняя мадыарская конституція основана на лжи и обманѣ. Такая конституція ведетъ только къ нашему взаимному истребленію подъ конституціонною формою. Частные и личные интересы,—вотъ что служитъ у насъ господствующимъ нервомъ. Но нынѣшняя общественная и политическая жизнь не имѣетъ

у насъ никакого нравственнаго принципа, и пока въ ней нѣтъ такого принципа, мы не можемъ ожидать улучшенія нашихъ дѣлъ. Мы кидаемъ народу песокъ въ глаза, чтобы онъ не видѣлъ настоящей правды. Ложными обѣщаніями, которыхъ никогда не исполняемъ, къ которыхъ нѣтъ никакого содержанія, мы притупляемъ совѣсть народа. Депутаты наши представляютъ интересы отдѣльныхъ личностей, а не цѣлаго края. Такими мѣрами мы не поможемъ отечеству, и оно должно погибнуть!“ Вотъ что пишутъ лучшіе независимые мадьярскіе патріоты.

— **Имущества Карловичкой православной церкви.** Статистикъ Карловичкой православной сербской патріархіи въ Карловцахъ, Матвій Косовацъ представилъ въ этомъ году сербскому собору обширный докладъ съ статистическими свѣдѣніями о недвижимыхъ и движимыхъ имуществѣхъ всей сербской патріархіи. Въ этомъ докладѣ перечислены и всѣ древности и драгоцѣнности, которыя принадлежатъ митрополіи, епископіямъ, церквамъ и монастырямъ. Изъ приложенной къ нему описи видно, что всѣ монастыри имѣютъ 323 древнихъ вещи, 1808 драгоцѣнностей и 4810 книгъ и рукописей. Стоимость этой движимости огромна, прямо баснословна. Мало того, эта стоимость неоцѣнима. Въ описи, правда, сказано, что старинныя вещи стоятъ 16.000 кронъ, драгоцѣнности 186.000 кронъ, все 202.000 кронъ. Но это мы можемъ назвать дѣйствительной стоимостью. Въ монастырѣ Врдникѣ между драгоцѣнностями есть серебряная модель монастыря, фигурировавшая и на Парижской выставкѣ, гдѣ ее оцѣнили въ 50.000 франковъ, тогда какъ въ описи она оцѣнена въ 2.000 кронъ. Старыя книги и рукописи неоцѣнимы. Между ними есть книги, печатанныя въ XV в., есть много грамотъ сербскихъ королей. Между драгоцѣнностями обращаютъ вниманіе: золотой покровъ царя Лазаря 1392 г., двѣ митры князя Максима, украшенныя драгоцѣнными камнями, серебряныя чаши митрополита Діонисія 1523 г., митра Бѣлградскаго владыки Іоакима, серебряныя рапицы и пр. Народный соборъ въ Карловцахъ постановилъ взять всѣ эти драгоцѣнности отъ монастырей, церквей и епископовъ и выставить въ народномъ домѣ, такъ какъ выяснилось, что охраненіе ихъ тамъ не совсѣмъ безопасно. Тотъ же статистикъ представилъ Собору, что въ Карловичкой патріархіи имѣется 666 народно-церковныхъ общинъ, 715 приходовъ, 27 монастырей, 7 епархій, 9 среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и 859 эле-

ментарныхъ школъ, въ которыхъ преподаваніе совершается на сербскомъ языкѣ. Изъ элементарныхъ училищъ 459 принадлежатъ церквамъ и 400 общинамъ. Въ 859 школахъ работаютъ 859 учителей. Что касается недвижимаго имущества, то карловичкая патріархія владѣетъ 108,264 гектарами, приносящими чистаго дохода 1.145,000 кронъ. Въ патріархіи числится 814 церквей, 119 домовъ въ городахъ, 1511 въ селахъ. Кромѣ того, есть много водяныхъ мельницъ, учебный фондъ, пенсіонный фондъ, цѣнные книги и т. д. Въ общемъ все состояніе оцѣнивается въ 90 милл. кронъ. Авторъ сѣтуетъ, что все это церковное хозяйство управлялось очень плохо и потому не приносило большого дохода. Поэтому, онъ одобряетъ рѣшеніе Народнаго Собора, чтобы всѣ митрополичьи, епископскія, церковныя и монастырскія имущества отдавались въ наемъ, такъ какъ теперешнее духовенство не умѣетъ такъ хорошо управлять церковными имуществами, какъ прежде.

Юбилей Любомира Бабича-Джальскаго. Въ октябрѣ въ кругу своихъ литературныхъ друзей отпраздновалъ извѣстный хорватскій романистъ Любомиръ Бабичъ (Ксаверій Шандоръ Джальскій) 50-лѣтіе своей жизни и 20-лѣтіе своей литературной дѣятельности. Въ собралось до 40 друзей и почитателей поэта на банкетъ, въ которомъ присутствовали юбиляръ со своей супругой, а председательствовалъ г. Ст. Милетичъ. Послѣдній привѣтствовалъ представителей, посланных хорватскими литературными и просвѣтительными обществами и корпораціями, благодарилъ ихъ всѣхъ за прибытіе и, въ заключеніе, привѣтствовалъ юбиляра, весьма талантливо сплетая рядъ его трудовъ въ одинъ вѣнокъ. Затѣмъ говорили и другіе. Юбиляръ отвѣчалъ на привѣтствія и въ поэтической рѣчи благодарилъ ораторовъ, высказалъ свои возрѣнія о книгѣ, ея задачахъ и о своихъ художественныхъ идеалахъ. Затѣмъ послѣдовало чтеніе телеграммъ и письменныхъ привѣтствій, за которыми опять полились рѣчи и рѣчи...—Изъ разнаго рода адресовъ, поднесенныхъ юбиляру, обращаетъ особенное вниманіе адресъ отъ Матицы Хорватской, въ которомъ она выражаетъ Бабичу благодарность за тотъ нравственный и матеріальный капиталъ, который составляютъ для нее его сочиненія.

—**Католическая пропаганда въ Румыніи.** Хотя румынскій король не православный, однако онъ такъ сроднился со своимъ народомъ и съ его воззрѣніями, что не только заботится о томъ, чтобы дать національное воспитаніе молодому престолонаслѣднику (его племяннику), но и лично старается ограничить зло-вредное вліяніе чуждыхъ пропагандъ. Во время своего послѣд-няго пребыванія въ Вѣнѣ, онъ встрѣтился съ папскимъ нун-ціемъ, которому заявилъ, что если въ католическихъ училищахъ православнымъ дѣтямъ не будетъ преподаваться Законъ Божій православными учителями въ православномъ духѣ, то пропа-гандистскія училища будутъ закрыты. Это заявленіе румынскій король сдѣлалъ по поводу той борьбы, которую начало его пра-вительство съ католической пропагандой. По тому же поводу румынскій министръ народнаго просвѣщенія разослалъ въ като-лическія училища циркуляры, въ которыхъ, между прочимъ, говорится: „Монахи, которыя управляютъ католическими учи-лищами, не имѣютъ права заставлять дѣвницъ православ-ныхъ родителей ходить въ церковь и исполнять религіозныя обряды наравнѣ съ воспитанницами католическаго вѣроисповѣ-данія, такъ какъ это вредно вліяетъ на церковно-религіозное ихъ настроеніе и вызываетъ равнодушіе, а часто также враждеб-ное отношеніе къ религіи ихъ отцовъ; строго запрещаются впредь какія бы то ни было дѣйствія католическихъ монаховъ, которыя имѣютъ цѣлью унижать православіе и подавлять восточно-ре-лигіозныя чувства у дѣтей. Дирекціи католическихъ училищъ обязаны приглашать православнаго священника или учителя, по рекомендаціи министерства, для преподаванія Закона Божьяго православнымъ дѣтямъ. Преподаватель Закона Божьяго долженъ слѣдить за тѣмъ, какъ исполняютъ дѣвницы религіозныя обязан-ности, и при томъ строго запрещать пропагандировать между ними католическія убѣжденія. Въ случаѣ невыполненія этого предписанія, католическія училища будутъ совершенно за-крыты“.

—**Босно-герцеговинская церковь.** Св. Синодъ Вселенскаго патріархата въ скоромъ времени приступитъ къ разсмотрѣнію проекта статута боснійско-герцеговинской церкви. Хотя коммисіи делегатовъ изъ всѣхъ четырехъ епархій Босніи и Герцеговины было поручено вы-работать этотъ статутъ, но свѣтскіе делегаты не могли столкнуться со своими товарищами-монахами, и вѣдѣствіе этого 12 пунктовъ

остались спорными. Эти пункты изложены и в той и в другой формѣ, какъ ихъ предлагали партіи. Св. Синодъ къ которому патріархъ препроводилъ этотъ статутъ, избралъ комиссію, въ которую вошли митрополиты Никомидійскій, Митиленскій и Елефтеропольскій, Д. Тандалинисъ, начальникъ канцеляріи патріарха, и его помощникъ Панаіоану, который недавно объѣздилъ всѣ боснійско-герцеговинскія епархіи, съ цѣлью изучить проектированный статутъ. Комиссія прежде всего указала на необходимость измѣнить заглавіе статута. По ея мнѣнію, слѣдовало бы сказать: статутъ церковнаго управления „епархій“, а не „церквей“ въ Босніи и Герцеговинѣ, такъ какъ церкви въ епархіи зависятъ отъ патріархій. Относительно главнаго пункта вопроса, — способа избранія митрополита Синодъ, послѣ бурныхъ дебатовъ, большинствомъ 7 голосовъ противъ 5, постановилъ согласно желанію вождей боснійскаго церковнаго движенія, чтобы изъ 3 кандидатовъ, предлагаемыхъ епархіей, одинъ поставлялся на овдовѣвшую епархію.

— **Конкордатъ патріарха Іоакима.** Въ то время, когда столько говорится и пишется о событіяхъ во вселенской патріархіи и о сверженіи патр. Іоакима за его противленіе канонамъ и интересамъ православной церкви и вѣры, часто вспоминается конкордатъ или соглашеніе, которое патр. Іоакимъ заключилъ въ 1880 г. съ Австро-Венгріей объ отношеніяхъ сербской церкви въ оккупированныхъ земляхъ къ патріархіи. Въ виду этого не безынтересно познакомиться съ содержаніемъ этого конкордата, который является камнемъ преткновенія и причиной помянутой борьбы. Конкордатъ гласитъ: „Такъ какъ, по случаю передачи политическаго управления Босніею и Герцоговиною правительству Его Императорскаго и Королевскаго Апостольскаго Величества, обѣ стороны согласились установить извѣстныя правила для временнаго урегулированія отношеній православныхъ епархій Босніи, Зворника и Захумля къ высшей власти нашей святой патріаршей, вселенской и апостольской кафедрѣ, отъ которой зависятъ, и правительство Его Императорскаго и Королевскаго Апостольскаго Величества представило намъ и Святѣйшему Синоду, въ которомъ предсѣдательствуетъ, черезъ г. гр. Дубскаго предложеніе, содержащееся въ слѣд. 7 параграфахъ.

§ 1. Епископы, находящіеся въ настоящее время на епископскихъ кафедрахъ въ Босніи и Герцеговинѣ, утверждаютъ и сохраняютъ свое положеніе.

§ 2. Въ случаѣ, если одна изъ трехъ епископскихъ кафедръ въ Босніи и Герцеговинѣ станетъ вакантною, Его Императ. и Королев. Апост. Величество назначить новаго епископа на вакантную кафедру, послѣ чего сообщитъ Синоду имя своего кандидата ради выполненія каноническихъ формальностей. Въ случаѣ, если бы патріархія не знала своего кандидата, это сообщеніе должно сопровождаться свидѣтельствомъ православнаго епископа, подъяею властью кандидатъ находится, свидѣтельствомъ, въ которомъ была бы доказана его каноническая правоспособность.

§ 3. Если будетъ доказано, что кто-либо изъ упомянутыхъ трехъ епископовъ нарушилъ свои обязанности, по отношенію-ли къ гражданскимъ, или по отношенію къ церковнымъ властямъ, или, наконецъ, по отношенію къ своему стаду, то его устраненіе должно идти тѣмъ же путемъ, какимъ шло его назначеніе.

§ 4. Новые епископы, которыхъ назначаетъ Его Императорское и Королевское Апостольское Величество, будутъ посвящаться сообразно съ постановленіями и обрядами каноническихъ законовъ Восточной Православной Церкви.

§ 5. Епископы Восточной Православной Церкви въ областяхъ Босніи и Герцеговины будутъ поминать въ службахъ и при священныхъ обрядахъ имя вселенскаго патріарха сообразно съ каноническими законами Православной Церкви. Они будутъ получать нужное имъ миро въ вселенской патріархіи.

§ 6. Въмѣсто канонической подати, которую всѣ эти три митрополичьи епархіи давали вселенской патріархіи, австро-венгерское правительство обязуется платить его святѣйшеству патріарху Іоакиму III сумму 58.000 флориновъ золотомъ, которая будетъ ежегодно вручаться вселенской патріархіи черезъ австро-венгерское посольство въ Царьградѣ. И кромѣ этого вознагражденія, Е. С. патріархъ не можетъ претендовать ни на какіе другіе доходы изъ названныхъ епархій.

§ 7. Епископы названныхъ областей въ будущемъ не должны взимать никакихъ поборовъ съ своего стада. Отнынѣ ихъ будетъ взимать импер. и королев. правительство, за исключеніемъ части, предназначенной вселенской патріархіи,—части, которая не будетъ больше требоваться. Взамѣнъ упомянутые епископы будутъ регулярно получать плату изъ императорской и королевской государственной кассы, и ея величина будетъ опредѣляться со-

образно среднимъ годичнымъ доходамъ церковнымъ, которые они до сихъ поръ получали отъ своей паствы.

Изучивъ глубоко эти предложенія и обсудивъ ихъ зрѣло съ нашими братьями и друзьями, преосвященными митрополитами, мы нашли, что они не вредны для временнаго урегулированія отношеній упомянутыхъ епархій къ вселенческой константинопольской Церкви въ нынѣшнее время и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Принимая ихъ единогласно съ нашими дорогими братьями и друзьями въ Св. Духѣ, мы высказались въ пользу сохраненія въ силѣ постановленій, которыя сдѣланы на основаніи соглашенія обѣихъ сторонъ. Въ то же время мы молимся Всемогущему, который управляетъ міромъ, чтобы онъ сохранялъ и защищалъ Е. Импер. и Кор. Ап. Величество на Его престолѣ на благо и пользу всѣхъ народовъ которые подчинены Его отеческому скипетру. Въ подтвержденіе сего и составленъ этотъ патріаршій и синодальный актъ и внесенъ въ сборникъ нашей Великой Церкви Господней въ 1880 г., въ мѣсяцъ мартъ, 8 индикта“.

— Борьба за чешскую народную школу въ Вѣнѣ. Борьба за чешскую народную школу въ Вѣнѣ тянется въ теченіе многихъ лѣтъ, но безъ успѣха для чеховъ. Городская дума, намѣстничество и министерство просвѣщенія отклонили требованіе чеховъ взять на средства города содержаніе чешской школы. Не смотря на рѣшительный отказъ со стороны названныхъ инстанцій, вѣнскіе чехи не перестаютъ добиваться своего права и внесли въ имперскій судъ жалобу на нарушеніе § 19 основныхъ законовъ. По поводу этого дѣла состоялось подѣ председательствомъ президента Имперскаго Суда д-ра Штейнбаха разбирательство, въ которомъ д-ръ Гейдльмайеръ заступалъ Мин. Нар. Просв., а д-ра Герольдъ и Мейснеръ изъ Праги, Зейфертъ изъ Угорскаго Градишта и Нѣмечекъ изъ Вѣны—апелляцію 3000 чешскихъ обывателей Вѣны. Въ апелляціи говорится, что нижнеавстрійскій земскій школьный совѣтъ отклонилъ 6 авг. 1902 г. требованіе чешскихъ жителей Вѣны на томъ основаніи, что чешскій языкъ не принадлежитъ къ обиходнымъ языкамъ края (Н. Австрія). Противъ этого рѣшенія было внесено въ Мин. Нар. Просв. 19 протестовъ, которые послѣднее отклонило 26 сент. 1903 г. Въ апелляціи чешскихъ жителей Вѣны противъ этого распоряженія указывается, что по § 19 основанныхъ законовъ чехи имѣютъ

право требовать такихъ общественныхъ школъ, въ которыхъ дѣти могли бы воспитываться на материнскомъ языкѣ. Что касается того, является ли чешскій языкъ въ Н. Австріи разговорнымъ или чешскимъ, то согласно послѣдней народной переписи 1900 г. изъ 1.944.957 жителей Вѣны 102.974 признали чешскій языкъ обиходнымъ языкомъ, и кромѣ того во всѣхъ городахъ Н. Австріи существуютъ чешскія меньшинства, а въ нѣкоторыхъ селахъ и чешскія большинства. На это Министерство Нар. Просв. указало, что чешское населеніе Н. Австріи не осѣдлое, и что большинство его принадлежитъ къ возрасту 11—30 лѣтъ. Вѣнскіе чехи составляютъ только 6,88% всего населенія, а изъ 41 городовъ Н. Австріи десять не показали у себя ни одного чеха. Если чеховъ въ Вѣнѣ признать осѣдлымъ народомъ, то на такомъ основаніи слѣдовало признать такими же народами проживающихъ въ Вѣнѣ французовъ и англичанъ. Всѣ же большіе города представляютъ мозаику народностей, не теряя своего кореннаго національнаго характера. Въ томъ же самомъ смыслѣ опровергаетъ аппелляцію чеховъ и представитель правительства гофратъ Гейдльмайеръ, стараясь доказать, что въ данномъ случаѣ не произошло нарушенія политическихъ правъ вѣнскихъ чеховъ. Чехи вѣдь доказали только, что ихъ въ Вѣнѣ 103.000, и что часть ихъ требуетъ основанія чешскихъ народныхъ школъ, но не доказали еще, что эти разсѣянны живущіе въ Вѣнѣ чехи въ дѣйствительности представляютъ чешское племя. Защитники аппелляціи, возражая на это, указывали, что въ дѣйствительности чеховъ въ Вѣнѣ не 100000, а полмилліона, что они живутъ тамъ постоянно и осѣдло, что въ ремесленныхъ школахъ чешскихъ учениковъ больше, чѣмъ нѣмецкихъ и т. д. Не смотря на все это, Имперскій Судъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить жалобу чеховъ.

— Главное собраніе Хорватской Матицы, состоявшееся въ прошломъ мѣсяцѣ въ Загребѣ, привлекло до 150 членовъ Общества, основателей и сотрудниковъ. Предсѣдатель д-ръ Джуро Арпюльдъ открылъ засѣданіе привѣтствіемъ присутствующимъ и сказалъ рѣчь о литературѣ и ея задачахъ. Литература должна быть самобытной, а хорваты главнымъ образомъ подражаютъ чужимъ литературамъ. Ораторъ обращаетъ вниманіе на народныя сказки и пѣсни. Если не каждый человѣкъ можетъ сдѣлаться художникомъ, то всякій художникъ долженъ быть человѣкомъ. И по-

стоянної, крѣпкой вѣрой долженъ быть проникнуть художникъ. Истинное искусство пачинается только тамъ, гдѣ кончается натурализмъ. Ораторъ вновь подчеркиваетъ, что въ хорватской литературѣ не можетъ быть мѣста иноземнымъ вліяніямъ. Затѣмъ секретарь Матицы Антонъ Радичъ прочелъ отчетъ о прошлогодней ея дѣятельности. Въ прошломъ году „Матица“ издала 9 книгъ, каждую въ 12 т. экземпляровъ, на что израсходовала 49.119,67 кронъ. Вопросъ объ изданіи иллюстрированнаго беллетристическаго журнала все еще находится въ довольно неопредѣленной стадіи развитія. Денежныхъ поддержекъ литераторамъ и пенсій ихъ вдовамъ было выдано 280,400 кронъ. Затѣмъ въ предсѣдатели литературной секціи былъ выбранъ проф. Кланчъ, извѣстный хорватскій историкъ.

— Вторая югославянская выставка. Первая югославянская художественная выставка закрылась въ Бѣлградѣ при торжественной обстановкѣ; стало необходимымъ подумать о томъ, чтобы приготовить почву для второй выставки въ Софіи. Для этой цѣли 8 окт. отправилось изъ Бѣлграда въ Софію много сербскихъ, хорватскихъ и словенскихъ художниковъ, литераторовъ и журналистовъ, чтобы сговориться объ этомъ съ болгарами. Въ Софіи югославянскіе гости встрѣтили сердечный пріемъ со стороны болгарскихъ художниковъ и литераторовъ, которые въ честь своихъ товарищей устроили банкетъ. Между собравшимися югославянами господствовало наилучшее согласіе, что можно было видѣть и изъ отдѣльныхъ рѣчей, ибо всѣ ораторы одушевленно и искренно говорили о настоятельной необходимости солидарности. Бурно привѣтствовали хорвата д-ра Видрига, который сказалъ, что хорваты пріѣхали въ Софію съ сербами, какъ одно югославянское племя. Сербскій поэтъ Христо Одавичъ съ поэтическимъ одушевленіемъ говорилъ о четырехъ югославянскихъ звѣздахъ, которыя все ярче и ярче пачали свѣтить, когда приблизились другъ къ другу. А словенскій журналистъ М. Плутъ развилъ ту мысль, что югославянскіе художники показали всѣмъ югославянамъ путь, которымъ они должны идти къ лучшей будущности: настоящее-де печально, ибо большая часть нашего племени еще стонетъ подъ чужеземнымъ игомъ. Горячо привѣтствовали также болгарскаго художника Мрквичку, природнаго чеха, который, по

общему требованію, говорилъ по-чешски и пожелалъ юго-славянамъ, чтобы какъ можно скорѣй осуществилась ихъ цѣль— всеобщее ихъ объединеніе...

— **Сербская и болгарская молодежь.** Какъ сообщаетъ „Славянской Югъ“, недавно состоялось въ Софіи совѣщаніе нѣсколькихъ сербскихъ студентовъ Великой Школы съ ихъ болгарскими товарищами. „Это совѣщаніе, говоритъ „Славянской Югъ“, имѣло чисто інформаціонный характеръ. Здѣсь наши друзья столковались со своими болгарскими друзьями по всѣмъ вопросамъ, которые касаются общей работы. Мы очень рады, что можемъ констатировать солидарность болгарской и сербской молодежи. Соединенная работа молодежи будетъ продолжаться и далѣе на основѣ конфедераціи балканскихъ народовъ и автономной Македоніи. Это принципъ, котораго должна строго держаться молодежь всѣхъ странъ“. Рѣшено перевести возможно скорѣе воззваніе къ румынской и греческой молодежи на французскій языкъ и пригласить молодежь обѣихъ странъ на общую согласную работу.

— **Новое Общество въ Люблянѣ.** Въ Люблянѣ основалось недавно новое народно-просвѣтительное Общество, о задачахъ котораго даютъ понятіе слѣд. параграфы его устава. § 1. Общество называется „Академія, гуманитарно-образовательное общество“ съ постояннымъ пребываніемъ въ Люблянѣ. Сферу его дѣйствія представляютъ Крайна, Штирія, Хорутанія, Горица, Триестъ съ округомъ въ Штиріи. § 2. Задача общества заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать умственному и нравственному развитію словенскаго народа. Эти задачи выполняетъ Общество: 1) созывая общія собранія и засѣданія; 2) издавая образовательные журналы и книги; 3) распространяя книги и журналы между членами; 4) читальнями и библіотеками; 5) научными лекціями и бесѣдами; 6) петиціями, мемуарами; 7) празднованіями разныхъ событій, торжествами и т. п. § 14. Дѣловой языкъ Общества словенскій. § 15. Общество не преслѣдуетъ политическихъ задачъ.

— 60-лѣтіе рожденія поэта Симона Грегорчича вызвало въ „Словенскомъ Народѣ“ слѣдующія прочувственныя строки: „Долго это время, и немного людей которые доживали до этихъ лѣтъ, и еще менѣе такихъ, которые съ гордостью и спокойно взирають на длинный рядъ лѣтъ съ пріятнымъ сознаніемъ, что они всю свою жизнь свято служили святой отчизнѣ и отдали ей все свои силы. Симонъ Грегорчичъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ мужей въ словенскомъ народѣ, который бы съ гордостью могъ сказать: Я посѣдѣлъ въ служеніи отчизнѣ, я посвятилъ ей все свои силы и за нее отдалъ всю свою жизнь,—кто сдѣлалъ больше? Богини судьбы не насыпали ему въ колыбель золота и серебра, но одарили его сокровищемъ, которое драгоцѣннѣе, которое прочнѣе всего этого, даромъ небесной поэзіи. И этого дара онъ не закопалъ, какъ евангельскій рабъ, но усовершенствовалъ такъ, чтобы оно приносило народу плоды сторицей. Одновременно съ своимъ шестидесятилѣтіемъ поэтъ празднуетъ сорокалѣтіе съ того времени, когда началъ садить цвѣты своей поэзіи на словенскомъ Парнасѣ!. Словенскій народъ по этому случаю не будетъ устраивать въ честь его пышныхъ торжествъ, не будетъ прославлять его въ панегирикахъ, не будетъ кадить ему миромъ и благовоннымъ кадиломъ, но будетъ съ любовью вспоминать о немъ въ сердцахъ, и горячія мольбы будутъ сопровождать его юбилей—мольбы о томъ, чтобы небо оросило благословеніемъ дѣло его духа и продолжало его жизнь до послѣднихъ предѣловъ человѣческихъ лѣтъ“.

— Изъ Хорутаніи, этой классической страны всяческаго славянскаго регресса, въ послѣднее время стали происходить болѣе отрадныя вѣсти: самоотверженный патріотъ д-ръ Янко Брејцъ, бывшій депутатъ и адвокатъ, изъ патріотическихъ соображеній оставилъ свое доходное мѣсто въ Люблянѣ и открылъ свою адвокатскую канцелярію въ Цѣловцѣ. Съ того времени все чаще приходятъ вѣсти о словенскихъ дѣлахъ въ Хорутаніи, такъ какъ этотъ человѣкъ поставилъ своей задачей завоевать словенскому языку все тѣ права въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ, которыя ему принадлежатъ. Хотя въ Крайнѣ онъ принадлежалъ къ клерикальной партіи, однако въ Цѣловцѣ онъ устранился отъ всякой партійной борьбы, такъ какъ національныя позиціи въ такихъ опасныхъ мѣстахъ, какъ Цѣловецъ. Кому неизвѣстны, спрашиваетъ газета „Slovenski Narod“ мужественные поступки д-ра

Брейца въ цѣловецкихъ судахъ? Онъ защищалъ стороны на словенскомъ языкѣ, и никакіе штрафы не могли заставить его прекратить ее благородную работу. По большей части, по его инициативѣ были основаны въ Цѣловцѣ и другихъ мѣстахъ общества, гдѣ чтеніемъ, пѣніемъ и другими способами распространяется національное сознаніе между широкими слоями народа. Въ разныхъ обществахъ задремавшіе элементы пробуждаются на энергичный трудъ, разъяняются народу тѣ несправедливости, которыя ему причиняются, и указываются средства. „Общество св. Кирилла и Меѳодія“, насколько позволяютъ его скромныя средства, основываетъ словенскія школы, которыя воспитываютъ словенскихъ дѣтей въ національномъ духѣ. Филія „Люблянскаго кредитнаго банка“ ограждаетъ народъ отъ пѣмецкихъ ростовщиковъ и укрѣпляетъ его экономически. Даже клерикальная газета „Миръ“, подѣ новой редакціей энергичнаго Экара, приняла рѣшительно-національное направленіе.

— Общество вспоможенія словенскимъ студентамъ г. Вѣны издало отчетъ о своей дѣятельности въ 1901—1902 и 1902—1903 учебныхъ годахъ. Изъ него мы узнаемъ, что первый годъ принесъ Обществу всего 4341,67 коронъ, а второй—5564,49. Расходы въ первомъ году достигли суммы 4581,61 коронъ, а во второмъ—5569. Пособіями пользовались студенты всѣхъ специальностей. Изъ нихъ въ 1901—902 году было 41 крайнецъ, 23 штирійца, 9 приморцевъ, 2 хорутанца, а въ 1902—903 г.— 41 крайнецъ, 17 штирійцевъ, 4 приморца и 3 хорутанца.

— Недавно скончался въ Брезнѣ евангелическій учитель и писатель Адольфъ Петр. Затурсекій. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ превосходнаго сборника „Словацкихъ пословицъ и поговорокъ“, изданныхъ Чешской Академіей Наукъ. Родился онъ 25 октября 1834 г. въ Липтавской Сельницѣ, гдѣ его отецъ былъ учителемъ. Въ 1854 г. былъ учителемъ въ родной общинѣ, откуда переселился въ Брезно и училъ здѣсь, пока церковныя школы не взяли въ казну и не подвергли ихъ мадьяризаціи. Горячій патріотъ, онъ всѣмъ сердцемъ принадлежалъ своему несчастному народу. Миръ его праху!

— Изъ Любляны пишутъ въ „Slovenský Prehľad“ о все возрастающихъ успѣхахъ социализма среди словенцевъ. Его распространенію особенно способствуетъ пролетаризація верхне-крайинскаго крестьянина, на которую, въ свою очередь, вліяютъ фабрики, напр. желѣзодѣлательные заводы на Савѣ и Яворникѣ, находящіеся въ рукахъ Крайинскаго Промышленнаго Общества. Впрочемъ, все это только тенденція къ развитію пролетариата. Пролетариата въ настоящемъ смыслѣ слова въ Крайнѣ нѣтъ. Интересно, что довольно немногочисленный классъ рабочихъ, примыкавшій раньше къ христіанско-соціальной партіи, теперь все болѣе и болѣе подпадаетъ подъ вліяніе партіи социаль-демократической.

— Евреи въ Словачинѣ составляютъ единственный торговый элементъ въ странѣ; безъ нихъ не было бы совсѣмъ торговли. Почти въ каждомъ селѣ есть еврей. Рѣдки тѣ мѣста, въ которыхъ ихъ нѣтъ. Ихъ дома узнаются сразу. Они самые лучшіе и большіе, а надъ ихъ входомъ обычная надпись: *Bór, sör é's ró-linka dinogése* (вино, пиво и водка и главное спиртъ—что помогаетъ имъ обогатиться). Евреи въ Словачинѣ довели цѣлыя края до полнѣйшаго разоренія, главнымъ образомъ, двумя вещами: спиртомъ и ростовщичествомъ. Спиртную отраву они ввели здѣсь въ организмъ. Слуга получаетъ хлѣбъ и спиртъ, а пищій вмѣсто милостыни—спиртъ. Какъ болѣзнь рака, разсыпалась евреи по всему тѣлу Словачины. Чтобы помочь злу, словаки нѣкоторыхъ мѣстахъ стали устраивать потребительныя общества. Но они не вездѣ процвѣтаютъ; потому, что многіе не могутъ участвовать въ общей работѣ, такъ какъ они въ долгу у еврея. Ростовщичество процвѣтаетъ въ Словачинѣ. Цѣлыя общины зависятъ отъ еврея, и многіе живутъ предоставленные только его милости. Мало-по-малу земля переходитъ въ руки еврея, и крестьянинъ дѣлается его батракомъ. Самаго древняго происхожденія еврей, въ Словачинѣ,—это нѣмецкіе евреи. Въ сѣверо-восточныхъ жупаніяхъ есть также польскіе евреи. Сравнительно недавняго происхожденія мадярскіе евреи, которые, однако, составляютъ большинство. Они не ограничиваются только тѣмъ, что обираютъ сельское населеніе, но охотно пускаются въ спекуляціи. Почти всѣ торговля предпріятія и затѣмъ кофейни и гостиницы находятся въ ихъ рукахъ.

При какихъ условіяхъ, приходится работать словацкимъ журналистамъ, показываютъ слѣдующіе краснорѣчивые факты. Редакторъ пештскаго ежемѣсячника „Hlas Ludu“, адвокатъ Фр. Кубикъ былъ осужденъ на 3 мѣсяца тюремнаго заключенія и 200 коронъ штрафа за то, что онъ порицалъ распоряженіе епископа, чтобы въ народныхъ словацкихъ школахъ и Законъ Божій преподавался по мадярски. И въ самомъ глухомъ уголкѣ Словачины—въ Шаричнѣ прешовскій судъ открылъ панславизмъ! Осудили нѣкоего Мих. Крокера на 4 мѣсяца тюрьмы за то, что онъ не побоялся сказать въ ресторанѣ, что изученіе мадярскаго языка въ школахъ не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ за границами Венгріи никто не знаетъ этого языка.—Весной этого года депутатъ Веселовскій былъ осужденъ въ Прессбургѣ на годъ тюремнаго заключенія, 1000 кронъ штрафа и 1500 кронъ судебныхъ издержекъ. Нитранскій судъ освободилъ Веселовскаго въ яшварѣ, не найдя въ его рѣчахъ нападокъ на мадярскую народность, а только на мадярское правительство. Прессбургскій судъ рѣшилъ, что понятіе мадярскаго правительства совпадаетъ съ понятіемъ мадярской народности. Противъ приговора подана, однако, аппеляція въ Верховный судъ въ Буда-Пештѣ. Издателя „Slovenského Tyždenníka“ Милана Годжу пештскій судъ приговорилъ къ 140 кор. штрафа за то, что напечаталъ въ своемъ журналѣ 13 политическихъ статей прежде, чѣмъ внесъ залогъ, который подлежитъ выплачивать политическимъ журналамъ въ Венгрію.

— Словацкимъ школамъ угрожаетъ полнѣйшій разгромъ! Проектъ новаго школьнаго закона Berzeviczy имѣетъ большіе шансы пройти въ Будапештскомъ парламентѣ. По этому закону мадярскій языкъ долженъ быть признанъ обязательнымъ во всѣхъ школахъ, гдѣ мадяры составляютъ пятую часть всѣхъ учениковъ. Эту пятую часть будутъ всюду составлять дѣти мадярскихъ учителей и священниковъ, общинныхъ нотаріусовъ, писарей и евреевъ. Если проектъ сдѣлается закономъ, то и церковныя школы, гдѣ словацкій языкъ оставилъ себѣ скромное мѣстечко, сдѣлаются жертвой безотрадной мадяризаціи. Словакамъ тогда не останется ничего другого, какъ закрыть свои школы, чтобы, по крайней мѣрѣ, своими кровными деньгами не содѣйствовать мадярскому шовинизму. Румыны уже грозятся такъ поступить со своими школами!

† А. Н. Пыпинъ.

26-го с. ноября умеръ академикъ Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Онъ умеръ на зарѣ новой жизни для Россіи, немного не дождавшись до разсвѣта. Но онъ своей долгой и неутомимой дѣятельностью на нивѣ родного просвѣщенія способствовалъ этому разсвѣту, и новая Россія не забудетъ его.

Здѣсь мы бы хотѣли указать только на труды покойнаго въ области славяновѣдѣнія. Не будучи славистомъ по профессіи, А. Н. Пыпинъ однако очень много сдѣлалъ для распространенія въ русскомъ обществѣ интереса къ славянскому міру и знанію о немъ. Уже въ одномъ изъ первыхъ своихъ трудовъ: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“ (Спб. 1857) А. Н. ставитъ вопросъ о славянскихъ вліяніяхъ (южномъ и польскомъ) на русскія повѣсти и сказки. Въ 1859 и 1860 гг. А. Н. пишетъ въ „Современникѣ“ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ Праги и рецензируетъ новыя славянскія изслѣдованія Ламанскаго, Григоровича и др. Въ 1865 г. выходитъ, не безъ вліянія чешскаго изданія Rieger „Slovnik Naučny“, первое изданіе „Обзора исторіи славянскихъ литературъ“, а въ 1879—81 г.—второе, вновь переработанное и дополненное изданіе того же труда въ двухъ томахъ, при участіи г. Спасовича по отдѣлу польской литературы. Въ промежуткѣ между этими двумя изданіями и въ послѣдующее время А. Н. печатаетъ въ „Вѣстникѣ Европы“ рядъ рецензій и критическихъ статей по поводу болѣе или менѣе значительныхъ сочиненій о славянствѣ и цѣлую серію самостоятельныхъ обобщеній по вопросамъ прошлаго и настоящаго славянства. Не называя совершенно рецензій и значительно сокращая списокъ обобщающихъ статей (все ихъ можно найти въ „Спискѣ трудовъ академика А. Н. Пыпина“, сост. Я. Л. Барсковымъ. Спб., 1903), укажемъ на слѣд.: о южнославянскомъ вопросѣ („В. Е.“ 1876, 1877), о старой и новой Болгаріи (Ib. 1877), о герцеговинскихъ гайдукахъ сто лѣтъ назадъ (Ib.), о будущности славянства (Ib.), о давности славянской идеи въ русскомъ обществѣ (Ib. 1878), о взаимныхъ отношеніяхъ въ славянствѣ (Ib.), о панславизмѣ въ

прошломъ и настоящемъ (Ib.), о польскомъ вопросѣ въ русской литературѣ (Ib. 1880), эпизоды изъ литературныхъ отношеній мало-руско-польскихъ (Ib. 1886), обзоръ русскихъ изученій славянства и русское славяновѣдѣніе въ XIX в. (Ib. 1889), теорія общеславянскаго языка (Ib. 1892. Разборъ соч. А. Будиловича: „Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы“), новыя данныя о славянскихъ дѣлахъ (Ib. 1893).

Наиболѣе значительнымъ остается, конечно, сочиненіе А. Н. Пыпина: „Исторія славянскихъ литературъ“. Несмотря на всѣ частныя недостатки этого сочиненія, самые строгіе его критики признаютъ за нимъ заслугу перваго и до сихъ поръ единственнаго свода главнѣйшихъ данныхъ по исторіи литературы всѣхъ славянскихъ народностей; далѣе указываютъ на богатѣйшій подборъ этнографическихъ, историческихъ, литературныхъ, а особенно—біографическихъ и бібліографическихъ свѣдѣній; наконецъ, будучи по натурѣ своей ученымъ, А. Н. внесъ и въ этотъ трудъ всю простоту и цѣлесообразность системы и научность генетическаго метода. Огорчивъ многихъ славянофиловъ (въ сущности руссо-филовъ) идеей культурной разъединенности славянскаго міра, какъ результата всей исторической его жизни, А. Н. проявилъ, по нашему мнѣнію, великую трезвость мысли и искреннее славянское чувство въ слѣдующемъ положеніи, проходящемъ черезъ всѣ его статьи и опредѣленно выраженномъ въ „Исторіи славянскихъ литературъ“ (I, 35): „единство и солидарность славянства достигнуты будутъ не мечтами о фантастическомъ будущемъ или о столь же фантастическомъ возвращеніи старины, а заботой каждаго народа о расширеніи своего просвѣщенія; они должны не враждовать противъ европейской образованности, а примыкать къ ней: на этомъ пути они сойдутся всего скорѣе. Второй существенной заботой ихъ должно быть изученіе другъ друга: они должны научиться признавать историческую личность, уважать особенности другого племени, отказаться отъ притязанія на свою національную непогрѣшимость,—и здѣсь они найдутъ то основаніе, на которомъ могутъ дѣйствительно сойтись въ братскій и прочный союзъ. Среди всѣхъ колебаній, неясностей, преувеличеній, какихъ много было въ совершающемся развитіи славянскаго сознанія—проходитъ одно стремленіе, которое постоянно растетъ: научное и практическое изученіе славянскаго міра въ литературѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, желаніе выяснить его особенныя свойства и историческое прошлое. На этой почвѣ

только и можетъ вырасти вѣрный взглядъ на взаимныя отношенія славянства“.

Кажется, что приведенныя мысли, высказанныя болѣе 20 лѣтъ А. Н., становятся теперь общимъ мѣстомъ среди интересующихся славянствомъ и изучающихъ его. Въ этомъ лучшая оцѣнка значенія сочиненій и статей А. Н. Пыпина о славянствѣ.

—чѣ.

---

† Антонъ Фабрисъ.

14 октября 1904 г. скончался въ Дубровникѣ одинъ изъ лучшихъ юго-славянскихъ, въ частности сербскихъ, публицистовъ Антонъ Фабрисъ. Онъ родился въ этомъ же городѣ 17 апрѣля 1864 г. Лишившись рано отца, онъ очень рано узналъ ужасы жизни и скоро долженъ былъ взяться за самостоятельный трудъ. Шести лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ начальную школу въ Дубровникѣ, а затѣмъ въ городскую, гдѣ скоро выдвинулся своимъ прилежаніемъ и умомъ. Еще болѣе блестящіе успѣхи онъ сталъ оказывать въ гимназій: учителя удивлялись остротѣ его ума и его желѣзному характеру. Во всѣхъ классахъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Гимназію кончилъ въ 1885 г. Участвуя въ послѣдней товарищеской вечеринкѣ, онъ провозгласилъ тостъ, въ духѣ котораго онъ продолжалъ потомъ дѣйствовать всю жизнь: „Среди насъ есть здѣсь и сербы и хорваты... Почему бы мы и впредь не могли такъ братски поступать... Старайтесь только хорошо исполнять ваши обязанности, а ваша обязанность работать на пользу народа... Да здравствуетъ согласіе, да здравствуетъ единство между нашими братьями сербами и хорватами!“

Время 1885—1889 гг. Фабрисъ провелъ въ Вѣнѣ, гдѣ посѣщалъ философскій факультетъ тамошняго университета. Ягичъ причислялъ его къ своимъ лучшимъ ученикамъ. По окончаніи университета, Фабрисъ вернулся въ Дубровникъ, въ надеждѣ получить мѣсто учителя; онъ желалъ жить въ Дубровникѣ, въ „нашемъ несчастномъ городѣ“, какъ онъ говорилъ своимъ друзьямъ. Но сербство было его грѣхомъ въ глазахъ австрій-

скаго правительства, и въ 1889 г. онъ былъ назначенъ учителемъ гимназіи въ Сплѣтъ. Въ 1890—91 гг. онъ былъ переведенъ суплентомъ при итальянской гимназіи въ Задрѣ. Въ 1892—93, 1893—94, 1894—95 гг. мы видимъ его опять суплентомъ въ Сплѣтъ. Въ 1893 г. онъ сдѣлалъ попытку перейти въ Дубровникъ, но получилъ назначеніе въ Сплѣтъ, „такъ какъ его служба при этой гимназіи крайне необходима“. Это было до нѣкоторой степени вѣрно, такъ какъ тамъ нуженъ былъ знающій и энергичный учитель сербскаго языка.

Въ 1895 г. Фабрисъ взялъ на себя редакцію сербской газеты „Дубровника“. Какъ редакторъ, онъ завоевалъ большое признаніе и авторитетъ. Его серьезныя, трезвыя статьи, способъ редактированія газеты, непоколебимость въ направленіи, искренняя и безкорыстная преданность сербской національной идеѣ, отстаиванье и защита національныхъ интересовъ увеличили его извѣстность и авторитетъ не только въ сербствѣ, но и въ прочемъ славянствѣ. И въ эпоху самыхъ острыхъ раздоровъ между сербами и хорватами онъ остался вѣренъ идеѣ своей молодости, остался поборникомъ единенія между единокровными племенами, единенія, основаннаго на чистой національной идеѣ. Какъ апостолъ національной идеи, онъ мозолилъ глаза всѣмъ врагамъ сербской народности. Противъ него со всѣхъ сторонъ вели интриги, и онъ вѣчно долженъ былъ быть на-сторожѣ.

Желая послужить своему дорогому сербству и на литературномъ полѣ, онъ основалъ въ Дубровникѣ журналъ „Срѣ“, не подозревая, что онъ его погубитъ. Во второй половинѣ 1902 г. „Срѣ“ принесъ на своихъ страницахъ стихотвореніе Трояновича „Бокезская ночь“, въ которомъ правительство увидѣло государственную измѣну. И авторъ стихотворенія, и издатель были арестованы и заключены въ тюрьму. Объ этомъ арестѣ въ свое время говорила вся европейская печать. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, правительство должно было выпустить узниковъ. Но Фабрисъ вышелъ изъ тюрьмы съ зачатками смертельной болѣзни. Въ 1903 г. онъ отправился на конгрессъ славянскихъ журналистовъ въ Пильзенъ, гдѣ, во вниманіе къ его заслугамъ, онъ былъ избранъ вице-предсѣдателемъ конгресса. Въ томъ же году на собраніи далматинскихъ сербовъ въ Сплѣтъ онъ имѣлъ возможность осуществить свою давнишнюю мечту,—увидѣть организованной сербскую партію. Это важное событіе было послѣдней радостью сербскаго патріота...

Библіографія.

Кирилль Христовъ. Избрани стихотворенія съ прѣдговоръ отъ Иванъ Вазовъ. София 1903.

Кирилль Христовъ—одинъ изъ настоящихъ избранниковъ славянской музы, а въ Болгаріи онъ теперь первый поэтъ. Его стихи не перепѣвы съ чужого голоса: онъ черпаетъ ихъ непосредственно изъ источника собственной души, и это чувствуется то въ неожиданномъ и новомъ образѣ, то въ красивомъ и своеобразномъ поворотѣ мысли, то въ свѣжемъ движеніи чувства. Предметы его поэзіи разнообразны чрезвычайно: тутъ вы найдете иѣжные акварельные рисунки природы, выраженіе молодой, здоровой и сильной любви или стремительной страсти, холодную философскую рефлексію и заостренную, язвительную эпиграмму на общественные недостатки. Рекомендуя себя читателямъ, поэтъ говоритъ: „вы хотите знать, кто я? Прочтите мое имя Кирилль сзади напередъ,—и вы узнаете. Я—лирикъ“. Но цѣлый рядъ балладъ изъ болгарской исторіи, по фактурѣ стиха и красотѣ образовъ, напоминающихъ пушкинскаго „Вѣщаго Олега“, указываетъ, что рамки дарованія Христова гораздо шире. Повторяемъ, это настоящій недюжинный талантъ. Съ нимъ слѣдовало бы нашимъ поэтамъ познакомиться и русскую публику.

Настоящее изданіе его стихотвореній, награжденное болгарскимъ литературнымъ обществомъ въ Софіи, представляетъ собою выборку изъ его произведеній за 10 послѣднихъ лѣтъ. Это даетъ возможность прослѣдить развитіе таланта Христова. Къ сожалѣнію, выводы, къ которымъ невольно приходишь здѣсь, вызываютъ опасенія относительно дальнѣйшей участи этого дарованія. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе овладѣваетъ поэтомъ рефлексія и вмѣстѣ съ тѣмъ безотрадное пессимистическое воззрѣніе на міръ. Христовъ—позитивистъ, и эта „положительность“, борясь съ непосредственностью чувства, повидимому, ее побѣждаетъ. Стихи Христова за послѣднее время становятся все длиннѣе, разсудочнѣе, холоднѣе. Стремленіе къ реализму наталкиваетъ автора на странные сюжеты, примѣромъ которыхъ можетъ служить поэма „Милкана и Рале“, гдѣ описывается, какъ двое влюбленныхъ, застигнутые ночью на сѣвѣжной полянѣ, среди которой возвышалось только одно дерево, спасаясь отъ голодныхъ волковъ, позабыли про свою любовь и, подчиняясь животному инстинкту, одинъ другого стаскивали

съ дерева, пока, наконецъ, не взобралась на него Милкана, оставивъ Рале въ добычу волкамъ. Наставшее утро застало ее спящею въ вѣтвяхъ дерева, а подъ деревомъ внизу лежали только кости съѣденнаго волками Рале. Тутъ чувствуется натянутость мысли и придуманность сюжета. Дидактизмъ всегда губительно отзывался на поэзіи; и жалъ было бы, если-бы онъ убилъ яркое и самоцвѣтное дарованіе Христова.

Какъ поэтъ-мыслитель, Христовъ наиболѣе интересенъ для насъ своими славянофильскими стремленіями. Онъ — одинъ изъ немногихъ болгаръ, стоящихъ на настоящей славянской точкѣ зрѣнія и обнимающихъ собою все славянство безъ различія народностей. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны стихотворенія „Орисля“, „Гробница“ и „Славянское солнце“. Онъ уже видитъ встающую славянскую зарю, онъ уже слышитъ звуки предразсвѣтнаго славянскаго колокола, но онъ понимаетъ, что славяне, чтобы увидѣть солнце, должны взобраться выше къ приоблачнымъ скаламъ, и онъ зоветъ ихъ на эту высоту:

Небото рументѣй. Въ безмълвие дълбоко
Стоимъ и чакаме отъ модри висини
Туй чудно сълнце ний.—Славяни! по-високо!
Не можемъ го видѣ отъ тая планини!

Въ этомъ подъемѣ вверхъ, обязательномъ для всѣхъ славянъ, особенно видная роль теперь выпадаетъ, по нашему мнѣнію, на долю самостоятельныхъ балканскихъ государствъ. Вполнѣ свободныя, съ устройствомъ, дающимъ полную свободу общественной дѣятельности, они должны показать, что получили свою свободу не напрасно; они должны показать, на что способны славяне, предоставленные самимъ себѣ. Къ сожалѣнію, теперь въѣздъ хотя-бы въ Бѣлградъ даже послѣ Сараева оставляетъ непріятное впечатлѣніе. Въ Бѣлградской крѣпости уже сорокъ лѣтъ, какъ не развѣвается турецкое знамя, исчезъ турецкій кварталъ города, еще такъ недавно значившійся въ путеводителяхъ, и только одна всего мечеть напоминаетъ о быломъ, но не видно дѣятельной и энергической руки новаго хозяина. Всюду пыль, заустѣніе, грязь. Неужели славянамъ придется быть вѣчными культурными рабами германскаго племени? Отвѣтъ на этотъ вопросъ должны намъ дать прежде всего Сербія и Болгарія какъ политической и общественной, такъ и литературной своей жизнью. Чтобы онъ не вышелъ утвердительнымъ, пожелаемъ Кириллу Христову, какъ одному изъ представителей молодой болгарской литературы, освободиться отъ мертвящей струи разсудочности и холоднаго отрицанія—не въ нихъ источникъ жизни—и разжечь въ своей душѣ тлѣющую въ ней искру положительныхъ идеаловъ.

Андрей Сиротининъ

Jankowski Czesław. Sześćset lat stosunków Polsko-Pruskich. Z przydanymi głosami w sprawach polsko-pruskich: H. Sienkewicza, B. Prusa i T. Smarzewskiego. Wilno 1903, w 8-ce, str. 100, rb. 1.

Популярно и сокращенно Ч. Янковскій излагаетъ въ этой книгѣ исторію „600 лѣтъ польско-прусскихъ отношеній“.—Предпославъ коротенькое предисловіе и упомянувъ вкратцѣ о возникновеніи ордена рыцарей-мона-

ховъ въ Палестинѣ около 1190 г. во время крестовыхъ походовъ, авторъ въ нѣсколькихъ строкахъ охарактеризовалъ лицемѣріе ордена. Орденъ былъ основанъ съ благородною цѣлью: нести помощь больнымъ и немощнымъ; но будучи изгнанъ арабами изъ Палестины, этотъ орденъ, составленный исключительно изъ нѣмцевъ, былъ призванъ венгерскимъ царемъ Андреемъ въ 1222 году для защиты границы отъ набѣга комановъ (половцевъ); но коварные нѣмцы сразу проявили намѣреніе сдѣлать захватъ венгерскихъ областей; царь это замѣтилъ и уже въ 1225 году изгналъ ихъ изъ Венгріи. Крестоносцы тогда переселились въ Италію. Затѣмъ авторъ переходитъ къ призванію этихъ рыцарей-монаховъ и поселенію ихъ на прусско-польской границѣ. Польша тогда была ослаблена междоусобіями удѣльныхъ князей. Одинъ изъ нихъ Конрадъ Мазовецкій сдѣлалъ попытку завоевать болѣе сильный народъ пруссаковъ и ввести въ ихъ страну христіанство. Онъ напалъ на Пруссію, но былъ разбитъ. Пруссаки, желая отомстить мазовшанамъ за набѣгъ, стали нападать на польскія области и разорили Мазовію. Недальновидный и алчный Конрадъ желалъ во что-бы то ни стало поработить пруссаковъ, которые были сильнѣе малочисленныхъ мазовшанъ, но во всемъ терпѣлъ неудачи; тогда онъ рѣшился на пагубный шагъ. Въ 1226 году онъ отправилъ въ Италію пословъ, чтобы призвать крестоносцевъ. Переговоры длились долго; наконецъ въ 1230 году явились въ Польшу эти рыцари-монахи. Конрадъ построилъ имъ крѣпость Фогельзангъ, отдалъ замокъ Хелмно и подарилъ ордену значительную область на польско-прусской границѣ, съ условіемъ, чтобы орденъ находился въ зависимости отъ Мазовіи. Лишь только утвердился орденъ на польско-прусской землѣ, какъ начались интриги, подлоги, козни. Крестоносцы стали поддѣлывать документы, писали воззванія ко всемъ государствамъ, прося о присылкѣ денегъ, людей, оружія. Самы поляки помогали ордену поработить пруссаковъ, которыхъ частью перерѣзали, частью обложили данью, частью продали въ рабство. Отнимая дочерей и сестеръ у туземцевъ, крестоносцы составили контингентъ наложницъ, любовницъ и публичныхъ женщинъ. Безженные рыцари-монахи оставляли потомство. Въ Пруссію стекались нѣмцы. Священники искали здѣсь богатыхъ епархій, промотавшіеся бароны отправлялись за наживой, фанатики спѣшили обмытъ свои грѣхи въ крови невинныхъ, преступники уносили свои шенъ отъ висѣльницы, искатели кладовъ получали богатые имѣнія. Наплывъ разночинцевъ и праздношатаевъ увеличилъ ряды крестоносцевъ, и уже въ 1283 г. вся Пруссія была поработлена. Вслѣдъ за тѣмъ крестоносцы бросились на литовцевъ; но объединенные литовцы, управляемые мудрыми князьями изъ династіи Лютавора, дали отпоръ; тогда крестоносцы ринулись на слабую Польшу, утонающую въ междоусобіяхъ. Они заняли Померанію, захватили Куявію и залили кровью княжество Познанское. Найдя слабое сопротивленіе, они рѣзали безпощадно поляковъ-христіанъ. Жалобы поляковъ отправленные къ папѣ, ни къ чему не привели.

Задачею ордена было крестить язычниковъ, давать помощь больнымъ и ввести просвѣщеніе въ страну некрещенныхъ; но это былъ лишь громкій эпитетъ. На дѣлѣ крестоносцы преслѣдовали иную цѣль; а именно они имѣли въ виду захватъ чужихъ областей, отнятіе чужаго имущества, истребленіе литовцевъ, русскихъ и поляковъ. Большія шайки жестокихъ нѣмцевъ шли въ Пруссію. Магистръ ордена нѣсколько разъ въ годъ отправлялъ въ Литву или Польшу шайки разбойниковъ, хищниковъ-людорѣзовъ и изувѣ-

ровъ,—однимъ словомъ, всякій сбродъ,—которые окружали деревни, зажигали со всѣхъ сторонъ, а спасающихся мирныхъ гражданъ рѣзали безжалостно, жгли гумна, амбары. Большіе же отряды водилъ самъ магистръ, а иногда—маршалъ. Часто имъ удавалось напасть въ расплохъ на Литву, но часто и сами они попадали въ засаду; поэтому, если они рѣзали литовцевъ, русскихъ и поляковъ и приносили жертву Христу, то и литовцы ихъ не щадили и въ полной парадной формѣ съ оружіемъ и на конѣ, жгли рыцарей-монаховъ въ честь бога войны Анды. Сто лѣтъ крестоносцы напали на Литву и Русь, но ни одной пяди земли литовско-русской не взяли, тогда какъ Польшу совершенно разорили. Поляки, видя близкую политическую кончину, предложили руку царевны Ядвиги Литовскому князю Ягайлѣ. Въ 1386 г. литовцы приняли крещение; а въ 1410 г. литовско-руско-польскіе полки сокрушили могущество ордена; но фанатизмъ поляковъ, молившихся трое сутокъ на полѣ битвы, и происки папы спасли орденъ.

Въ 1462 г. крестоносцы были еще разъ побѣждены и признали верховную власть Казимира Ягеллоновича, царя польско-литовско-русского. Въ 1523 г. крестоносцы приняли лютеранство и хотѣли сбросить его польско-литовско-русское, но опять были разбиты, и герцогъ Альбрехтъ Гогенцоллернъ призналъ себя вассаломъ Сигизмунда Казимировича. Въ 1578 г. когда триединое царство: Польша—Литва—Русь было на вершинѣ могущества, то царь Стефанъ Баторій заключилъ договоръ съ родственникомъ герцога Прусскаго Альбрехта Фридриха, Бранденбургскимъ Электоромъ, въ силу котораго послѣ смерти герцога прусскаго Пруссія переходитъ во владѣніе бранденбургскаго курфирста, который долженъ будетъ признать надъ собою власть польско-литовско-русскаго царя. Альбрехтъ Фридрихъ умеръ въ 1618 г. и зять его Іоаннъ Сигизмундъ, тоже Гогенцоллернъ, завладѣлъ Пруссіей. Во время злополучнаго царствованія Ивана Казимира Герцогъ Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I дѣлается независимымъ, а сынъ его Фридрихъ I въ 1701 г. надѣвается корону. Внукъ Фридриха Фридрихъ II участвовалъ въ раздѣлѣ Польши, захватилъ Померанію, княжество Познанское, Мазовію и небольшую часть Литвы (нынѣ Сувалскую губернію). Въ 1807 г. Наполеонъ оторвалъ отъ Пруссіи княжество Варшавское.

Источниковъ авторъ не указываетъ; но будучи католикомъ, онъ не сумѣлъ звѣрства крестоносцевъ представить въ надлежащемъ видѣ; по принятию предубѣжденію, онъ даже согласенъ считать рыцарей-монаховъ просвѣтителями (praesertores), а начальника ихъ наставникомъ (magister), т. е. такъ, какъ именовали сами себя крестоносцы. Въ общемъ—книга эта для энциклопедиста содержитъ достаточно свѣдѣній, чтобы составить себѣ понятіе о возвышеніи пруссаковъ. Зато знаменитый польскій романистъ Г. Сенкевичъ въ нѣсколькихъ строкахъ, въ припискѣ, яркими красками озарилъ звѣрства, интриги, происки, лицемѣріе, подлогъ, хищничество и коварство свирѣпыхъ изуверовъ-крестоносцевъ. Не менѣе сильное порицаніе злыхъ добродѣтелей крестоносцевъ прибавили Б. Прусь и Т. Смажевскій.

О. Вильчинскій.

Zygmunt Gloger. Dolinami rzek. Opisy podróży wzdłuż Niemna, Wisły, Bugu i Biebrzy. Warszawa 1903.

Археологія на Западѣ давно получила права гражданства. Заграницей выходитъ много сборниковъ, журналовъ, листковъ и газетъ по археологіи; много издается сочиненій специальныхъ и популярныхъ археологическаго содержанія. Значитъ, есть и любознательные люди, которые ихъ читаютъ. Ученыя изслѣдованія читаютъ большею частію специалисты; для публики печатаются популярныя сочиненія. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежатъ и путешествіе Сигизмунда Глогера, извѣстнаго въ польской литературѣ—археолога. Глогеръ всю жизнь свою посвятилъ археологіи, и изслѣдованія свои онъ помѣщалъ вообще въ повременныхъ изданіяхъ; путешествіе же свое по рѣкамъ Нѣману, Вислѣ, Бугу и Бебжѣ онъ издалъ отдѣльнымъ сочиненіемъ, въ популярномъ изложеніи. Этому сочиненію предпослала предисловіе Элиза Ожешко, извѣстная польская романистка, сопровождавшая Глогера въ одной изъ описанныхъ имъ поѣздокъ. Сочиненіе это состоитъ изъ описанія нѣсколькихъ поѣздокъ.

Первая поѣздка была совершена по рѣкѣ Нѣману отъ Гродна до Ковна. Поѣздка описана въ формѣ разсказа, въ которомъ упоминаются вкратцѣ кремневые орудія и черепки глиняныхъ сосудовъ, залегающіе въ берегахъ Нѣмана, и описываются развалины замка польскаго царя Стефана Баторія въ Гроднѣ, а также остатки церкви во имя св. Бориса и Глѣба, построенной въ византійскомъ стилѣ, и церковь во имя св. Василія вмѣстѣ съ монастыремъ Базиліановъ. Описаніе сопровождается рисунками орудій, черепковъ и развалинъ, что увеличиваетъ достоинство статьи. Рисунки отчетливы. Во время пути слѣдованія авторъ примѣчаетъ развалины замковъ: Мереча, Друскеникъ, Лишковецъ, Пунь, Бирштанъ, осматриваетъ домъ XV столѣтія въ Ковнѣ. Все это описано вкратцѣ, въ популярномъ изложеніи, и пояснено рисунками. А такъ какъ всѣ означенные замки упоминаются въ литовско-русской исторіи, то опредѣленіе ихъ мѣстоположенія, обозначеніе ихъ вида, архитектуры, техники не можетъ не заинтересовать археолога и историка.

Вторая статья описываетъ путешествіе, совершенное по Нѣману отъ Ковна до Юрборка, 27 лѣтъ спустя. Въ ней описаны, вкратцѣ, впрочемъ, нѣкоторые предразсудки, обычаи, привычки жителей, схваченные на лету. Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ авторъ приводитъ пѣсни флпсаковъ, т. е. владѣльцевъ лодокъ, совершающихъ плаваніе по дѣламъ торговымъ, въ видѣ наемщиковъ, перевозчиковъ, или торговцевъ, и описываетъ обрядъ празднованія субботы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши.

Статья, озаглавленная „Четверть столѣтія спустя“, посвящена описанію достопримѣчательностей Польши. Авторъ обращаетъ вниманіе на остатки и развалины башни въ Червинскѣ; замковой горы и кафедральнаго собора въ Плоцкѣ, городища въ Добжинѣ и др. и равнымъ образомъ все это изображаетъ и на рисункахъ. Описывая впечатлѣнія, какія на него произвели берега Буга во время плаванія, авторъ слѣдуетъ разѣ принятой системѣ. Въ ней онъ описалъ и изобразилъ городищенскій храмъ въ Ковнѣ, развалины францисканской церкви и городища въ Дорошчинѣ, а также кремневые орудія, встрѣчаемыя по берегамъ Буга. Наконецъ въ послѣдней статьѣ онъ описываетъ свое плаваніе по рѣкѣ Бебжѣ. Въ ней, между прочимъ, помѣщено описаніе и рисунокъ старинной деревянной ратуши въ Гоніондзѣ

Означенная книга заключаетъ статьи оригинальныя. Нѣкоторые изъ нихъ содержатъ цѣнный матеріалъ для археологін, исторіи и этнографіи; а потому книга одинаково можетъ интересовать энциклопедиста, какъ и специалиста. Такимъ образомъ Глогеръ является въ польской литературѣ не только изслѣдователемъ-специалистомъ по археологін, но и популяризаторомъ кромѣ археологін еще исторіи и этнографіи. Какъ Глогеръ, такъ и Ожешко хорошо владѣютъ перомъ, а потому книга читается любителями своего прошлаго охотно.

О. В.

Примери књижевности и језика старогa и српско-словенскогa. Составио Стојан Новаковић. Треће прегледано и поправљено издање. У Београ. 1904, 8° XXVI + 673.

Первое изданіе этой книги вышло еще въ 1877 г. Черезъ 12 лѣтъ (въ 1889 г.) оно было повторено безъ всякихъ перемѣнъ, если не считать одного дополненія въ отдѣлѣ старо-славянскаго языка. Напротивъ, настоящее изданіе, выходящее въ свѣтъ послѣ второго спуста 15 лѣтъ, содержитъ уже рядъ существенныхъ измѣненій. Такъ, совершенно переработанъ старо-славянскій отдѣлъ; въ сербскую письменность вводятся остатки сербской глаголицы „въ исторической и юридической литературѣ исправлено все согласно съ современнымъ положеніемъ изданія памятниковъ“; всюду авторъ старался представить образцы литературы согласно современному уровню ихъ изученія.

Истиннымъ украшеніемъ хрестоматіи ак. Новаковича остаются (какъ и въ первыхъ двухъ изданіяхъ) его мастерскія характеристики памятниковъ литературы, которыя предпосылаются каждому изъ нихъ въ видѣ маленькихъ историко-литературныхъ введень, и которыя, соединяя лапидарность изложенія съ фактическимъ богатствомъ содержанія, являются всѣ вмѣстѣ своего рода исторіей сербской литературы въ абрисѣ. Кое-что, впрочемъ, вызываетъ возраженія какъ въ отношеніи подбора матерьяла, такъ и въ отношеніи указаній литературы предмета. Такъ, прежде всего слѣдуетъ пожалѣть, что составитель не включилъ въ отдѣлъ церковнославянскаго языка Кіевскихъ Отрывковъ, а въ отдѣлъ хорватскихъ глаголическихъ памятниковъ—Отрывковъ Вѣнскихъ: они особенно наглядно показали бы постепенный переходъ овальной глаголицы къ продолговатой. слѣдуетъ пожалѣть также, что въ хрестоматіи Новаковича отсутствуютъ также Хиландарскіе листки и листки Ундольскаго, которые были бы болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ Остромирово Евангеліе. Не мѣшало бы также включить въ этотъ же отдѣлъ знаменитую надпись Симеона 997 г., какъ единственный памятникъ чистаго церковнославянскаго языка, сохраненный на камнѣ и при томъ датированный. Читатель образцовъ сербско-славянской церковной литературы слишкомъ рѣзко переходитъ отъ памятниковъ конца XII и начала XIII в. и XV в.; между тѣмъ, пробѣлъ можно было бы легко заполнить Сверлижскими отрывками 1279 г., столь интересными къ тому же своею записью. Къ памятникамъ XIV в. стоило бы прибавить Дечанское Евангеліе. Среди образцовъ сербско-славянской исторической литературы бросается въ глаза отсутствіе Паннонскаго Житія Кирилла. Правда первоначально

оно было писано, вѣроятно, на болгарскомъ языкѣ, но вѣдь на болгарскомъ же языкѣ была составлена записка черноризца Храбра, которая, однако, включена ак. Новаковичемъ въ свой сборникъ. Въ отдѣлѣ церковно-правовой литературы даетъ себя чувствовать недостатокъ примѣровъ изъ Хиландарскаго Типика и Иловицкой Кормчей.

Изъ библиографическихъ недочетовъ укажемъ, напр., на слѣд.: при Синайскомъ Требникѣ не отмѣчена работа Ланга: *Jazykovědecký rozbor Enchologia Sinajského (Zpráva o s. k. real a vyšším gymn. v. Příbrami 1888 и 1890)*, при Саввиномъ Ев.—известное „Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги“ В. Н. Щепкина, при Вукановомъ ев.—описание его языка С. М. Кульбакина, исследование М. Н. Сперанскаго при трепетникахъ и мн. др.

На стр. 112 своей книги ак. Новаковичъ приписываетъ Никольское евангеліе Хвалу, который писалъ известную рукопись Болонской библіотеки; но рукописи боснійскаго происхожденія поразительно сходятся по письму, и сходство почерковъ обѣихъ рукописей можетъ быть вполне случайнымъ.

Г. Ильинскій.

Fr. Pastrnek. *Slovanská legenda o sv. Václavu. Podle rukopisu chorvatsko-hlaholského a Rumjancevského vydal, prekladem a poznámkami, jakož i úvodem opatril ...* (Věstník Kral. České spolčn. Nák 1903, № VI), str. 87. 80.

Съ тѣхъ поръ, какъ ак. Ягичу посчастливилось найти два новыхъ глаголическихъ списка древне-церковно-славянской легенды о св. Вячеславѣ (одинъ 1379 г. въ часословѣ Ватиканской библіотеки въ Римѣ, а другой ок. 1400 г. въ часословѣ Люблинской Липецкой Библіотеки,—ср. его статьи „Analecta gotana“ въ Arch. f. sl. Ph. XXV 9—20 и Легенда о св. Вячеславѣ Р. Ф. В. 1902, 92—108), новое критическое изданіе этого древнецерковнославянскаго памятника чешскаго происхожденія составляло очередную задачу славянской науки. Эту задачу взялъ на себя профессоръ чешскаго университета въ Прагѣ, Фр. Пастрнекъ, авторъ известной „Исторіи Кирилла и Меодія“ (ср. Виз. Врем. X т. № 3—4) и выполнилъ ее двоякимъ способомъ. Сначала (стр. 25—39) имъ печатается дословный текстъ Легенды по списку (до 1496 г.) г. Нови (въ хорватскомъ Приморьѣ), недавно открытому и описанному о. Вайсомъ, съ присоединеніемъ вариантовъ всѣхъ другихъ известныхъ рукописей. Потомъ слѣдуетъ текстъ Румянцевской (Востоковской тожъ) Легенды, списанный специально для автора ак. Соболевскимъ и снабженный лишь важнѣйшими разночтеніями остальныхъ рукописей, обширными реальными комментаріями, а также чешскимъ переводомъ. Такой „дуалистическій“ способъ изданія Легенды едва ли можно признать удачнымъ: вѣдь если авторъ считаетъ новлянскій списокъ наиболѣе близкимъ къ протографу Легенды, то онъ долженъ былъ бы быть послѣдовательнымъ и положить его въ основу и своего „второго изданія“. Тогда оба изданія можно было бы легко соединить въ одно, въ особенности, если бы проф. Пастрнекъ не пренебрегалъ т. н. „нижнимъ этажемъ“ подстрочныхъ примѣчаній. Впрочемъ, едва ли можно считать вполне мотивированнымъ взглядъ проф. Пастрнека на Новлянскій текстъ какъ на самый консервативный списокъ Легенды: то обстоятельство, что онъ одинъ

изъ всѣхъ глаголическихъ текстовъ сохранилъ имя одного изъ убійцъ кн. Вячеслава, еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для рѣшенія вопроса въ смыслѣ Пастрыка, такъ какъ въ другихъ случаяхъ Люблянской текстъ даетъ лучшія чтенія, чѣмъ Новлянской. Ср. домовъ Любл. при домомъ Новл.; древле Любл. при прѣе Новл.; слава Любл. при хвала Новл.; брата Любл. при брата Новл.; разбѣгу Любл. при разбѣгоше се Новл. при говѣннемъ Любл. говореннемъ Новл.; бисъ Любл. при бисп Новл. и нѣкот. др.

Чешскій переводъ Легенды сдѣланъ проф. Пастрыкомъ очень точно. Весьма поучительны его реальные комментаріи къ Легендѣ, которые, соединяя краткость съ содержательностью, вполне достигаютъ цѣли. Изъ спорныхъ мѣстъ мы позволили бы себѣ не согласиться съ толкованіемъ фразы: прочиташе явнѣ безъ блазна (п. 52). Слово явнѣ смущало здѣсь еще Востокова и Миклошича, которые раздѣляли его на явнѣ; они переводили, поэтому, фразу такимъ образомъ: „читалъ ихъ (т. е. книги) по памяти“. Срезневскій понималъ это слово буквально, т. е. какъ „ясно“ или „очевидно“, и съ такимъ толкованіемъ его соглашается и Пастрыкъ. Но нельзя ли видѣть въ этомъ словѣ простой ошибки писца, прочитавшаго нар. абѣ (которое въ подлинникѣ могло имѣть форму іабѣ) какъ явнѣ? Если да, то фразу можно было перевести „читалъ книги безъ записки и безъ ошибки“.—Въ п. 17 нѣкоторое затрудненіе представляетъ слово домашнаіа въ фразѣ: Аще божія раби и домашнаіа, и аще странники вса одѣваше и кормяше Слова божія рабы значить „священниковъ“ (famuli Dei), но что такое „домашніе“? Проф. Пастрыкъ, переводя буквально по-чешски domáci, оставилъ это слово безъ болѣе подробнаго объясненія. Нельзя ли видѣть и здѣсь ошибку писца, непонявшаго слово мышнаа подлинника, которое представляетъ вин. мн. отъ прилаг. мышынн (ср. соврем. чешск. mešni)? Слѣдовательно, наше мѣсто означаетъ, что Вячеславъ одѣвалъ и кормилъ „священниковъ“ и служащихъ при литургіи (напр. дьяконовъ).—Въ п. № 29 проф. Пастрыкъ напрасно исправляетъ нар. инка въ никамо: нар. ка едва ли не праславянскаго происхожденія. Ср. наши Сложн. мѣст. 29.

Обоимъ изданіямъ Легенды проф. Пастрыкъ предпослалъ обстоятельный библиографическій обзоръ всѣхъ дошедшихъ до насъ ея списковъ и очеркъ исторіи ученыхъ мнѣній объ этомъ своего рода уникѣ древнецерковнослав. письменности. Слѣдуетъ пожалѣть, что проф. Пастрыкъ не высказалъ своего мнѣнія о происхожденіи Легенды и не свелъ въ одно цѣлое признаки его западнославянскаго, въ частности чешскаго происхожденія. Наконецъ, къ числу пробѣловъ изданія слѣдуетъ отнести отсутствіе Слова къ Легендѣ.

Г. Ильинскій.

Lech czy Lęch? Napisał Szymon Matusiak. Osobne odbicie z „Ludu“ Rocznika X. Kraków 1904. 8° 25 str.

Происхожденіе имени ляхъ уже давно интересуетъ ученыхъ, но не смотря на множество изслѣдованій, оно остается еще не совсемъ яснымъ. Большинство ученыхъ не сомнѣвается, что это слово находится въ какой-то связи съ прасл. именемъ *lędъ, *lędina (ср. русс. лядъ, лядина „земля, очищенная изъ-подъ лѣса для пашни“), сохранившимся, между про-

чимъ, и въ древне-рускомъ названіи польской страны „земля лядская“; однако образованіе имени ляхъ непосредственно изъ слова *lędъ встрѣчаетъ непреодолимые фонетическія затрудненія: по законамъ славянской фонетики, ch могло возникнуть только изъ s и притомъ только послѣ гласной, въ словѣ-же *lęd-s оно должно было остаться. Г. Матусякъ остроумно устраняетъ эту трудность. Онъ указываетъ на то, что въ польскомъ языкѣ существуетъ множество уменьшительныхъ именъ на —ch, возникшихъ изъ именъ на —slaw. Ср. Bolech при Bolesław, Święch при Świętosław, Czech при Czesław, Stach при Stanisław и т. д. Подобнымъ образомъ, по его мнѣнію, и польское lęch возникло изъ имени Lędziech, которое донынѣ живетъ въ нѣкоторыхъ названіяхъ мѣстностей и которое, какъ напр. Bolech изъ Bolesław, въ свою очередь, образовалось изъ Lędziesław. Польское lęch, первоначально служившее именемъ какого-нибудь главы рода (ср. имя Piast), перешло къ литовцамъ въ видѣ Lenkas, къ мадярамъ—въ формѣ Lendjel, къ сербамъ—въ формѣ Ledjan и къ русскимъ—въ формѣ Ляхъ. Эта этимологія помогаетъ г. Матусяку остроумно объяснить одно загадочное названіе у Константина Багрянороднаго. Именно, послѣдній въ числѣ народовъ, жившихъ въ верховьяхъ Днѣпра, называетъ какое-то племя подъ именемъ Λενζανῆνοι. Извѣстно же, что какъ разъ по близости жили во время Константина Радимичи и Вятичи, которыхъ наша первоначальная лѣтопись считаетъ выходцами изъ польской земли. И вотъ г. Матусякъ находитъ возможнымъ читать Λενζανῆνοι какъ лядчане: отъ имени. пад. ед. ч. лядчанинъ Константинъ ошибочно образовалъ и имени. множ. Съ этими Лядчанами, по мнѣнію нашего автора, тождественны и Lendici, которыхъ Баварскій географъ (866—890) помѣщаетъ на Руси въ числѣ славянскихъ племенъ. Морфологически Lendici представляютъ такое-же образованіе, какъ и напр. Вятичи, Радимичи и т. п.

Гипотеза г. Матусяка представляется намъ вѣроятной. Однако, для увѣнчанія ея автору надлежало-бы привести изъ древнихъ памятниковъ или, по крайней мѣрѣ, изъ современныхъ говоровъ хоть одинъ примѣръ имени Lędziesław, которое пока остается лишь дедукціею,—и только. Изъ частности, кромѣ совершенно невѣрнаго утвержденія, что русс. языкъ не зналъ въ X в. носовыхъ звуковъ, отмѣтимъ, что сопоставленію г. Матусяка серб. Леђана съ им. *lędъ мѣшаетъ русс. былинный Ледянь. Впрочемъ, это противорѣчіе можно устранить предположеніемъ, что *Ледянь измѣнилось въ русс. яз. въ Ледянь подъ вліяніемъ народной этимологіи изъ ледъ. Остается еще пожалѣть, что г. Матусякъ, повидимому, незнакомъ съ работами проф. Халанскаго о серб. Леђан и русс. Ледянь.

Г. Ильинскій

МАТЕРІАЛЫ ПО ІСТОРЫІ ДЫССІДЕНТСКАГО ВОПРОСА.

Рѣчь Грабовскаго, генераль - лейтенанта и посла конфедерации диссидентовъ.

М о в а

J. W. Jmci Pana Tomasza w Konopnicy Grabowskiego Generała Lejtnanta Woysk W. X. Lit. Posła od Konfederacyi Dyssydentow Koronnych y Litewskich do skonfederowanych Stanow Rz. Ptey. R. 1767. Mca Wrzesnia 26 dnia miana ¹⁾.

Na głos Oyczyzny, w swoich wolności zawiasach wzruszoney, na głos pierwszy w Oyczyźnie Magistratury Twojej I. O. Mci Xiążę Marszałku, na głos Wasz Przeswietne skonfederowane stany obojga Narodow duchem obywatelstwa tchnący, Rycerstwo Dyssydentow Koronne y Wielkiego Xięstwa Litewskiego dla okazania y obrony Praw swoich in manipulum związane, głosem waszym pełnym ludzkosci, w uszach Ich już od puł wieku z tą koncertu harmonią niesłyszczanym wzbudzone, z uszanowaniem w osobach J. OO. J. WW. WM. Panow, wielkich miłośników Oyczyzny, jako nieodrodne Jey plemie w pośrodku żarliwych Obrońcow Oney, przez nas Posłów swoich stawia.

Pochwalmyż spólnie Pana Boga Opatrzność, która w każdych Rzeczy-Pospolitey przypadkach, osobliwą nad nią miała czułość: czasem Scepter Jey zdolney ręce do rządu oddając, czasem rostopnością y radą Wielkich w Niey Mężow zdobiąc, czasem Sąsiedzkie Potencye do obrony Jey przychylając: y gdy w dawniejszych koniunkturach, częstokroć jedno z tych szrodkow, Rzecz-Pospolita nachyloną ku upadkowi wspierało, podpomagało, w przytomnych czasow chwili, wszystko nadzieję czyni, wszystko zachęca, wszystko się zbiera do wewnętrznego uspokojenia.

Oto masz Oyczyzno moja w Osobie Tron Twoy. osiadającego Monarchy, Pana mądrego, łaskawego, honor Korony Twoiey zdolnie piastującego, w którym przymioty Krolewskie z Cnotami Obywatelskimi, tak są kształtnie y miśternie spojone, że w Nim równie miłość Patryotyczną ku Rzeczy-Pospolitey, iako y Oycowską Jego nad Nią Opatrzność, chwalić y wysławiać jest naszej wdzięczności obowiązkiem. Wie ten Pan iakiemi Narodowi panuje, zna nasze Prawa,

---

¹⁾ См. „Histoire des rév. de Pologne I, Pièces justificatives, (57) Harangue de M. Paul Konopnice Grabowski, Staroste de Czersko et Deputé de la Confédération de Thorn. Du 28 Avril 1767. (P.; 459—465).

zwyczaję y powinności z których jedną jest rodowita Polakom szanować Maiestat, druga zastawiać się o wolność y swobody Im też jest przyrodzona y właściwa.

Nie schodzi Ci oraz Ojczyzna moja, w domowych uciskach Twoich, na wsparciu y posilkach Sąsiedzkich, tym miłszych, że nie interessowanych, tym okazalszych, że z samej wspaniałości pochodzących.

Ta Wielka Tronu Rossyjskiego Monarchini, Narod Swoy do naywyższej w Europie przyprowadziwszy konsyderacji, Ojczyźnie własney stawszy się Matką y od Niey Swieżo udarowana tym sobie naypochlebniejszym tytułem, ieszcze y na sąsiedzkie kraje swoje rozrzuca dobrodzieystwa. Je Korona Polska na Głowie Naydostoiniejszey, że się wiele krwie Braterskiej między Nami oszczędziło, że Wolność ocalona, że ambicya gurowania w swoje słodkiey równości zawarta granice, wszystko to sprawiła Katarzyna.

Lecz gdy Jey sławę, mądrość y zdrową politykę cała Europa głosi, My w Polsce Dyssydenci w Religii Chrzescianskiej staliśmy wyrazem litosciwego Jey serca y świadkami Przysiótów Naywspanialszego Jey umysłu.

Musiła się Ta Pani z wysokości Maiestatu swego do dolu poniżenia naszego nachylić, żeby jęczenie y uciski niewinnych słyszała, a przeswiadczona o bezprawie w Wolnym Narodzie równym od równych, ale mocniejszych słabszym udzielane, użyła nayprzystoiniejszych środków między Nacyami sobie wzajem skolligowanymi pospolitych, wspierając zaleceniem naypoufalszym nasze suppliki, memoryały, remonstracye, z powinnym uszanowaniem J. K. Mci y Rzeczy-Pospolitey nieustannie podawane.

Tak łagodne czynności gdy na przeszłym seymie jako każdemu wiadomo, nie tylko sprawiedliwych nie otrzymały względów, ale zdążyły pomnażać liczniejszych y silnie szych naszych współ Ziomków zasieć. Exponowani wzgardzie, pogroźkom y ostatniemu. Praw Naszych Szlacheckich zdeptaniu, udaliśmy się pod zaszczytem Protekcyi Nay Jaśnieszey Imperatorowey Jey Mci całej Rossyi y Potencyi z nią sprzymierzonych do sposobu Narodowego; nie w intencji szkodenia komu, ale odjęcia się krzywdzie, przez podniesienie Konfederacyi w Toruniu y w Słucku Dnia dwudziestego Marca.

A widziałże kiedy z Naszych wielu rewolucyi pamiętników? doczytałże się kto w Historii krajowey tak spokojnych, tak skromnych, tak niemiłych w czasie Konfederacyi, jakie nasze były postępki? komuśmy swywołni, komu ciężcy, komu zdziercy y bezprawni, niech Nas Prześwietne Stany przed Obliczem Waszym zawstydzi: nawet y tym, Tym mówię, którzy Nam nieraz noż przymykali do gardła, stawić się ludzkiemi, mieliśmy za Chrześcianańską y Obywatelską powinność.

A będziesz kto ieszcze zatwardziały, że ludzi cnosliwych, Prawu posłusznych, Ojczyznę synowską miłością kochających, do usług Jey zdatnymi być mogących zechce od ciała Rzeczy-Pospolitey odcinać, y za martwe członki tego Narodu poczytać? Będziesz kto ieszcze Dyssydentów fałszywey Polityki sophizmem zarzucał? że różność opinii z strony Wiary niebezpieczne in statu uczyni poróżnienie, tych J. O. Mci Xiążę Marszałku dziećmi godnych Przodków swoich przekonay; przypomnij im Owych Domu Radziwiłowskiego Bohatyrow, Mikołaiów, Januszów, Krzysztofów, Ci byli Ewangelikami y oraz Filarami Ojczyzny.

O późna potomności! Ty w tej sprawie, którą dziś z niesmakiem wielu Kompatriotów przyjmie prawy uczynisz rozsądek. Ty tyranów sumnienia w nikczemne zarzuciwszy legendy, Wspomożycielów zgody, pokoju y wzajemnego

znoszenia się w Świątyni Pamięci posadzisz. Ty uwielbisz imiona Tych wszystkich, którzy Akt Konfederacji Waszey piorem ludzkości spisawszy za hasło mu przydali: Wolność y Sprawiedliwość.

O Wielcy Mężowie! o godni w Ojczyźnie przodkowania jużescie ufność naszą sobie zniewolili y obowiązali, na łono Wasze krzywdy y uciski współ Obywatelów od których posłany jestem, składam, za ich z Wami iednomysłność w inszych dolegliwościach Rzeczy-Pospolitey, za spólnosc starunków, żeby to co z granic sprawiedliwości, z obrębu chwalebnych Państwa tego Ustaw prze-
możność szkodliwa wytrąciła, znowu w klębę prawa weszło, daję porękę.—Po-
daycież Nam łaskawą Prawicę, przyimicie Nas za Bracią swoją, niesących w
Ofiarę Ojczyźnie majątki, krew y życie: przywroccie Nacyi wolność sumnienia,
Matkę płodną niezmiernych korzyści, przywroccie rodowitosci naszej należące
prerogatywy: do użycia onych, nie inszą drogą przychodzić będziemy iak Cnotą
y Zasługami.

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Николай I Черногорскій.

Прогулка на Ловченъ.

Какъ позабыться порой отрадно
На склонахъ Ловчи, въ травѣ прохладной!
Какъ дивно близокъ душѣ мятежной
Цвѣтовъ прекрасныхъ покой безбрежный!

Не зная горя и чуждѣ сомнѣнья,
Лѣсъ полонъ счастьемъ уединенья;
Но соловьиной обвѣянъ пѣсней,
Онъ дышитъ миромъ еще чудеснѣй.

О горы Ловчи, молю, пошлите
Мнѣ счастье въ жизни,—и сѣнь храните
Свою при зноѣ и непогодѣ,
Всегда даруя пріютъ свободѣ!

Пусть вѣтви бука оберегаютъ
Отъ снѣга розы,—пусть расцвѣтаютъ
И тѣ долины, гдѣ, ихъ собирая,
Такъ сладко спалъ я, заботъ не зная.

Рѣка Корита, волной бурливой
Не погуби мой цвѣтокъ счастливый;
Онъ въ леденящихъ струяхъ увянетъ,
А съ нимъ и счастья на вѣкъ не станетъ!

Воиславъ Иличъ.

Прерывисто желтые листья шуршали...
Предчувствіемъ близкаго зла смущены,
Мы оба невольно и горько молчали, —
Намъ снились обоимъ тоскливые сны.

Какъ вѣстники смерти, сѣдые туманы
Легли на твое молодое чело,
И волны печали, и жгучія раны
Томили усталую грудь тяжело.

И чуяло сердце, что скоро придется
Извѣдать прощанья нерадостный часъ,
Что счастье, какъ дымъ, улетитъ, унесется,
И небо измучить разлукою насъ...

Сраженный судьбою, въ тревогѣ моленій
Изъ гроба напрасно зову я тебя.
Въ лицо мнѣ ликуя бьетъ вѣтеръ осенній,
Природа молчить, никого не любя, —

Природа, что властвуетъ жизнью земною,
Не видитъ страданій, не знаетъ скорбей,
Ни слезъ безутѣшныхъ и пролитыхъ мною,
Ни сумерокъ душевныхъ надежды твоей.

Іованъ Іовановичъ Змай.

Кто лучше?

Жилъ на свѣтѣ мальчикъ,
Скучный и угрюмый:
Онъ всему дурному
Поддавался думой.

Спрашивалъ онъ часто
Среди мыслей жгучихъ:
„Почему нѣтъ розы
„Безъ шиповъ колючихъ?“

Другъ былъ у малютки
Рѣзвый и веселый,
Вовсе не знакомый
Съ горестью тяжелой.

Оттого, повѣрьте,
Съ грустью онъ не знался,
Что повсюду видѣть
Доброе старался.

Такъ и здѣсь онъ молвилъ:
„Брось пустыя слезы,—
Радуйся, что въ тернѣ
Можно встрѣтить розы!“

Антонъ Ашкерцъ.

Фирдуси и дервишъ.

Тканью пестрою Фирдуси
Занять вновь на радость персамъ,
Не коверъ онъ ткеть, — но пѣсню
Вдохновенную слагаетъ:
Эпосъ „Шахъ Наме“.

Посѣщаетъ пѣснопѣвца
Шумный рой друзей, знакомыхъ,
Почитателей усердныхъ, —
И поетъ гостямъ Фирдуси
Пѣсню „Шахъ Наме“.

И встаютъ, стиху послушны,
Изъ могилъ цари, герои,
Ратоборцы старыхъ сказокъ...
Бой кипитъ, и за свободу
Льется кровь рѣкою.

Въ томъ бою непримиримы
Зло съ добромъ и правда съ ложью,
Тьма ночная съ яснымъ свѣтомъ
И съ Ормуздомъ лучезарнымъ
Демонъ Ариманъ.

У окна читаетъ громко
Эпосъ свой гостямъ Фирдуси;
Много бродитъ тамъ прохожихъ
И подчасъ остановившись
Слушаетъ стихи.

Среди гражданъ Гашны—самый
Вѣрный слушатель поэта
Вновь стоитъ, ему внимая, —
Это всѣмъ извѣстный Махмудъ,
Дервишъ и пророкъ.

Каждый день приходитъ Махмудъ
И становится у оконъ;
Взоръ его горитъ безумьемъ,
А уста клеймятъ Фирдуси
Градомъ злыхъ клеветъ.

Понося и задирая,
Пляшетъ Махмудъ и вертится,
На челѣ турбанъ трепещетъ,
И по воздуху одежда
Рѣветъ, какъ крыло.

А Фирдуси все читаетъ...
Но, прервавъ поэта, гости
Молвятъ: „Развѣ ты не слышишь,
„Какъ бранить тебя безумецъ,—
„Что же терпишь ты?

„Дикимъ воемъ вторя чтенью,—
„Что ни скажешь,—извращаетъ,
„Чернымъ бѣлое зоветъ онъ,
„Въ чистотѣ находить подлость...
„Ты отвѣть ему!“

Улыбнулся пѣснопѣвецъ,
Тихо бороду погладилъ,
Оглядѣлъ гостей спокойно
И сказалъ неторопливо:
„Иль не персы вы?

„Состраданіе къ больному
„Завѣщаль намъ Заратустра...
„Жаль мнѣ дервиша Махмуда:
„Расхворался не на шутку
„Разумомъ бѣднякъ!...

„Спутанъ умъ его Кораномъ,—
„Грѣхъ дразнить его словами:
„Заболѣть онъ можетъ пуще,
„И всему, что съ нимъ случится,
„Буду я виной.

„Онъ опять вопить... Ей, слуги,
„Протрезвите-ка пророка,
„Окотивъ струей холодной,
„А остатокъ влаги дайте
„Выпить старику!“

Сергѣй Штейнъ.

Объявление о подпискѣ на 1905 г. на
„СЛАВЯНСКІЙ ВѢКЪ“

(за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ ІЮЛЯ и АВГУСТА).

Адресъ редакціи:

Wien, VIII, Bennoplatz No 8.

Вѣна, VIII/2 Бенноплацъ № 8.

„Славянскій Вѣкъ“ даетъ полное, ясное и правдивое представленіе о культурной жизни всего Славянства, знакомитъ славянъ съ русской рѣчью, стремясь къ тому, чтобы русскій языкъ могъ сдѣлаться со временемъ общимъ языкомъ для сношенія славянъ между собою; поощряетъ междуславянскія торговыя сношенія.

Врагъ узкой предвзятости, чуждой всякаго челоуѣконенавистничества, поборникъ исконнаго славянскаго симбіоза, „Славянскій Вѣкъ“ старается быть всеславянскимъ вѣчемъ, въ которомъ каждый славянинъ имѣлъ бы возможность свободно и искренно высказываться на своемъ языкѣ по текущимъ славянскимъ вопросамъ. Параллельные тексты на всѣхъ славянскихъ языкахъ даютъ русскому читателю возможность знакомиться со славянскими языками, славянамъ облегчаютъ изученіе русскаго языка. Для усвоенія правильнаго произношенія печатаются также рассказы и стихотворенія съ надстрочными удареніями.

Вмѣсто лѣтнихъ выпусковъ подписчики получаютъ

Всеславянскій Календарь на 1905 г.

ПРОГРАММА: Славянскіе святцы. Краткая статистика свободныхъ и неосвобожденныхъ славянъ. Славянскія святыни. Славянскія Общества, Клубы, Русскіе Кружки, съ портретами видныхъ дѣятелей. Славянскія организаціи: ученія (Академіи, Университеты), народо-просвѣтительныя (Матицы и др.), экономическія. Уставъ Всеславянскаго Банка. Сравнительныя таблицы: а) славянской исторіи, б) славянскихъ литературныхъ языковъ. Славянскія политическія партіи (въ земствахъ, парламентахъ, сеймахъ). Славянскія воды (курорты), съ объявленіями. Крупные междуславянскіе торговые дома (съ объявленіями).

Новые подписчики получаютъ и

Карту нѣмецкихъ захватовъ на славянской землѣ.

Подписка Въ Австро-Венгріи: на годъ 10 кронъ, на полгода 5 кронъ,
„ Германіи „ „ 10 марокъ, „ „ 5 марокъ,
„ Россіи „ „ 6 рублей, „ „ 3 рубля.

Подписываться можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго времени“.
Въ Сербіи на годъ 12 динаровъ, на полгода 6 динаровъ,
„ Болгаріи „ „ 12 левовъ, „ „ 6 левовъ,
„ Черногоріи „ „ 10 кронъ, „ „ 5 кронъ.

Во всѣхъ прочихъ странахъ, вошедшихъ въ почтовый союзъ на годъ 14 франковъ, на полгода 7 франковъ.

Подписку въ Россіи принимаетъ также

А. И. ЧЕРЕПЪ-СПИРИДОВИЧЪ.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ. Пассаажъ Дзамгаровыхъ 43.

Редакторъ-издатель: Д-ръ Д. Н. ВЕРГУНЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
съ октября мѣсяца на 190⁴/₅ г.
(ТРЕТІЙ ГОДЪ ПО ВОЗОБНОВЛЕНИИ)

НА

„СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ“

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры **восемь** разъ въ годъ, въ **последнихъ** числахъ каждаго мѣсяца, кромѣ лѣтнихъ, книжками не менѣе 4 печатныхъ листовъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПЕЧАТАЮТСЯ: научно-популярныя статьи по исторіи, литературѣ, церковной жизни, этнографіи славянъ; статьи и извѣстія, касающіяся современной политической и культурной жизни славянскихъ народовъ; письма и корреспонденціи изъ славянскихъ земель; библиографическіе отчеты о выдающихся книгахъ по всемъ вопросамъ славяновѣдѣнія; переводы лучшихъ произведеній славянскихъ писателей; отчеты о дѣятельности С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества и объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. Н. Бахтинъ (Новичъ), А. А. Башмаковъ, проф. А. С. Будиловичъ, И. Я. Вацликъ, О. Вильчинскій, прив.-доц. Э. А. Вольтеръ, проф. К. Я. Гротъ, проф. П. А. Гейсманъ, Н. С. Державинъ, проф. А. В. Добіанъ (Прага), П. Д. Драгановъ, А. Ф. Ерковичъ, А. А. Завьяловъ, проф. В. Н. Златарскій (Софія), прив.-доц. Г. А. Ильинскій, І. В. Калаиъ (Прага), А. А. Кирьевъ, В. Н. Кораблевъ, В. А. Кракау, проф. П. А. Кулаковскій, проф. С. М. Кульбакинъ, проф. П. А. Лавровъ, А. Т. Липовскій, Л. П. Лобовъ, В. А. Лугаковский, Э. Э. Лямбекъ, О. А. Мончаловскій (Галиція), А. Ф. Музыченко, д-ръ Э. Ю. Мука, проф. М. Н. Павловичъ (Бѣлградъ), проф. И. С. Пальмовъ, прив.-доц. Н. М. Петровский, прив.-доц. М. А. Поліевктовъ, С. А. Радичъ (Загребъ), П. А. Ровинскій (Черногорія), д-ръ Г. Сернечъ (Штирія), Св. Ст. Симичъ (Бѣлградъ), А. Н. Сиротининъ, прив.-доц. д-ръ І. Скерничъ (Бѣлградъ), А. П. Соловьевичъ, прив.-доц. д-ръ Ст. Станосвичъ (Бѣлградъ), прив.-доц. А. І. Степовичъ, Е. Ф. Тураева-Церетели, проф. П. П. Филевичъ, С. В. Штейнъ, Ю. А. Яворскій, А. И. Яцимирскій и многіе другіе.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою для городскихъ подписчиковъ 3 руб., для иногородныхъ 3 р. 50 к. и за границу 4 р. Цѣна за отдѣльную книжку 50 к.

О всѣхъ новыхъ книгахъ по славяновѣдѣнію, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензии.

Всѣ статьи, корреспонденціи и вся переписка съ редакціей адресуются: С.-Петербургъ, въ редакцію „СЛАВЯНСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ“. Вас. Остр., 5 лин., д. 34, кв. 10.

Рукописи съ неоплаченными почтовыми расходами не возвращаются. Комплекты журнала за 190²/₃ и 190³/₄ годы высылаются за 3 руб.

Подписка принимается: 1) въ редакціи „Славянскихъ Извѣстій“, С.-Петербургъ, Вас. Остр. 5-я линія, домъ 34, кв. 10, — 2) въ помѣщеніи Славянскаго Благотворительнаго Общества, СПб. Звенигородская, 24 и 3) въ книжномъ магазинѣ Товарищества „Литература и Наука“, СПб. Измайловскій полкъ, 2 рота, д. 2.

Редакторъ *В. Н. Кораблевъ.*